

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 3

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 3

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Мельянцев В.А., Адрова И.С.** Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. Часть 1 **5**
- Белов (Юртаев) В.И., Савичева Е.М., Харитоновна Е.В.** Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи) **14**
- Эм П.П., Сон Ж.Г.** Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России **24**
- Тихоцкая И.С.** Трансформации XXI века: особенности формирования пути устойчивого развития в Японии **31**
- Александрова Е.Н., В. Заболоцкая В.В.** Развитие цифровой экономики в малом и среднем предпринимательстве: опыт Вьетнама **40**
- Денисова Т.С., Костелянец С.В.** Президентские выборы 2020 года и политическая ситуация в Гане **49**
- COVID-19 в Азии*
- Marina A. Vasilyeva.** Coronavirus rumors in China: content, spread and control policy **58**
- Ульченко Н. Ю.** Экономика Турции: в поисках ответа на вызов пандемии **64**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Алешин К.А., Баринов А.К., Сугаков Г.К.** Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества **71**

НАШ ПАРТНЕР - РКССАА

- Ахмед Салем аль-Вахейши** (Йемен), **Бакланов А.Г.** Идеи афро-азиатской солидарности и идеи XXI века **78**

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Тел./факс: **+7 495 6910270**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Vitalii A. Meliantsev, Irina S. Adrova.** Indonesia: the most important trends, proportions and factors of economic development. Part 1 **5**
- Meliantsev V.A., Adrova I.S.** Indonesia: the most important trends, proportions and factors of economic development **14**
- Pavel P. Em, Zhanna G. Son.** The Tiger entices the Bear: The experience of South Korean “Soft power” in Russia **24**
- Irina S. Tikhotskaya.** Transformations of the XXIST century: characteristics of shaping the path of sustainable development in Japan **31**
- Elena N. Alexandrova, Victoria V. Zabolotskaya.** Development of the digital economy in small and medium-sized businesses: the case of Vietnam **40**
- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** The 2020 presidential election and the political situation in Ghana **49**
- COVID-19 in Asia*
- Marina A. Vasilyeva.** Coronavirus rumors in China: content, spread and control policy. **58**
- Natalia Yu. Ulchenko.** Turkey's economy: in the search of an answer to the pandemic challenge **64**

SCIENTIFIC LIFE

- Kirill A. Aleshin, Andrey K. Barinov, Gleb K. Sugakov.** Russia and Africa in modern world: new challenges and prospects for cooperation **71**

OUR PARTNER - RCSCAA

- Ahmed Salem Al-Wahishi** (Yemen), **Baklanov A.G.** Ideas of Afro-Asian solidarity and the realities of the XXIst century **78**

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of “Asia & Africa today” (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495 697 94 50.**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. Часть 1

© Мельянцев В.А.^a, Адрова И.С.^b, 2021

^{a,b} ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
^a ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru
^b ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Посвящается 65-летию создания Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова

Резюме. В статье, базирующейся на авторских расчетах, моделях и индексах развития, анализируются основные тенденции и детерминанты долговременной экономической эволюции одной из крупнейших стран развивающегося мира - Индонезии на фоне успехов и неудач экономически продвинутых и отставших стран.

Несмотря на тяжелейшие последствия Азиатского финансового кризиса 1997 года, в результате которого ВВП Индонезии упал на 13% (в 1998 г.), страна встала на путь социально-экономических преобразований и смогла добиться не только быстрого, но и масштабного роста, который сопровождался рядом серьезных структурных изменений в экономике. Сегодня, несмотря на ряд возникающих экономических и социальных диспропорций, в целом экономика Индонезии растет более быстрыми темпами, чем экономики других развивающихся стран. Основными факторами, способствующими реализации догоняющего и опережающего развития Индонезии, являются расширение экспорта, импортозамещение и рост внутреннего потребления. Более того, в Индонезии произошли значительные улучшения некоторых из наиболее важных характеристик социального развития: доля населения, живущего в критической бедности, снизилась с 55% (в 1990 г.) до 4% (в 2018 г.), доля недоедающих в период с 1990 г. по 2018 г. уменьшилась вдвое.

В статье показано, что, если системно и систематично проводить прагматичные реформы, то, несмотря на трудности и отдельные неудачи, можно за время, равное жизни одного-двух поколений людей, добиться значимого экономического и социального прогресса.

Ключевые слова: Индонезия, факторы и модели экономического роста, эффективность развития, социальные достижения и проблемы

Благодарности: Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А., Адрова И.С. Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3 С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750014279-8

Indonesia: the most important trends, proportions and factors of economic development. Part 1

© Vitalii A. Meliantsev^a, Irina S. Adrova^b, 2021

^{a,b} Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia
^a ORCID ID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru
^b ORCID ID: 0000-0001-8954-1003; is.adrova29@gmail.com

Dedicated to the 65th anniversary of the establishment of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The paper, based on the author's computations, models and indices, analyzes the main trends and determinants of the long-term economic evolution of Indonesia, one of the largest countries in the developing world.

After the Asian financial crisis of 1997, as a result of which Indonesia's GDP fell by 13% (in 1998), the country embarked on the path of socio-economic transformation and was able to achieve not only rapid, but also large-scale growth, which was accompanied by a number of major structural changes in the economy. Despite a number of arising economic and social imbalances, in general, Indonesia's economy is growing at a faster rate than that of other developing countries.

Main factors that contribute to the realization of the catching up and outpacing development of Indonesia's economy are export expansion, import substitution and growth of the domestic market. Moreover, Indonesia has seen significant improvements in some of the most important characteristics of human development, the share of the population living in critical poverty fell from 55% (in 1990) to 4% (in 2018), the proportion of malnourished people in 1990-2018 has decreased by half.

The paper shows that, despite difficulties and some setbacks, through the up-to-date implementation of well-balanced effective reforms, one can achieve significant economic and social progress during a time equal to the life of one or two generations of people.

Keywords: Indonesia, factors and models of economic growth, efficiency of development, social achievements and problems

For citation: Meliantsev V.A., Adrova I.S. Indonesia: the most important trends, proportions and factors of economic development. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 5-13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014279-8

ВВЕДЕНИЕ

Хотя экономический рост очень важен для развивающихся стран, на путь сравнительно быстрого и устойчивого роста подушевого ВВП¹ сумело пока встать не более 1/10 из их числа. Опыт этих стран весьма ценен. Тем более, что они в своей массе вовсе не фавориты удачи и баловни судьбы.

Преодолевая немалые трудности², связанные с неблагоприятным воздействием ряда природных³, экономических, социально-политических и институциональных факторов, которые, как считали многие западные эксперты, могли блокировать рост ныне быстроразвивающихся стран (см., напр.: [1, pp. 1-118; 2, pp. 1369-1401; 3]), последние, в целом, *системно и систематично* проводя *прагматичные* реформы⁴, добились существенного прогресса. В допандемийный период текущего столетия (2000-2019 гг.) более бедные из быстрорастущих, подчеркнем, тропических стран (Индия, Вьетнам, Эфиопия), более или менее эффективно реализуя ряд преимуществ отсталости (см., в частности, [4]), росли со среднегодовым темпом прироста подушевого ВВП в 5-6%, а у тех, что «побогаче» (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Тайвань и Индонезия), он достигал 3-4% (что в 3-4 раза больше, чем в развитых государствах)⁵.

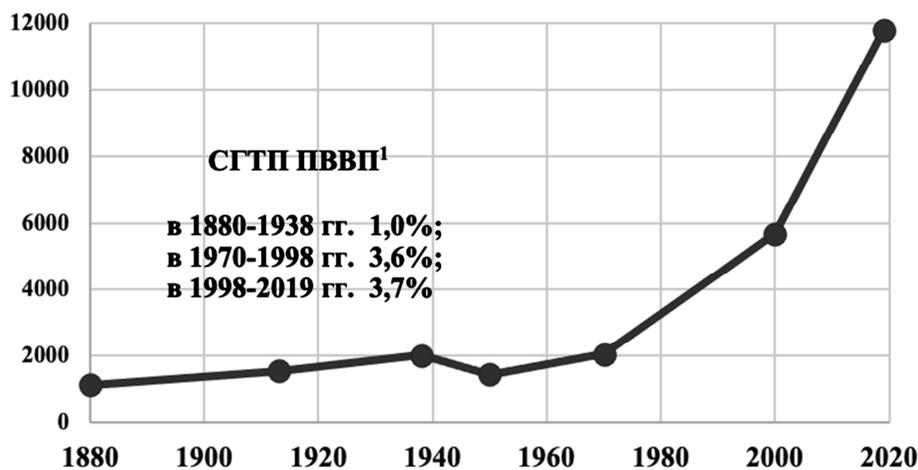

График 1. Индонезия, 1880-2019 гг.: динамика подушевого ВВП (\$, ППС 2017 г.).
Chart 1. Indonesia, 1880-2019: GDP per capita (\$, 2017 PPP).

Примечание: 1. СГТП ПВВП - среднегодовой темп прироста подушевого ВВП. Рассчитано по: [15].

Индонезия, о модели развития которой пойдет речь ниже, - (а) самое большое островное государство, расположенное в экваториальном поясе; (б) четвертая по численности населения и седьмая по объему ВВП в паритетах покупательной способности (ППС) страна мира; (в) крупнейшая мусульманская страна, которая за годы независимости, сменив два авторитарных режима и перейдя на рубеже веков к более или

¹ Одним из ключевых критериев такого роста в современных условиях можно считать достижение страной *среднегодового темпа прироста* подушевого ВВП не менее 3% в течение, как минимум, 2-3 десятилетий. Такой рост позволяет развивающимся странам за этот срок сократить относительный разрыв в уровнях подушевого ВВП с развитыми государствами в 1,5-2 раза.

² Говорят, где-то высоко в Гималаях есть надпись: «Научились вы радоваться препятствиям?»

³ Добрая половина быстроразвивающихся стран расположена не в умеренной климатической зоне, которая, как считается, более благоприятна для устойчивого роста и развития, а в тропиках, т.е. в той части планеты, где, как известно, весьма интенсивны и масштабны проявления природных катаклизмов и аномалий (тайфуны, цунами, наводнения и пр.).

⁴ Во многих из быстроразвивающихся стран есть сочетание и рыночной, и плановой системы. В тенденции развития их социально-экономических систем реализуется ряд инвариантов фундаментального *принципа Парето-улучшения*, когда быстрый рост доходов более продуктивной и предприимчивой части общества, активно внедряющей инновации, не сопровождается за сколько-нибудь длительный период времени абсолютным снижением благосостояния у его остальной части.

⁵ Рассчитано по данным и источникам к *граф.* 1.

менее устойчивой демократии, уже полвека растет сравнительно быстро и, в целом⁶, относительно стабильно (см. *граф. 1*, а также: [5; 6; 7, с. 97-99; 8, с. 82-93; 9, с. 94-97; 10, с. 132-144; 11; 12]).

ДИНАМИКА, ДЕТЕРМИНАНТЫ И МОДЕЛИ РОСТА

Увеличив среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в 3-4 раза по сравнению с заключительным периодом колониального господства (в 1880-1938 гг. ~ 1%), Индонезия по его динамике в 1970-2019 гг.⁷ вошла в высшую четверть из дюжины крупных развивающихся стран, среди которых КНР, Индия, Бразилия, Мексика, Турция, Королевство Саудовская Аравия, Иран, Таиланд, Египет, Нигерия, Пакистан. Среднегодовой темп прироста подушевого ВВП Индонезии в период 2000-2019 гг., равный 3,9% был ниже, чем у КНР (6,5%) и Индии (5,2%), но выше, чем у остальных перечисленных стран.

Успех Индонезии связан не только с благоприятными обстоятельствами, в т.ч., например, с заметным - в тенденции - улучшением *чистых бартерных условий внешней торговли*⁸, но и с политикой модернизации/индустриализации и проведением прагматичных экономических реформ, начало которым было положено еще в эпоху президента Сухарто⁹. При этом, однако, среднее *качество институтов*¹⁰ в Индонезии в конце его 33-летнего пребывания у власти (в 1996 г. - 28%) было ниже - втрое, чем в среднем по *развитым государствам* (87%) и в 1,5 раза, чем в целом по развивающимся странам (41%). *Показатель контроля коррупции* в сухартовской Индонезии (в 1996 г. - 22%) был ниже примерно вчетверо, чем в среднем по развитым государствам (87%) и вдвое, чем в целом по развивающимся странам (42%).

После Азиатского финансового кризиса, вследствие которого ВВП страны в 1998 г. сократился на 13%, и краха режима Сухарто, Индонезия встала на путь широких социально-экономических преобразований. Если в 2000-2019 гг., в среднем, и по развитым государствам, и по развивающимся странам показатель качества институтов практически не изменился (оставаясь на уровне, соответственно, 85-86% и 40-41%), в Индонезии он вырос в 1,5 раза (с 30-31 до 45-46%).

В результате, Индонезия, два десятилетия назад по рассматриваемому индикатору сильно отстававшая от развивающихся стран, в конце 2010-х гг. перегнала последних почти на 1/5, в т.ч. по качеству регулирования экономики - на 1/3. При этом, что немаловажно, все еще заметно отставая по показателю *обеспечения верховенства закона* от Сингапура, Республики Корея, Малайзии (в 2020 г., соответственно, 12-е место, 17-е и 47-е место в глобальном рейтинге из 128 обследованных стран), она, занимая 59-е место, существенно опережала такие страны, как Бразилия, Индия, Таиланд, Вьетнам, КНР, Филиппины (соответственно, 67-е место, 69-е, 71-е, 85-е, 88-е и 91-е место)¹¹.

Более чем на 2/5 повысился среднегодовой темп прироста *индекса экономической свободы* - с 0,9% в 1980-2000 гг. до 1,3% в 2000-2020 гг. В 2020 г., отставая по этому показателю от Сингапура, Тайваня, Малайзии, Республики Корея и Таиланда (соответствующие места в глобальном рейтинге *экономической свободы* - 1, 11, 24, 25 и 43), Индонезия (54-е место) заметно перегнала Филиппины, Турцию, КНР, Вьетнам, Индию и Бразилию (места в рейтинге: 70, 71, 103, 105, 120 и 144)¹².

Число дней, необходимое, чтобы начать бизнес, сократилось в Индонезии в 2002-2019 гг. значительно больше (в 13 раз), чем в среднем по развивающимся странам (в 2,6 раза). И хотя рассматриваемый показа-

⁶ За исключением 1998 г., на который пришелся Азиатский финансовый кризис, и 2020 г., в котором разразилась пандемия.

⁷ Нами учтен тот факт, что максимальный уровень подушевой ВВП, достигнутый в колониальный период (по одним расчетам, в 1938 г., по другим - в 1941 г.), вследствие длительной фазы военно-политической нестабильности, был восстановлен лишь в начале 1970-х гг.

⁸ Для страны, в которой в последние полстолетия доля экспорта в ВВП, в среднем, составляла 1/4, а доля в нем (экспорте) сырья и топлива превышала 4/5 в 1970-1980-е гг., 3/5 в 1990-е гг. и 1/2 в 1998-2019 гг., изменение *чистых бартерных условий внешней торговли* (соотношение индекса экспортных цен к индексу импортных цен) было весьма важным фактором роста реальных совокупных доходов страны. С начала 1970-х по конец 2010-х гг. в Индонезии увеличение чистых бартерных условий внешней торговли было весьма весомым. Среднегодовой темп прироста этого показателя составил 2,5%, в т.ч. 3% в 1972-1998 гг. (в 1972-1981 гг. 15-16%; в 1981-1998 гг. (-)3%) и около 2% в 1998-2019 гг. (в 1998-2011 гг. 4%; в 2011-2019 гг. (-)1,5%). Рассчитано по: [15].

⁹ Важнейшим фактором оздоровления экономики стало обуздание инфляции. среднегодовой темп прироста дефлятора ВВП, составлявший 123% в 1960-1965 гг. и 149% в 1965-1970 гг., после принятия командой макроэкономистов в правительстве Сухарто мер по стабилизации роста денежной массы в 1970-1998 гг. понизился почти в 10 (!) раз до 15%, а затем в постсухартовский период (в наших расчетах в 1999-2019 гг.) сократился, в среднем, на 2/5 - до 8-9%. Рассчитано по: [15].

¹⁰ Среднее по 6 индикаторам, рассчитываемым ВБ: подотчетность государственных органов, политическая стабильность, эффективность правительства, качество регулирования, верховенство закона, противодействие коррупции (см.: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (accessed 28.10.2020)

¹¹ World Justice Project. Rule of Law Index, 2020. Washington, D.C., 2020 (accessed 27.10.2020)

¹² Составлено и рассчитано по: Fraser Institute. Economic Freedom of the World, 2020. Vancouver, 2020. P. 92; The Heritage Foundation. 2020 Index of Economic Freedom. Washington, D.C., 2020. <https://www.heritage.org/index>. (accessed 30.10.2020)

тель по Индонезии в 2019 г. (12,6 дней) на 2/5 - 3/5 выше, чем, например, в КНР, Республике Корея, Малайзии, а также в среднем по развитым государствам (7-9 дней), он ниже почти вдвое, чем в среднем по развивающимся странам (23,7 дней) и на 1/4 - чем в Индии и Бразилии (17-18 дней). При этом *затраты на открытие бизнеса* сократились в Индонезии в 2011-2019 гг. более чем втрое - с 17,9% до 5,7% от ее подушевого ВВП, и в 2019 г. были, хотя и в 1,5-2 раза выше, чем в среднем по развитым государствам, а также по КНР и НИС (3-4% их подушевого ВВП), но в 4-5 раз ниже, чем в среднем по развивающимся странам (26-28% их подушевого ВВП)¹³.

По крупнейшим странам мира (с численностью населения 100 млн человек и выше) нами была выявлена *нелинейная позитивная взаимосвязь между подушевым ВВП и эффективностью правительства*¹⁴ (см. *граф. 2*)¹⁵.

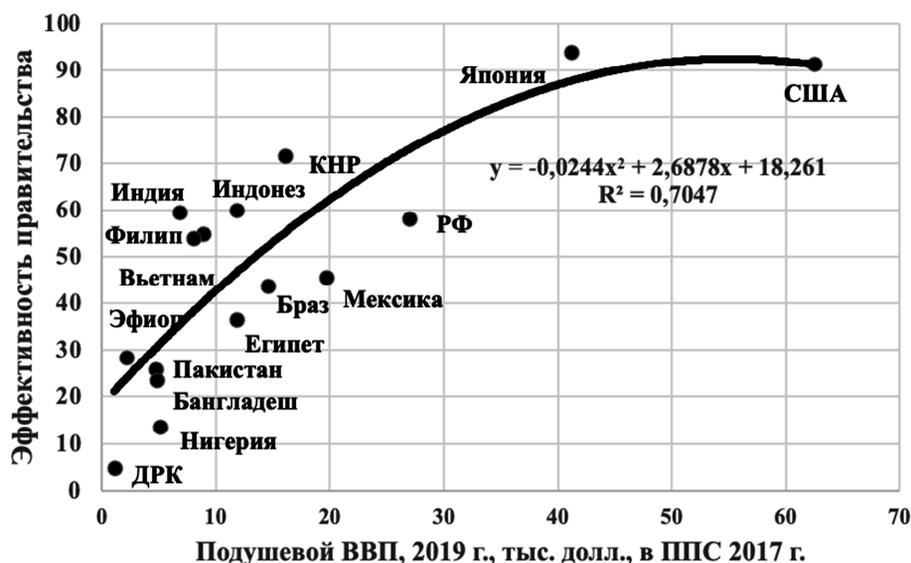

График 2. Взаимосвязь подушевого ВВП и эффективности правительства, 2019 г.

Chart 2. Relationship between GDP per capita and government efficiency, 2019.

Рассчитано по: [15], а также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (accessed 28.10.2020)

Сопоставление построенных нами регрессионных зависимостей (за 2019 и 2000 гг.) позволяет обнаружить, что, вследствие улучшения качества государственного управления, в Индонезии уровень эффективности правительства, оцененный группой исследователей Всемирного банка, оказался выше расчетного значения, сгенерированного по уровню подушевого ВВП, в 2000 г. на 1/5, а в 2019 г. уже почти на 1/3.

Проведенные реформы, способствовавшие, в целом, улучшению инвестиционного климата, обеспечению прав собственности, активизации деятельности в стране ТНК и хуацяо¹⁶, обусловили *в тенденции* повышение доли валовых сбережений и притока ПИИ в ВВП, что привело к росту (а не падению, как, например, в Японии) доли валовых капиталовложений в ВВП (см. *граф. 3*). При этом рост последнего показателя в Индонезии оказался «круче», чем в целом по развивающимся странам.

Согласно одной из ранее построенных нами моделей, сравнительно высокий среднегодовой темп прироста подушевого ВВП (см. *граф. 1*), достигнутый в стране в 2000-2014 гг. (4%), определялся примерно на 1/3 *эффектом конвергенции*, т.е. относительно более низким, чем не только в развитых государствах, но и во многих развивающихся странах, исходным уровнем ее подушевого ВВП; на 1/4 - в целом сравнительно более высокой *долей в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал*; на 2/5 - относительно более

¹³ Рассчитано по: Time required to start a business (days) and Cost of business start-up procedures (% of GNI per capita). <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 28.10.2020)

¹⁴ Меняется от 0 (минимальное значение) до 100 (в %).

¹⁵ Если в ряде стран их показатель эффективности правительства оказался меньше расчетного значения, которое можно было сгенерировать по уровню подушевого ВВП (например, по Нигерии, Мексике, Египту и Бразилии, соответственно, на 3/5, 1/4, 1/5 и 1/6), то в ряде других крупных, преимущественно азиатских развивающихся стран эффективность правительства оказалась существенно выше расчетного значения, в т.ч. в КНР и Индонезии почти на 1/3, во Вьетнаме и Филиппинах - на 2/5 и Индии - на 2/3 (!).

¹⁶ На долю хуацяо (выходцев из Китая), не превышающей 3-4% численности населения Индонезии, приходится, по оценкам, не менее 2/3 ее крупных и средних частных компаний.

существенным прогрессом в повышении уровня экономической свободы в стране и качества государственного регулирования экономики в результате проведенных в стране реформ [7].

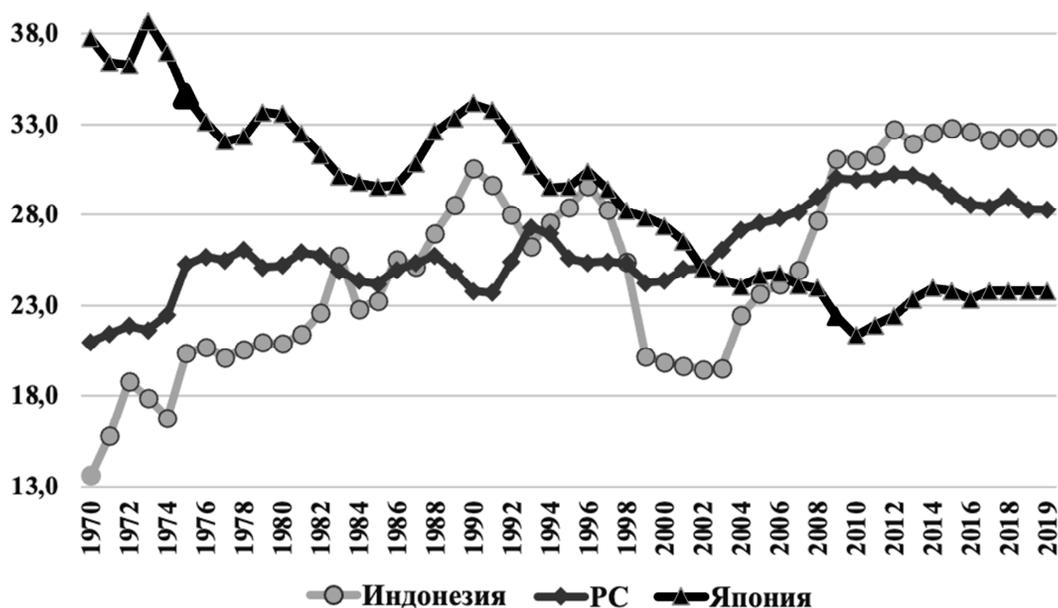

График 3. Индонезия, развивающиеся страны, Япония: динамика доли вложений в основной капитал в ВВП, 1970-2019 гг., %. Рассчитано по: [15].

Graph 3. Indonesia, developing countries, Japan: dynamics of the share of investments in fixed capital in GDP, 1970-2019, %.

С помощью модели, рассчитанной нами по материалам 20 крупных развивающихся стран за 2000-2019 гг.¹⁷, установлено, что опережение Индонезией по среднегодовым темпам прироста подушевого ВВП 16 развивающихся стран (кроме КНР, Индии, Вьетнама¹⁸) в среднем на 1,5-2 проц. пункта определялось, соответственно, примерно на 1/5, 1/7 и 2/5¹⁹ более высокими у нее значениями показателей доли капиталовложений в ВВП (28% : 21%), темпов прироста экспорта (5,1 : 4,3%) и повышения эффективности госуправления (14 п.п. : (-)0,7 п.п.).

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

В свете изложенного неудивительно, что Индонезия смогла добиться не только быстрого, но и масштабного роста, сопровождавшегося рядом крупных структурных изменений в экономике.

По абсолютному приросту ВВП в 2000-2019 гг. Индонезия (\$2 трлн в ППС 2017 г.), более чем втрое отставая от США и Индии (6,3 и 6,5 трлн) и в 8-9 раз - от КНР (\$17,3 трлн), вышла на 4-е (!) место в мире, у которой прирост валового продукта оказался больше, чем у Германии (\$1 трлн) и Японии (\$0,7 трлн). вместе взятых (рассчитано по источникам к *граф.* 1).

2,5-кратное ускорение среднегодовых темпов прироста ВВП Индонезии на этапе экономической модернизации (в наших расчетах - 1970-2019 гг., 5,3%) по сравнению с колониальным периодом (1880-1938 гг.,

¹⁷ GR_{Y_i/P_i} , GR_{X_i} - среднегодовой темп прироста подушевого ВВП, физического объема экспорта товаров и услуг *i*-й страны, %; mPK_i - средняя за период доля валовых вложений в основной капитал в % от ВВП; ΔEFF_GOV_i - прирост показателя эффективности правительства, в проц. пунктах.

$$GR_{Y_i/P_i} = 0,047 * mPK_i + 0,301 * GR_{X_i} + 0,049 * \Delta EFF_GOV_i$$

(p=0,038) (p=0,002) (p=0,002)

F-StatProb. = 1,27E-11; R²adj. = 0,90

Все основные параметры значимы на уровне менее 4%. Скорректированный коэффициент детерминации (0,90) весьма высок. Рассчитано по источникам к *граф.* 1, а также: The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (accessed 28.10.2020)

¹⁸ Среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в 2000-2019 гг. в Индонезии (3,9%) был ниже, чем в КНР (6,6%), Индии (5,2%) и Вьетнаме (5,3%).

¹⁹ 1/4 разницы в среднегодовом темпе прироста подушевого ВВП Индонезии и группы из 16 КРС приходится на неидентифицированные факторы.

2,1%) осуществилось *на достаточно сбалансированной основе*²⁰, т.к. произошло значительное повышение среднегодовых темпов прироста производства как в сельском хозяйстве (с 1,6 до 3,5%)²¹, так и индустриальном секторе (с 2,9 до 5,2%, в т.ч. в обрабатывающей промышленности - с 1,8 до 7,2%) и сфере услуг (с 2,2 до 6,3%).

Таблица. **Индонезия: динамика макроотраслевой структуры ВВП и занятости, 1880-2019 гг. (%)**
Table. **Indonesia: dynamics of the macro-sectoral structure of GDP and employment, 1880-2019 (%)**

	1880	1938	1950	1970	1998	2019
Структура ВВП²						
I¹	44	34	36	28	16	12
II	15	23	23	40	45	38
ОП	10	8	8	10	26	24
III	41	43	41	32	39	50
ВВП	100	100	100	100	100	100
Структура занятости						
I	86 ³	81	79	65	47	29
II	6 ³	7	8	9	16	22
III	8 ³	12	13	26	37	49
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечания:

1. I - сельское хозяйство, II - индустриальный сектор (добывающая, обрабатывающая промышленность (ОП) и строительство), III - сфера услуг.

2. Структура производства рассчитана на базе относительных цен 2000 г.

3. 1905 г.

Рассчитано по: [13; 15].

Хотя существенную роль в экономике играл *комплекс добывающих отраслей* (в среднем в 1970-2010-е гг. 1/6 ВВП), *ускорение* среднегодовых темпов прироста ВВП в последние полвека по сравнению с колониальным периодом вызвано, соответственно, на 1/3 и свыше 1/2 повышением вклада в экономический рост обрабатывающей промышленности и третичного сектора (прежде всего, транспорта и связи, что весьма критично для крупнейшего островного государства в мире, и торговли).

В результате экономической модернизации произошли: (а) *резкая интенсификация сдвигов в структуре экономики* (среднегодовой темп прироста изменений в структуре занятости и ВВП вырос более чем втрое - с 0,2-0,3% 1880-1938 гг. до 0,6-1,0% в 1950-2019 гг.²²); (б) ее значительная *индустриализация и сервисизация* (доля вторичного сектора в структуре занятости населения и ВВП выросла, соответственно, с 8% в 1950 г. до 22% в 2019 г. и с 23 до 38%, а сферы услуг - с 13 до 49% и с 41 до 50%²³). При этом в рассматриваемый период *доля обрабатывающей промышленности в ВВП* в итоге утроилась - с 8 до 24 (см. табл.).

В целом, относительно равномерный рост важнейших отраслей экономики (см. *граф.* 4), снижение в тенденции размера внешней задолженности²⁴, а также, как будет показано ниже, все бóльшая опора после Азиатского финансового кризиса на внутренний спрос (а также импортозамещение), способствовали обеспечению *устойчивости индонезийской экономики*.

²⁰ Сбалансированный рост - нечастое явление в развивающихся странах. По нашим расчетам, коэффициент вариации среднегодовых темпов прироста производства трех основных макросекторов экономики в 2008-2019 гг. в Индонезии (21%) был ниже (а, соответственно, сбалансированность роста экономики - выше) в 1,5 раза, чем в КНР и Индии (33%), на 3/4 - чем в Республике Корея и на Филиппинах (35-39%), и в 2,5-3,8 раза, чем в Мексике (52%), Таиланде (59%) и Бразилии (80%). Рассчитано по: [15].

²¹ В Индонезии в результате осуществления т.н. зеленой революции и повышения технического уровня сельского хозяйства *среднегодовой темп прироста подшевного производства в нем* увеличился в 4-5 раз - с 0,3-0,4% в 1880-1938 гг. до 1,6-1,7% в 1970-2019 гг. (1,3% в 1970-1998 гг. и 2,2% в 1998-2019 гг.) опережение Индонезией всей группы развивающихся стран по показателю *урожайности зерновых*, который в 1970-2017 гг. повысился с 20 до 52 ц/га. Рассчитано по: [15].

²² Интенсивность сдвигов в структуре ВВП (занятости), (J) рассчитана по следующей формуле: $J = \{[(100 +$

$$\sum_{i=1}^n |A_{it} - A_{i0}| / 100\}^{1/\Delta t} - 1\} * 100, \%$$

где A_i - доля сектора i в ВВП (занятости) в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода ($0, t$), n - число секторов (в данном случае - три: аграрный, индустриальный, третичный).

²³ Данные по структуре ВВП рассчитаны на базе цен 2000 г. При расчете в текущих ценах структурные изменения более рельефны: доля в ВВП индустриального сектора увеличилась, соответственно, с 12 до 39%, а третичной сферы - с 32 до 48%.

²⁴ Размер внешнего долга к ВВП, имевший длительную тенденцию к росту (с 38% в 1970 г. до 30% в 1980 г., 69% в 1990 г. и 94% в 2000 г.), сократился до 27% в 2010 г., хотя затем вырос до 37% в 2019 г. Составлено по данным из [15].

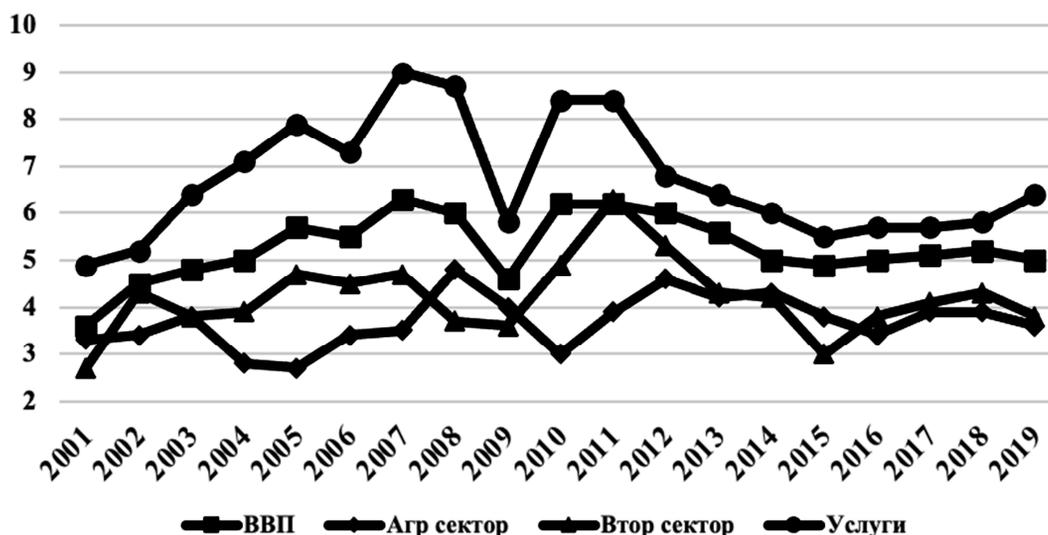

График 4. Индонезия, 2001-2019 гг.: годовая динамика ВВП и его важнейших макросекторов производства, %
 Chart 4. Indonesia, 2001-2019: annual dynamics of GDP and its most important macro sectors of production, %.
 Рассчитано по: [15].

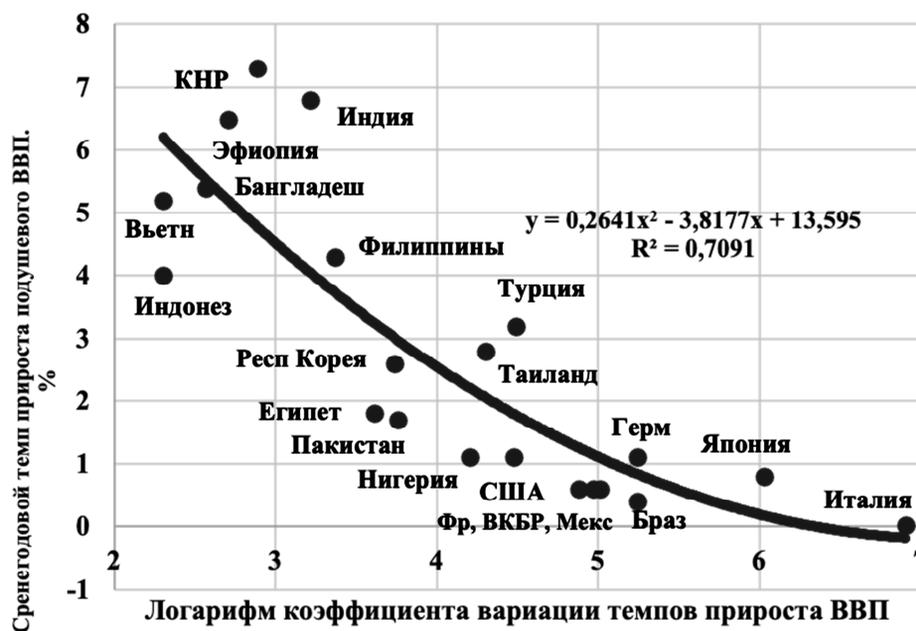

График 5. Влияние устойчивости экономического роста (ось абсцисс) на скорость роста подушевого ВВП (%; ось ординат), 2008-2019 гг. Рассчитано по: [15].
 Graph 5. Influence of the stability of economic growth (abscissa) on the growth rate of GDP per capita (%; ordinate), 2008-2019.
 $y = 0,2641x^2 - 3,8177x + 13,595$
 $R^2 = 0,7091$

Коэффициент вариации²⁵ темпов прироста ВВП Индонезии, достигавший в 1951-1965 гг. 92% и 98% в 1966-1998 гг., сократился в 1999-2019 гг. вчетверо - до 24%. По параметру устойчивости роста Индонезия в нашу турбулентную эпоху заметно (по крайней мере, до последнего времени) выделялась среди крупных стран мира (см. граф. 5).

По рассчитанной нами модели (по источникам в [15])²⁶ по 21 крупной стране мира за последние 12 лет (с начала мирового финансового кризиса и до начала пандемии - 2008-2019 гг.), более высокие среднего-

²⁵ $CV = ((1/n \sum (v_i - \bar{v})^2)^{0.5}) / \bar{v}$ - где CV - коэффициент вариации или относительное стандартное отклонение, v - среднегодовой темп прироста показателя, \bar{v} - его среднее за рассматриваемый период, n (здесь) - число лет в периоде. Чем меньше коэффициент вариации, тем выше стабильность динамики экономического роста.

²⁶ GR_Y/P_i, GR_X_i - среднегодовой темп прироста ПВВП, физического объема экспорта товаров и услуг i-й страны, %; mPK_i - средняя за период доля валовых вложений в основной капитал в % от ВВП; VAR_GDPGR_i - коэффициент вариации темпов прироста ВВП, в %.

довыи темпы прироста подушевого ВВП у быстрорастущих крупных развивающихся стран (куда, помимо Индонезии, вошли КНР, Индия, Филиппины, Вьетнам, Бангладеш и Эфиопия) по сравнению с менее динамичными развивающимися и развитыми государствами (см. *граф.* 5, примерно на 4 п.п.) можно объяснить, соответственно, примерно на 2/5, 1/4 и 1/8, в среднем, более высокими у первых значениями параметров *доли капиталовложений в ВВП, динамики экспорта, а также устойчивости роста*²⁷ их экономик.

Хотя в Индонезии - стране богатой природными ресурсами, востребованными мировым рынком, *доля сырья и топлива в структуре экспорта* до сих пор достаточно высока, вследствие индустриализации экономики, *доля сырья и топлива в структуре экспорта* Индонезии снизилась примерно со 100% в 1960 г. до 50% в конце 2010-х гг. При этом *доля экспорта в приросте ее ВВП*, достигавшая в 1900-1938 гг. 1/4 и возросшая в период правления президента Сухарто до 1/3 (что немало для сравнительно крупной страны), сократилась, как и во многих других развивающихся и развитых странах в результате Мирового финансового кризиса и его последствий, до примерно 1/5 на фоне резкого снижения среднегодовых темпов прироста физического объема ее экспорта (более чем вдвое - с 7,7% в 2000-2008 гг. до 3,2% в 2008-2019 гг.)²⁸.

Несложные расчеты по другой модели показывают, что, в целом, в постсухартовский период в Индонезии (в наших расчетах - 1998-2019 гг.) рост ее ВВП определялся *экспорторасширением, импортозамещением и ростом внутреннего рынка*, соответственно, на 17-19%, 11-13% и примерно 70%²⁹.

Проведенный анализ динамики, пропорций и факторов экономического роста Индонезии подтверждает, что страна динамично, сравнительно устойчиво и эффективно движется вперед. Однако для сохранения достигнутого темпа ей, как представляется, придется сделать еще немало. Тем более что окружающий мир становится сложнее, возникают новые вызовы, а экономическая и политическая конкуренция в нем явно имеет тенденцию к нарастанию.

Относительные успехи обусловлены отчасти, возможно, сформировавшимся за долгие годы у населения этих широт иммунитетом к опасным инфекциям, отчасти - политикой государства по борьбе с COVID-19, в т.ч. осуществлением карантинных мер (подробнее об этом - в заключительной части статьи).

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Sachs J., Warner A. Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995.
2. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*. Vol. 91, № 5, 2001.
3. Истерли У. В поисках роста: приключения и злключения экономистов в тропиках. М., 2006.
4. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.
5. Шейнис В.Л., Эльянов А.Я., отв. ред. Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990.
6. Мельянцеv В.А. Восточноазиатская модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998.
7. Мельянцеv В.А. Немалый социально-экономический прогресс / Хорос В.Г., отв. ред. *Современные проблемы развития*. Вып. 2. Т. 2. М., 2016.
8. Прозоровский А.С. Индонезия - как опыт модернизации / Хорос В.Г., отв. ред. *Современные проблемы развития*, М., Вып. 2. Т. 2. 2016.
9. Рогожин А.А. Ключевые факторы модернизации Индонезии / Хорос В.Г., отв. ред. *Современные проблемы развития*, Вып. 2. Т. 2. 2016.

$$GR_Y/Pi = -2,45 - 0,26*VAR_GDPGRi + 0,19*mPKi + 0,24*GR_Xi$$

$$(p=0,01) \quad (p=0,04) \quad (p=0,00) \quad (p=0,02)$$

$$F\text{-StatProb}=5,68E-07; \quad R^{adj.}=0,81$$

Все основные параметры значимы на уровне менее 4%. Скорректированный коэффициент детерминации (0,81) достаточно высок.

²⁷ Как объясняющие переменные, первые два из трех изучаемых регрессоров весьма весомы и (по процедуре оценивания методом наименьших квадратов в рамках единой модели) оттягивают на себя большую часть вариации среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП.

²⁸ Рассчитано по: [15], а также [14] по формуле: $V = [a*0.5 (b_1 + b_2): c] * 100, \%$, где V - вклад экспорта в прирост ВВП, a и c - среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, b_1 и b_2 - доля экспорта товаров и услуг в ВВП, соответственно, в начале и конце периода.

²⁹ Рассчитано по источникам к *граф.* 1 по следующей формуле: $\Delta Y = d_1 * \Delta S + \Delta X + (d_2 - d_1) * S_2$, где ΔY - прирост ВВП, S_1 и S_2 - внутреннее предложение ресурсов ($Y-X+M$) в начале и конце периода, d_1 и d_2 - соответственно доли внутреннего производства ($Y-X$) в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов - $(Y-X)/(Y-X+M)$. Прирост ВВП складывается из 3 эффектов: увеличение внутреннего спроса, экспортной экспансии и эффекта импортозамещения (данные с минусом означают импортозамещение).

10. Бойцов В.В. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность / Дерюгина И.В., отв. ред. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 2. М., 2020.
11. Van der Eng P. Indonesia's Growth Performance in the 20th Century, *The Asian Economies in the Twentieth Century*, 2002.
12. Hill H., Negara S.D. *The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond*. ISEAS - Yusof Ishak Institute, 2019.
13. Mitchell B.R. *International Historical Statistics: Africa and Asia*. London, 1982.
14. Maddison A. *L'économie mondiale au 20e siècle*. Paris, 1989.
15. The World Bank. *World Development Indicators*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#>; The UNCTAD. *Economic Trends*. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, OECD, 2003. Pp. 144-145, 184-185, 220-221; Van der Eng P. *The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. Explorations in Economic History*. 2008. Vol. 47. № 1. Pp. 304-306.

REFERENCES

1. Sachs J., Warner A. *Economic Reform and the Process of Global Integration. Brookings Papers on Economic Activity*, 1995.
2. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. The American Economic Review*. Vol. 91, № 5, 2001.
3. William Easterly W. 2006. *The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Moscow. (In Russ.)
4. Gerschenkron A. 2015. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Moscow. (In Russ.)
5. Sheinis V.L., Elyanov A.Ya. (eds.). 1990. *Large developing countries in the socio-economic structures of the modern world*. Moscow. (In Russ.)
6. Meliantsev V.A. 1998. *East Asian Economic Growth Model: Critical Ingredients, Strengths, and Flaws*. Moscow. (In Russ.)
7. Meliantsev V.A. 2016. *Considerable socio-economic progress. Modern development problems*. Moscow. (In Russ.)
8. Prozorovsky A.S. 2016. *Indonesia as an experience of modernization. Modern development problems*. Moscow. (In Russ.)
9. Rogozhin A.A. 2016. *Key factors of modernization of Indonesia. Modern development problems*. Moscow. (In Russ.)
10. Boytsov V.V. 2020. *Economic growth in modern Indonesia: results, factors, efficiency. Economic growth in the countries of the East: trends, unevenness, inequality of social development*. Book 2. Moscow. (In Russ.)
11. Van der Eng, P. *Indonesia's Growth Performance in the 20th Century. The Asian Economies in the Twentieth century*, 2002.
12. Hill H., Negara S.D. *The Indonesian Economy in Transition: Policy Challenges in the Jokowi Era and Beyond*. ISEAS - Yusof Ishak Institute, 2019.
13. Mitchell B.R. *International Historical Statistics: Africa and Asia*. London, 1982.
14. Maddison A. *L'économie mondiale au 20e siècle*. Paris, 1989.
15. The World Bank. *World Development Indicators*. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#>; The UNCTAD. *Economic Trends*. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 28.10.2020); Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, OECD, 2003. Pp. 144-145, 184-185, 220-221; Van der Eng P. *The Sources of Long-term Economic Growth in Indonesia, 1880-2008. Explorations in Economic History*. 2008. Vol. 47. № 1. Pp. 304-306.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова, заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vitalii A. Meliantsev, Dr.Sc. (Economics), Professor, Head, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal. Moscow, Russia.

Адрова Ирина Сергеевна, аспирантка кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки, ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Irina S. Adrova, Post-graduate student, Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
08.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
21.01..2021

Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи)

© Белов (Юртаев) В.И.^a, Савичева Е.М.^{a,b}, Харитоновна Е.В.^c, 2021

^a РУДН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6112-5550; vyou@yandex.ru

^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c ИАФР РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Резюме. В статье проанализированы актуальные факторы и тренды политического, экономического, социального и правового развития стран Арабского Востока. В фокусе исследования - выявление социально обусловленных приоритетов арабской молодежи, определяющих их видение стратегической ориентации стран региона (векторы: «Восток»; консолидированный «Запад»; «Россия»). На примере Ливана, в котором после взрыва в порту Бейрута (2020 г.) вновь вспыхнули протестные выступления молодежи, представлен срез социальных предпочтений населения, связанных с выработкой национальной идеи и обеспечением национальной безопасности.

Эмпирическую базу исследования составили, прежде всего, данные полевых исследований, проведенных по авторской методике, адаптированной для Ближнего Востока. В современной ситуации ковидной пандемии именно опросные исследования социальных представлений жителей изучаемого региона становятся незаменимым источником реальной информации с мест событий. На основе выявленных закономерностей были определены основные факторы развития стран Арабского Востока: улучшение правовой среды; преодоление межконфессиональных и межэтнических конфликтов, отход от моноконфессионального тренда в развитии региона, доминировавшего в последнее десятилетие. Что касается внешней политики, то социальные представления и установки респондентов однозначно демонстрируют потребность во временной изоляции и ориентацию на создание сильного блока ближневосточных государств. Среди возможных стратегических партнеров наибольшие, но пока неустойчивые, недостаточно сильные, шансы у России.

В целом, исследование показывает, что молодежь Арабского Востока не видит тупика в нынешней, хотя и очень сложной, ситуации. Напротив, все большее значение приобретают такие ценности, как приверженность суверенитету, собственный путь развития, расширение общественного диалога, приоритет внутреннего развития, выработка национальной идеи и патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: Арабский Восток, Россия, Запад, Ливан, молодежь, национальная идея, стратегическая ориентация, социальные установки, полевые исследования

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41001 «Этноконфессиональность в политике на Ближнем Востоке и интересы России».

Для цитирования: Белов (Юртаев) В.И., Савичева Е.М., Харитоновна Е.В. Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 14-23. DOI: 10.31857/S032150750014280-0

Lebanon and The Middle East: factors of strategic choice (based on the results of field studies of social representations of Arab youth)

© Belov (Yurtaev) V.I.^a, Savicheva E.M.^{a,b}, Kharitonova E.V.^c, 2021

^a RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6112-5550; vyou@yandex.ru

^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3446-8886; evh1956@mail.ru

Abstract: The article analyzes the current factors and trends in the political, economic, social and legal development of the Arab East countries. The research focuses on identifying socially conditioned priorities of the Arab youth that determine the vision of their vision of the strategic orientation of the regional countries (vectors: "East"; consolidated "West"; "Russia"). Based on an analysis of the situation in Lebanon, in which, after the explosion in the port of Beirut (2020) youth protests erupted again, the authors present a snapshot of the social preferences of the population related to the development of a national idea and ensuring national security.

The empirical basis of the study was, first of all, the data of field studies carried out according to the author's methodology, adapted for the Middle East. In the modern covid pandemic situation, it is the survey studies of the social representations of the inhabitants that become indispensable sources of real information from the places of events. On the basis of the revealed patterns, the main expected

factors of development of the Arab East were identified: improving the legal space; overcoming inter-confessional and interethnic conflicts, moving away from the mono-confessional trend in the development, which has dominated over the past decade. In the sphere of foreign policy, the social perceptions and attitudes of the respondents unambiguously demonstrate the demand for temporary isolation, and an orientation toward creation of a strong bloc of Middle Eastern states. Among possible strategic partners, Russia has the greatest, but so far unstable, insufficiently strong chances.

Upon the whole, the study shows that the youth of the Arab East does not see a dead end in the current, albeit very difficult, situation. On the contrary, such values as orientation towards strengthening sovereignty, priority of its own path of development, expansion of public dialogue, an emphasis on internal development, the elaboration of the national idea and the patriotic education of young people are acquiring ever more pronounced significance.

Keywords: Arab East, Russia, West, Lebanon, youth, national idea, strategic orientation, social attitudes, field studies

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-014-41001 "Ethnoconfessionality in politics in the Middle East and Russia's interests".

For citation: Belov (Yurtaev) V.I., Savicheva E.M., Kharitonova E.V. Lebanon and the Middle East: factors of strategic choice (based on the results of field studies of social representations of Arab youth). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 14-23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014280-0

ВВЕДЕНИЕ

В условиях усложнившейся системы международных отношений одним из решающих факторов в борьбе за влияние на Арабском Востоке становится комплексная, многофакторная конкурентоспособность, которая, помимо военных, экономических, финансовых и дипломатических возможностей включает в себя такие факторы, как знание базовых запросов представителей молодого поколения, их представлений о причинах конфликтов и кризисов, особенностей их видения будущего развития своих стран, в т.ч. и в международном сотрудничестве. Многие государства региона к началу 2020-х гг. оказались в ситуации стратегического выбора в поисках путей преодоления политического хаоса и кризиса национальных экономик.

Как представляется, в этой переломной ситуации правящие элиты могут сделать ставку как на поддержку извне, так и на достижение национального консенсуса, ориентируясь в т.ч. на коллективные представления своих граждан. Поэтому эмпирические исследования социальных представлений граждан стран изучаемого региона оказываются все более востребованными.

Проблематика социальных представлений, которые в наиболее общем виде можно определить как совокупность сложившихся у человека (группы людей) социальных установок, стереотипов, мнений, оценок, отношений в адрес других людей, социальных объектов, фактов, явлений и событий, активно разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной социологии и социальной психологии [1-4], оставаясь при этом практически не разработанной темой в отечественной арабистике. Отметим как теоретическое, так и практическое значение данной проблемы [5; 6].

Знание о том, в чем представители региона видят причины сложностей и проблем, каково их видение путей выхода из ситуации и необходимых первоочередных шагов по преодолению кризисных явлений и застоя, их представление о востребованном стратегическом партнере и, наоборот, какие шаги они считают малоэффективными и даже неприемлемыми, может стать необходимым условием и конкурентным преимуществом в налаживании деловых отношений со странами Арабского Востока. В современной ситуации ковидной пандемии именно опросные исследования социальных представлений жителей изучаемого региона становятся незаменимыми источниками реальной информации с мест событий. Проведенное авторами полевое исследование позволило взглянуть на ситуацию в странах Ближнего Востока глазами молодежи из Марокко, Туниса, Египта, Сирии, Ливана, Иордании, ОАЭ, Йемена и др.

В центре внимания находится Ливан, подверженный серьезным испытаниям региональными вызовами - сохраняющейся нестабильностью, угрозами безопасности, в т.ч. национальной, возрастанием влияния внешнего фактора на Ливан и на страны региона, в целом.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Ливан, обладающий чрезвычайно выгодным геостратегическим положением, восточно-средиземноморское арабское государство, находится в эпицентре политической и экономической волатильности, которая затрагивает, в той или иной степени, все арабские государства этой части Ближневосточного региона. Ливан вот уже многие годы погружен в затянувшуюся на неопределенный срок социальную нестабильность и политический хаос. Разыгравшаяся в последние годы в Восточном Средиземноморье борьба за энергоресурсы лишь «подливает масла в огонь», став причиной усиления конкурентной борьбы ведущих мировых и региональных держав за влияние и контроль над странами этого региона.

Среди важнейших проблем, определяющих ситуацию в Ливане - серьезный экономический спад, достаточно высокий уровень безработицы и, как следствие, обострение социальных проблем, военные и террористические угрозы, криминал, коррупция, усиление внешнего воздействия. Несмотря на выделенную Ливану солидную финансовую помощь в размере \$11 млрд в целях стабилизации экономики и реализации крупных инфраструктурных проектов (согласно решениям международной конференции Париж-4, апрель 2018 г.), остановить углубляющийся социально-экономический кризис в стране так и не удастся. Валовой внутренний продукт Ливана во втором квартале 2019 г. сократился на 5% по сравнению с тем же кварталом предыдущего года, а по сравнению с аналогичными показателями 2017 г. - упал в 2,5 раза¹. Ливан имеет отрицательное сальдо торгового баланса - экспорт товаров и услуг осуществляется на \$3,91 млрд, а импорт достигает \$20,8 млрд [8]. Внешний долг Ливана (в процентах от валового национального дохода) за период с 1989 по 2019 г., несмотря на колебания и временное снижение в 1993 г., имеет стойкую тенденцию к росту, увеличившись на 140% в 2019 г.². По показателю уровня безработицы, по данным Всемирного банка за 1991 по 2020 гг., среднее значение для Ливана в течение этого периода составило 7,56% [9]. Показатель безработицы молодежи в возрасте 15-24 лет составил 17,27% в 2018 г. [10]. Данные показатели являются индикатором серьезных экономических проблем и вызовов для Ливана. Попытки ливанского правительства решить экономические проблемы за счет введения новых налогов привели к массовым демонстрациям осенью 2019 г., в которых участвовало до миллиона ливанцев, значительную часть которых составляла молодежь, в том числе студенты Бейрутского университета³.

При этом страна демонстрирует стабильный рост населения, пик которого приходится на 2015-2019 гг.⁴. Среднее значение численности населения за период с 1960 по 2019 гг. составило 3,53 млн человек, при минимуме - в 1,8 млн (в 1960 г.), и максимуме - в 6,86 млн (в 2019 г.)⁵. К 2020 г. мусульман в Ливане проживало 66,3% (приблизительно поровну суннитов и шиитов - по 30%, 5,2% друзов, а также алавиты и исмаилиты), остальные 33,7% - христиане (марониты и католики - самые большие общины), небольшое число иудеев и др.

В период с 1960 по 2020 гг., по данным Центра демократии Клайна, в стране по показателю численности в процентах от всего населения наблюдалось стабильное падение численности христиан - при максимуме в 50,7% в 1960 г. и минимуме в 26,9% в 2013 г.⁶. В этот же период происходил стабильный рост численности мусульманского населения, при минимуме в 45% в 1960 г., и максимуме - 66% в 2012 г.⁷. Отмеченная особенность конфессионально-демографической структуры ливанского общества нашла свое выражение в системе конфессионализма, ставшей основой жизнедеятельности ливанского общества со времен «Национального пакта» 1943 г.

Уникальность Ливана состоит во всеобъемлющем проникновении конфессионализма во все сферы общества с целью обеспечения взаимодействия различных конфессиональных общин в интересах развития Ливана. Следует отметить, что система конфессионализма, ставшая результатом религиозно-общинного компромисса на начальном этапе независимости страны, со временем способствовала проявлению в Ливане феномена «*тауфийя*», т.е. межконфессиональной разобщенности. Следствием этого стало углубление политической, социально-экономической и культурной обособленности общин [15, с. 60]. Многие политические силы Ливана выступают с серьезной критикой существующей конфессиональной системы, настаивая на необходимости построения современного светского государства с равными правами для всех граждан, независимо от их вероисповедания [7]. Однако конфессиональная принадлежность по-прежнему продолжает доминировать над общенациональной идентичностью, ослабляя горизонтальные общественные связи в ливанском обществе.

30 августа 2020 г. президент Ливана Мишель Аун в речи по случаю 100-летней годовщины со дня образования государства Великий Ливан призвал отказаться от конфессиональной системы формирования власти в Ливане и превратить его в светское государство. Президент пригласил духовных авторитетов и политических лидеров к диалогу для выработки и внесения соответствующих поправок в текст Конститу-

¹ Central Administration of Statistics, Republic of Lebanon. <https://tradingeconomics.com/lebanon/gdp-growth-annual> (accessed 15.10.2020)

² Ливан: внешний долг. Всемирный банк. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/External_debt/ (accessed 15.10.2020)

³ Analyst: Israel Closely Watching Lebanon Protests. <https://www.voanews.com/middle-east/analyst-israel-closely-watching-lebanon-protests> (accessed 15.10.2020)

⁴ Самыми большими в составе ливанского населения являются возрастные группы: от 25 до 54 лет (46,69%), то есть 1296250 мужчин и 1257273 женщины; и от 15 до 24 лет (14,98%), включая 417739 мужчин и 401357 женщин. - The World Factbook. Lebanon. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html> (accessed 15.10.2020)

⁵ Ливан: численность населения. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Population_size/ (accessed 15.10.2020)

⁶ Ливан: процент христиан. <https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/christians/> (accessed 15.10.2020)

⁷ Ливан: процент мусульман. <https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/muslim/> (accessed 15.10.2020)

ции страны. По его мнению, Ливан из-за разделения власти по конфессиональному признаку де-факто представляет собой не единое государство, а «несколько республик», под общим флагом.

М.Аун призвал ливанское общество учитывать кризисную ситуацию в стране, усугубленную взрывом 4 августа 2020 г. в порту Бейрута, который разрушил половину ливанской столицы и унес жизни 190 человек. В результате последовавших массовых акций протеста 10 августа в телеобращении к нации премьер-министр Ливана Хасан Диаб объявил об отставке правительства, отметив, что «система коррупции оказалась сильнее ливанского государства»⁸. Правительство Х.Диаба, сформированное 21 января 2020 г., называли кабинетом технократов, оно опиралось на поддержку парламентского большинства, которое возглавляло пропрезидентское Свободное патриотическое движение и шиитский тандем «Амаль» - «Хезболла»⁹.

В современном мире миграционная проблема стала серьезным глобальным вызовом для многих государств, она не обошла стороной и Ливан. Как государство-реципиент Ливан принимает мигрантов и беженцев из соседних стран, оказавшихся в зоне вооруженных конфликтов и войн. Например, на 2020 г. в стране насчитывалось 476 тыс. палестинских беженцев¹⁰. Создание на территории Ливана лагерей палестинских беженцев и ведение палестинцами вооруженной борьбы против Израиля с территории Ливана неоднократно приводило к трагическим последствиям для страны. В частности, такая ситуация стала триггером гражданской войны, длившейся долгие 14 лет (1975-1989 гг.), а также спровоцировало израильское вторжение в 1982 г. (операция «Мир Галилее»), а также войну Израиля против «Хезболла» в 2006 гг., приведших к значительным человеческим жертвам, экономическим потерям, разрушению ливанской инфраструктуры¹¹.

Региональные кризисы, в которые, так или иначе, был вовлечен Ливан, а также перманентные внутриполитические конфликты принуждали жителей этой небольшой арабской страны и, прежде всего, молодежь, покидать родные края и искать счастье за ее рубежами. Только в период опустошительной гражданской войны 1975-1989 гг. из Ливана уехали 900 тыс. человек, и лишь немногие из них впоследствии вернулись на родину [13, р. 54]. Иммиграция в Ливан из соседней Сирии, ставшей в период т.н. «арабской весны» «горячей точкой», доходила до 1 млн человек, что могло стать дополнительным дестабилизирующим фактором в обществе. Сложившаяся ситуация оказывала негативное влияние на этно-конфессиональный баланс в стране, усугубляя напряжение на рынках труда, создавая угрозу безопасности и способствуя росту уровня преступности в местах притока мигрантов и т.д.¹² [14].

В 2020 г. т.н. «индекс счастья»¹³ в Ливане сделал в 2020 г. резкий скачок вниз и достиг своего минимума за период с 2013 по 2020 гг.¹⁴. Что могло на это повлиять? Существуют ли объективные основания для падения субъективного ощущения счастья у граждан Ливана? Сопровождается ли понижение «индекса счастья» пессимизмом и чувством безнадежности, или, наоборот, заставляет искать пути выхода из кризиса, мобилизоваться, стремиться к переменам и искать стратегических партнеров?

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА АРАБСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В соответствии с выявленными в рамках страновых и региональных исследований проблемными зонами были созданы специальные опросные листы с целью изучения социальных представлений арабской молодежи относительно ключевых источников проблем и основных факторов их преодоления, т.е. - приоритетов регионального развития.

Социальные представления арабской молодежи определялись через выявление предпочитаемых и отвергаемых респондентами факторов регионального развития, а также через выяснение их отношения к различным аспектам социального, правового, внутри- и внешнеполитического, экономического, военного характера.

⁸ Президент Ливана на фоне кризиса призвал изменить политическую систему. 30.08.2020. <https://iz.ru/1054653/2020-08-30/prezident-livana-na-fone-krizisa-prizval-izmenit-politicheskuiu-sistemu> (accessed 08.09.2020)

⁹ Глава кабинета Ливана объявил об отставке правительства. 08.09.2020. <https://iz.ru/1046518/2020-08-10/glava-kabmin-livana-obiavil-ob-otstavke-pravitelstva> (accessed 15.10.2020)

¹⁰ The World Factbook. Lebanon. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/le.html>

¹¹ Так, ущерб гражданской инфраструктуре в результате войны 2006 г. оценивался в \$1 млрд: Ливан лишился трех аэропортов, 125 тыс. жилых домов, почти 700 школ, сотен дорог и 81 больницы. Объем средств, необходимых для реконструкции разрушенного, оценивался в \$2,8 млрд [12, с. 102].

¹² Ливан: уровень ограблений с разбоем. <https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/robbery/> (accessed 15.10.2020)

¹³ Помимо объективных показателей, таких, как ВВП на душу населения, социальная поддержка, ожидаемая продолжительность жизни, восприятие коррупции, на индекс счастья влияют и субъективные причины. Например, учитывались ответы на вопросы о прошедшем дне: смеялись? было ли ощущение счастья? испытывали беспокойство? гнев? [11].

¹⁴ Ливан: индекс счастья. Всемирный доклад о счастье 2020. <https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/happiness/> (accessed 15.10.2020)

Эмпирической базой исследования стали данные анкетного опроса респондентов - граждан стран региона (в настоящее время проживающих в РФ и являющихся представителями землячеств) - 158 человек, из них 47 ливанцев и 91 представитель других стран Ближнего Востока: Сирии, Египта, Марокко, Туниса, Иордании, Ирана - 82 - мужчины и 53 - женщины.

Анкетирование проводилось по авторской методологии и методике, адаптированной для Ближнего Востока¹⁵. Оценка предпочтений факторов регионального развития была проведена, в целом, по выборке (см. *диагр. 1*); по возрастным подгруппам: молодежь (17-29 лет) и группа старше 30 лет (см. *эднеагр. 1*¹⁶); в мусульманской подгруппе (см. *диагр. 2*) в подгруппах, сформированных по конфессиональной принадлежности: мусульмане и не-мусульмане (см. *эднеагр. 2*).

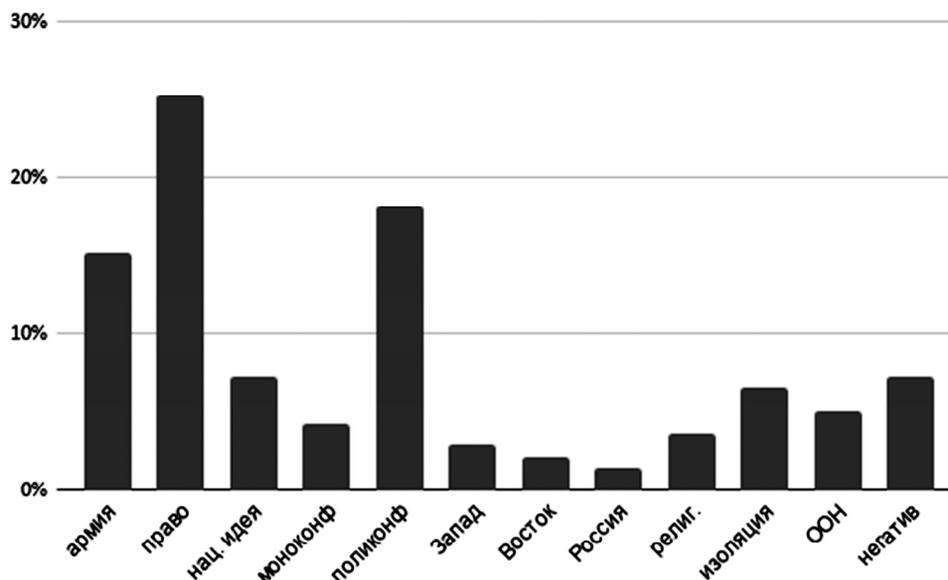

Диаграмма 1. Предпочтения респондентов (в целом по выборке)*.
Diagram 1. Preferences of respondents (for the sample as a whole).

* Примечание: расшифровка обозначений (*диагр. 1, 2*; *эднеагр. 1, 2*):

1. Фактор военной силы: вооружение и оружие сдерживания (**армия**);
2. Законодательное поле в стране/регионе (**право**);
3. Национальная идея, проект будущего, патриотизм (**нац. идея**);
4. Реализация религиозного проекта (**религ.**);
5. Межэтническое и межконфессиональное сотрудничество, упор на светское государство (**поликонф**);
6. Развитие в рамках одной конфессии (**моноконф**);
7. Интеграция со странами консолидированного «Запада» (**Запад**);
8. Политика «Шагов на восток» и усиление взаимодействия с азиатскими государствами (**Восток**);
9. Усиление связей и многопрофильное сотрудничество с Россией (**Россия**);
10. Суверенитет и собственный путь развития, альянс ближневосточных государств (**изоляция**);
11. Фактор международного права (**ООН**);
12. Комплексный негативный фактор (отсутствие безопасности, патовая ситуация в экономике, отсутствие перспектив для молодежи) - (**негатив**).

Исследование было сконцентрировано на решении двух задач: 1. Какие факторы, по мнению респондентов, наиболее значимы в сложившемся кризисе? 2. Какие пути выхода из кризиса они видят?

По результатам исследования, респонденты считают наиболее значимыми следующие 3 фактора регионального развития. На первом месте стоит ориентация на «право», т.е. на закон и необходимость совершенствования правового пространства. На 2-м оказался фактор «поликонфессиональность», т.е. ориентации на межконфессиональное и межэтническое сотрудничество, включая «интраконфессиональное согласие» меж-

¹⁵ Автор методологии и методики проведенного полевого исследования - Е.В.Харитоновна. Авторская методика адаптирована к условиям Ближнего Востока с участием Е.М.Савичевой и В.И.Белова. Созданный методологический подход и предложенный алгоритм исследования социальных представлений в обществе изучаемого региона позволяет через полноценный оперативный скрининг ситуации в онлайн-режиме получать актуальный материал для анализа и прогноза по основным трендам развития социально-политической и международной ситуации.

¹⁶ При составлении эднеаграмм был использован метод стратегической матрицы, разработанный Институтом экономических стратегий РАН для оценки гецивилизационной значимости цивилизаций (*прим. авт.*).

ду различными течениями ислама, без выраженного доминирования одной конфессии; как вариант - строительство «светского государства». Третьим по значимости фактором респонденты считают «военный», т.е. военную силу, создание или закупку новейших систем вооружения, что указывает на интерес к обладанию оружием сдерживания, а также на наличие внешних военных угроз и низкий уровень безопасности.

Следующий по значению фактор, отражающий социальные представления респондентов о трендах развития региона - наличие «национальной идеи», патриотическое воспитание молодежи, потребность в образе будущего, мессианстве, жизненных целях и ориентирах. В этом факторе отражено соединение прошлого (уважение к традициям) и будущего (наличие целей).

Другие 2 фактора, примерно одинаковые по значению: фактор «изоляция» от внешних влияний, суверенитет, укрепление единства ближневосточных государств и фактор надежды на международное право, международные правовые институты («ООН»).

Факторы ориентации на моноконфессиональное развитие региона и на реализацию исламского религиозного проекта выражены недостаточно сильно. По результатам исследования они не входят в систему социальных представлений респондентов о перспективных трендах развития, однако, их проявление выше в мусульманской подгруппе респондентов.

Предпочтения респондентов, выраженные в процентах, представлены на *диагр. 1*.

При разделении выборки на две возрастные группы - подгруппа 17-29 лет и подгруппа старше 30 лет (*эннеагр. 1*) различия в результатах минимальны, что позволяет говорить о тенденциях в целом по выборке без возрастных различий. Предпочтения респондентов оценивались в баллах - от 0 до 12.

В целом, по выборке выявлены закономерности: фактор «право» получил самые высокие ранги (9-10 балл.), фактор «поликонфессиональность» - на 2-м месте (8-9 балл.). Суверенитет, собственный путь развития страны/региона и альянс ближневосточных государств - фактор «изоляция» - на 3-м (8 балл.). По этому фактору существуют возрастные различия: в группе 30+ более выражена ориентация на временную изоляцию и суверенитет стран.

Эннеаграмма 1. Возрастные группы и средневывборочные показатели.
Enneagramm 1. Age groups and sample averages.

Комментарии респондентов, касающиеся совершенствования правового поля государств Ближнего Востока как необходимого условия развития и преодоления кризисных явлений, затрагивают различные аспекты юридического характера. Так, большинство респондентов отмечают необходимость усиления власти и законов внутри страны, реализацию принципа «Закон и порядок в стране», а также в качестве первоочередных задач называют борьбу с коррупцией, отмечая, что «слабая и коррумпированная власть ведет страну к хаосу и экономическому развалу»¹⁷.

Значения выше средних выявлены для факторов регионального развития: 1) «Национальная идея, проект будущего, патриотизм» - «нац. идея»; 2) «Международное право» - «ООН»; 3) «Усиление связей и многопрофильное сотрудничество с Россией» - «Россия». Все три фактора в большей степени отражают социальные представления возрастной группы 30+.

¹⁷ Из комментариев респондентов.

Комплексный негативный фактор - «*негатив*» (отсутствие безопасности, патовая ситуация в экономике, отсутствие перспектив для молодежи) имеет значения, близкие к нулевым, что особенно выражено у респондентов старше 30 лет.

Чрезвычайно показательны данные сравнительного анализа социальных представлений о факторах регионального развития (предпочитаемых и отвергаемых) в группе респондентов-мусульман в подгруппах «женщины» и «мужчины» (см. *диагр. 2*).

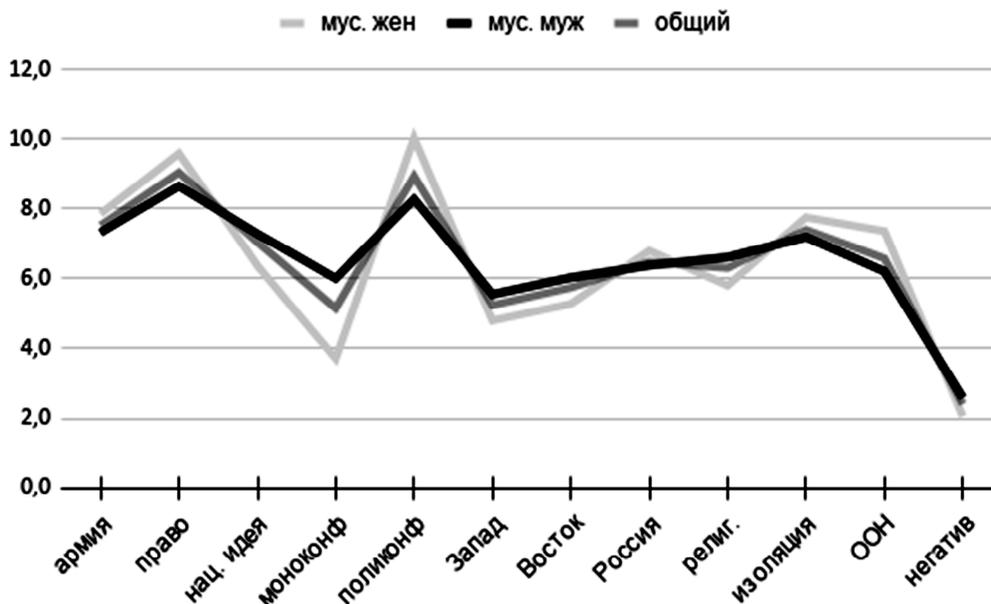

Диаграмма 2. Возрастные группы (17-29 лет; старше 30 лет) и средневывборочные показатели (общий) – линейные графические материалы.

Diagram 2. Age groups (17-29 years old; over 30 years old) and sample averages (general) – linear graphic materials.

Эннеаграмма 2. Мусульмане: мужская (мус. муж.) и женская (мус. жен.) подгруппы, средневывборочные результаты по группе респондентов-мусульман (общий).

Enneagramm 2. Muslims: male (mus. Male) and female (mus. Female) subgroups, average sample results for the group of Muslim respondents (general).

В целом, получены ярко выраженные пики предпочтения двух факторов регионального развития («право» и «поликонфессиональность»), и пики отвержения («Запад» и «негатив»).

На *эннеагр.* 2 четко просматриваются различия в оценках позиций представителями мужской и женской подгрупп, выраженные более существенно, чем в возрастных подгруппах. Опрошенные женщины-мусульманки в большей степени, чем мужчины-мусульмане, в качестве тренда развития предпочитают поликонфессиональность. Женщины-мусульманки приписали очень низкий ранг фактору «*моноконфессиональности*», в отличие от мусульман-мужчин, которые продемонстрировали предпочтение моноконфессионального развития и ориентацию на реализацию исламского религиозного проекта. Мужчины-мусульмане в большей степени, чем женщины, отвергают ориентацию на «*Запад*» и западные «демократические» ценности, а также гораздо ниже, чем женщины, оценивают значимость для развития региона международных институтов, таких как ООН.

Основные отличия в системе социальных представлений в мусульманской и немусульманской подгруппе касаются нескольких факторов регионального развития.

Так, ориентации на Закон и на качественное гражданско-правовое пространство (*право*) значительно более выражена у респондентов, не принадлежащих к исламской конфессии, в то время как в группе респондентов-мусульман роль этого фактора значительно ниже 8 баллов в мусульманской и 11 баллов - в немусульманской подгруппе. Это может быть косвенным свидетельством приоритета шариатского права над светской законодательной базой, однако, такое предположение требует дополнительного исследования.

Различия выявлены в оценке значимости фактора «*моноконфессиональность*»: мусульмане в большей степени ориентированы на моноконфессиональность как фактор антикризисного развития, в то время как в немусульманской подгруппе значение этого фактора значительно ниже. Среди респондентов-мусульман в комментариях к анкете было неоднократно высказано мнение, что одним из факторов, тормозящих развитие в странах Ближнего Востока и представляющим серьезную угрозу, являются противоречия и религиозные конфликты, раздоры между гражданами на межконфессиональной основе.

В этой связи знаковым является более высокая оценка фактора военной силы («*армия*»), включая создание или закупку новейших систем вооружения, в мусульманской подгруппе респондентов: «Для обеспечения национальной безопасности страна должна, прежде всего, иметь сильную независимую армию, не связанную с политическими партиями», - мнение женщины-мусульманки 26 лет.

В контексте предпочитаемого стратегического выбора интересно отметить выраженную положительную корреляцию между факторами «*Восток*» и «*Запад*». В обследованной выборке позиция на консолидацию со странами Востока (Тихоокеанский регион) и со странами Запада не была выбрана респондентами в качестве предпочитаемых трендов регионального развития, можно считать данные векторы стратегического партнерства равно нежелательными при создании альянсов на Ближнем Востоке. Полагаем, что респонденты рассматривают такую консолидацию как угрозу суверенитету и оценивают её в целом как «внешнее влияние». Ориентированность респондентов на изоляционизм, суверенитет и создание мощного альянса государств на Ближнем Востоке свидетельствует в пользу ренессанса панарабизма в Арабском мире.

Корреляция между фактором «*Интеграция с консолидированным Западом*» - демократические ценности, безопасность за счет вхождения в западные альянсы и фактором «*Ориентация на международные правовые институты, Совет Безопасности ООН*» стремится к нулю. В то же время, в мусульманской подгруппе социальные представления о значимости Запада и роли международных институтов в развитии региона отличаются от социальных представлений в немусульманской подгруппе: мусульмане ярко выражено не делают ставку на «*Консолидированный Запад*».

Отметим, что ориентация на Россию как на стратегического партнера несколько выше в мусульманской подгруппе, однако это различие находится на нижней границе статистической значимости. В комментариях респонденты отмечали, что их «*страна в нынешней ситуации нуждается в экономической, социальной и политической безопасности, а этого нельзя достичь, если у граждан нет чувства патриотизма и если страна не строит прочных отношений с близкими и дружественными странами, такими как Россия и другие страны Ближнего Востока*». Причем «*оружие не является решением, а религия должна оставаться личным делом каждого человека*».

Вместе с тем, мы получили большое количество комментариев к анкетам, в которых подчеркивается роль России: «*Чтобы страна выжила, она должна быть в состоянии защитить своих граждан в военном отношении. Для такой маленькой страны, как Ливан, у нее должны быть сильные союзники, такие как Россия, чтобы поддержать ее*».

Заслуживает внимания оценка комплексного негативного фактора в системе социальных представлений опрошенных мусульман и не-мусульман. Данный фактор складывался из оценки ряда тезисов. Так, на вопрос, что может, на ваш взгляд, обеспечить национальную безопасность вашей страны и региона, один из вариантов ответа относился к негативному и пессимистическому представлению: «*Вряд ли что-то может помочь, ситуация практически безнадежная*». На вопрос «*Что спасет вашу страну/регион?*» предлагался ответ «*Уже ничего не спасет, регион и наша страна зашли в тупик*». По поводу экономического раз-

вития вариант ответа - «*Экономику моей страны и региона ждет кризис или коллапс, и самое лучшее сейчас - уехать отсюда*». И, наконец, на вопрос «Как вы думаете, на что сейчас больше всего надеются молодые люди в вашей стране?» был получен такой ответ: «*На эмиграцию, чтобы жить и работать в развитой безопасной стране*». В целом же, по всей обследованной выборке указанная категория ответов занимает нижние позиции в рейтинговом ряду. В то же время, получены статистически значимые различия в группах респондентов-мусульман и не-мусульман: представления у респондентов не-мусульман более оптимистичны, некоторые рассматривают для себя вариант эмиграции, в то время как в мусульманской подгруппе значимость негативного фактора стремится к нулю.

Когда речь идет о принятии серьезных решений, бывает полезно выйти за пределы системы научного анализа и воспользоваться взглядом со стороны. Таким взглядом для нас послужили экспертные интервью, в которых наиболее существенной причиной кризисных явлений в регионе было названо внешнее влияние, создающее военную, политическую, экономическую напряженность в регионе. По мнению экспертов, пессимистические настроения, а тем более желание уехать, у молодежи отсутствуют. Поэтому так необходим сегодня акцент на патриотизм при воспитании подрастающих поколений, ориентация молодежи на суверенное развитие своей страны, собственный путь развития без посторонних вмешательств. Ответы экспертов на вопросы предложенной анкеты практически по всем основным параметрам совпали с выявленными в ходе настоящего исследования социальными представлениями респондентов и предпочитаемыми ими трендами регионального развития. Так, низкая ранговая оценка была дана стратегическому партнерству и сближению с «*Западом*». Высокая ранговая оценка, данная политике расширения военного, экономического, политического и культурного развития с Россией, было сопровождено комментарием, что «*реализация этого тренда развития региона потребует усилий с обеих сторон*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования определились следующие основные направления деятельности по стратегическому развитию стран Арабского Востока и в особенности - Ливана:

1) совершенствование правового пространства, которое, с одной стороны, будет противостоять росту преступности в ее различных проявлениях, включая профилактику террористических угроз, а с другой - обеспечит режим наибольшего благоприятствования для развития малого и среднего бизнеса и, вследствие этого, выход из экономического кризиса;

2) преодоление этноконфессиональных конфликтов, уход от моноконфессионального тренда развития региона, который доминировал в последнее десятилетие;

3) курс на временную изоляцию региона, освобождение от разрушительных экономических и политических воздействий, ориентация на сильный блок ближневосточных государств;

4) резкое снижение уровня возникших угроз жизни и безопасности людей вследствие нарастания военных и террористических атак в регионе, возникающих как внутри, так и извне.

Молодежь Арабского Востока не считает «*патовой*» сложившуюся, хотя и очень сложную, ситуацию. Поэтому выраженное значение приобретает ориентация на суверенитет, внутреннее развитие, создание альянса ближневосточных государств, акцент на проработку национальной идеи и патриотическое воспитание молодежи, ориентация на собственный путь развития. Ожидания молодежи в Ливане можно выразить формулой: «*право - порядок - согласие*» (или: «*бизнес - безопасность - диалог*»). Для достижения нового качества жизни в Ливане понадобятся как политическая воля самих ливанцев, так и новое прочтение ближневосточного геополитического контекста основными региональными и евразийскими акторами, с включением в него уникального потенциала этого средиземноморского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., и т.д. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Емельянова Т.П. Социальное представление - понятие и концепция: итоги последнего десятилетия. *Психологический журнал*. 2001, т. 22, № 6. С. 39-47.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
5. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений. *Социологический журнал*. 2011, № 3. С. 5-23.
6. Sotirakopoulou K.P., Breakwell G.M. 1992. The use of different methodological approaches in the study of social representations. *Papers on Social Representations*. No. 1, pp. 29-38.
7. Fakhoury T. 2019. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 25, No. 1, p. 18.

8. Бочаров И. Ливан может стать новой «пороховой бочкой» Ближнего Востока. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/livan-mozhet-stat-novoy-porokhovoy-bochkoy-blizhnego-vostoka> (accessed 11.10.2020)
9. Ливан: Уровень безработицы. измерения: процентов. Всемирный банк. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Unemployment_rate/ (accessed 15.10.2020)
10. Ливан: Безработица молодежи. Всемирный банк. https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Youth_unemployment/ (accessed 15.10.2020)
11. Рейтинг счастья по странам. Всемирный доклад о счастье 2020. <https://theworldonly.org/wp-content/uploads/2020/03/Izmenenie-v-rejtinge-schastya-stran-mira-s-2008-2012-po-2017-2019.png> (accessed 15.10.2020)
12. Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. М.: РУДН, 2009.
13. The National Human Development Report. Lebanon. Youth and Development. 1998-1999. www.undp.org.lb (accessed 15.10.2020)
14. Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы. *Вестник Томского Государственного университета. Серия: История*. 2019, № 60. С. 120-124.
15. Гончарова А.А., Савичева Е.М., Юртаев В.И. Исламский фактор в историко-политических процессах на Ближнем Востоке: новые реалии и тенденции. *Вопросы истории*. 2020, № 11, т. 2. С. 58-68.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. 2005. Psychology of social cognition. 3rd ed. Moscow. (In Russ.)
2. Andreeva G.M., Bogomolova N.N., etc. 2002. Foreign social psychology of the XX century: Theoretical approaches. Moscow. (In Russ.)
3. Emelyanova T.P. 2001. Social representation-concept and concept: results of the last decade. *Psychological journal*. Vol. 22, No. 6, pp. 39-47. Moscow. (In Russ.)
4. Durkheim E. 1995. Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow (In Russ.)
5. Bovina I.B. 2011. Strategies for the study of social representations. *Sociological Journal*. No. 3, pp. 5-23. Moscow. (In Russ.)
6. Sotirakopoulou K.P., Breakwell G.M. 1992. The use of different methodological approaches in the study of social representations. *Papers on Social Representations*. No. 1, pp. 29-38.
7. Fakhoury T. 2019. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's Political Transition. *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 25, No. 1, p. 18.
8. Bocharov I. Lebanon can become a new "powder keg" of the Middle East. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/livan-mozhet-stat-novoy-porokhovoy-bochkoy-blizhnego-vostoka> (accessed 11.10.2020)
9. Lebanon: the Level of unemployment. measurement: percent. World Bank. (In Russ.). https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Unemployment_rate/ (accessed 15.10.2020)
10. Lebanon: the Level of unemployment. World Bank. (In Russ.). https://ru.theglobaleconomy.com/Lebanon/Youth_unemployment/ (accessed 15.10.2020)
11. The ranking of happiness across countries. World Happiness Report 2020. (In Russ.). <https://theworldonly.org/wp-content/uploads/2020/03/Izmenenie-v-rejtinge-schastya-stran-mira-s-2008-2012-po-2017-2019.png> (accessed 15.10.2020)
12. Savicheva E.M. 2009. Lebanon: place in history, role in politics, situation in the country. Moscow. (In Russ.)
13. The National Human Development Report. Lebanon. Youth and Development. 1998-1999. www.undp.org.lb (accessed 15.10.2020)
14. Savicheva E.M., Kaur K.A. 2019. Syrian migration to Lebanon: features and problems. *Tomsk State University Journal of History*. No. 60, pp.120-124. Tomsk, Russia. (In Russ.)
15. Goncharova A.A., Savicheva E.M., Yurtaev V.I. 2020. Islamic factor in historical and political processes in the Middle East: new realities and trends. *Issues of history*. No. 11, vol. 2, pp. 58-68. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белов (Юртаев) Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, директор Центра африканских исследований РУДН, Москва, Россия.

Vladimir I. Belov (Yurtaev), Dr.Sc. (History), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия.

Elena V. Savicheva, PhD (History), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

Харитоновна Елена Владимировна, кандидат психологических наук, ст.н.с. Института Африки РАН, Москва, Россия.

Elena V. Kharitonova, PhD (Psychology), Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
10.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
05.02.2021

Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России

© Эм П.П.^a, Сон Ж.Г.^b, 2021

^a Институт географии РАН, Москва, Россия

^b НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0001-5688-3365; dr.pavelem@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0003-0665-1624; jannason@mail.ru

Резюме. Еще в середине XX в. Республика Корея позиционировалась как слаборазвитая страна, однако стремительное развитие экономического «чуда на реке Ханган» способствовало кардинальной трансформации ее образа. Сегодня она, наряду с Японией, позиционируется как высокоразвитое и высокотехнологичное государство. Популяризация национальной культуры позволила ей использовать «мягкую силу» для значительного расширения рынков сбыта товаров и услуг во всем мире.

В статье изучен успешный опыт южнокорейской культурной дипломатии в России на примерах миссионерской деятельности, популяризации языка, а также института городов-побратимов. Объемы продаж и инвестиций южнокорейских компаний в Россию неизменно увеличиваются, однако развитие только экономического вектора сотрудничества не может коренным образом изменить взаимоотношения между нашими странами. Главная причина заключается в нейтральном или даже отрицательном восприятии России большинством южнокорейцев. Россия имеет серьезный потенциал для развития «мягкой силы» в Республике Корея, поскольку здесь популярны не только классическая литература, балет и Большой театр, но и постепенно возрастает спрос на русский язык. Успешный пример российской «мягкой силы» - это проведение различных культурных мероприятий, организуемых в рамках побратимских отношений между Владивостоком и южнокорейским Пусаном. Улучшение взаимоотношений между Россией и Республикой Корея не только активизирует перспективные направления взаимоотношений между двумя странами, но и способствует становлению корейского «тигра» как одного из ключевых партнеров России для разворота на Восток.

Ключевые слова: «мягкая сила», Республика Корея, корейский язык, города-побратимы России

Для цитирования: Эм П.П., Сон Ж.Г. Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 24-30. DOI: 10.31857/S032150750013115-8

The Tiger entices the Bear: The experience of South Korean "Soft power" in Russia

© Pavel P. Em^a, Zhanna G. Son^b, 2021

^a Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b HSE University, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-5688-3365; dr.pavelem@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0003-0665-1624; jannason@mail.ru

Abstract. The Republic of Korea has in recent decades done a great job transforming its international reputation from being poor and rural to one of a well-developed, hi-tech country, and as well it has achieved great success in the popularization of its traditional and contemporary culture worldwide. It has helped this export-oriented Asian Tiger's economy to significantly expand the size of the global market for Korean goods and services through the effective employment of soft power.

The experience of South Korean soft power in Russia, focusing on missionary activities, the popularization of the Korean language and the institution of sister-city agreements is considered in this paper. Nowadays, South Korean business is successfully developing in Russia, growing its trade volume and investing in the economy, but it may not lead to a serious breakthrough in the relations between the two countries. The main reason is that the perception of Russia among many South Koreans is largely indifferent or negative. Russia has a great potential to develop its own soft power in South Korea as not only classical literature, ballet, the Bolshoi Theater are popular there, but also the Russian language is also increasingly in demand. Within the studied examples, Russian soft power in action can be seen in the twin-cities relationship between Vladivostok and Busan, which should be considered a successful endeavor, as the Russian city supports cultural activities to raise awareness among Koreans.

The enhancement of Russian soft power in the Republic Korea is expected not only to foster a variety of potential relationships between the two countries, but also to establish the Korean Tiger as one of the key partners in the Russian turn to the East.

Keywords: soft power, the Republic of Korea, Korean language, sister-cities, Russia

For citation: Em P.P., Son Zh.G. The Tiger entices the Bear: The experience of South Korean "Soft power" in Russia. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 24-30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013115-8

ВВЕДЕНИЕ

Двуглавый российский орел в равной степени обращает свой взор как на Запад, так и на Восток, но Россия, в силу культурной близости и продолжительного экономического и технологического господства Запада, уделяла ему заметно большее внимание.

Еще в начале XX в. Республика Корея (РК) была слабо развитым государством, а война 1950-1953 гг. на Корейском полуострове практически полностью разрушила имевшуюся инфраструктуру. Однако благодаря чуду на реке Ханган¹ [1] РК всего за несколько десятилетий трансформировалась в одну из самых высокоразвитых стран не только в Азии, но и во всем мире. Так, уровень ВВП на душу населения в ней, по оценкам на 2020 г., составил более \$30 тыс., что было сопоставимо с аналогичным показателям в Италии².

В силу экспортной ориентации экономики «южнокорейский тигр»³ разрабатывал стратегию не только по упрочению позиций на старых рынках, но и по захвату новых. Одним из инструментов для достижения цели рассматривалась возможность улучшения имиджа страны и популяризации корейской культуры в мире. Результаты деятельности на этом направлении трудно переоценить: РК получила право принимать Олимпийские игры в 1988 и в 2018 гг., а также (вместе с Японией) провести Чемпионат мира по футболу в 2002 г. Кроме того, если корейская культура долгое время оставалась в тени китайской и японской, то волна *халлю*⁴, начавшаяся в середине 1990-х гг., подобно цунами окатила весь мир. Так, в 2020 г. хиты групп *BTS* и *BLACKPINK* возглавили музыкальные чарты по всему миру, а фильм «Паразиты» удостоился признания не только в Европе, но и стал первым фильмом не на английском языке, удостоенным «Оскара» в номинации «Лучший фильм года».

«МЯГКАЯ СИЛА» УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

Южная Корея «заразила» многих людей во всем мире, в т.ч. и в России, желанием изучать родной язык *K-POP idols* - звезд южнокорейской поп-музыки. РК выполнила задачу формирования привлекательного образа страны с помощью расширения сферы влияния через брендинг уникальности и аутентичности своей культуры в широких массах населения других стран. Подобный феномен американский политолог Дж. Най назвал «*мягкой силой*» [2].

Успех культурной дипломатии РК подтверждается, например, ее впечатляющим возвышением по показателю Индекса «мягкой силы» (*Soft Power Index*) с 28-го на 19-е место за короткий период - с 2015 по 2019 гг. Для сравнения, Китай передвинулся в этом рейтинге за тот же период с 29-го на 27-е, а Япония - с 10-го на 8-е место⁵.

Популяризация корейской культуры стала важным инструментом реализации внешнеполитических целей РК в мире, особенно для укрепления позиций в качестве одного из региональных лидеров. Она также позволила создать благоприятные условия для продвижения экономических интересов, ведь возрастающее внимание к культуре подстегнуло иностранцев с большей степенью благосклонности относиться к корейским товарам и услугам. РК стала восприниматься, наряду с Японией, как синоним качества и высоких технологий. К примеру, Самсунг входит в десятку самых ценных брэндов в мире [3], а общий объем его экспорта увеличился с \$195,6 млрд в 2000 г. до \$716,3 млрд - в 2018 г.⁶ Количество иностранных туристов, посетивших «Страну утренней свежести», возросло с 4,7 млн в 2003 г. до 17,5 млн человек - в 2019 г. [4].

Не осталась в стороне и Россия от влияния «мягкой силы» РК. Рассмотрим ее влияние в нашей стране на следующих примерах: 1) миссионерская деятельность; 2) популяризация корейского языка; 3) развитие института городов-побратимов. На наш взгляд, некоторые из этих направлений могла бы использовать и Россия, ведь успехи ее «мягкой силы» пока скромны. Между тем, это необходимый шаг для реализации разворота России на Восток.

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: БОЛЬШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, ОТСУТСТВИЕ ЗНАЧИМОГО РЕЗУЛЬТАТА

В истории взаимоотношений России и Кореи, начавшихся еще в XVII в., имелись и «взлеты», и «падения». При заключении первого договора о дружбе и торговле с Российской Империей в 1884 г. Корея навряд ли представляла, что именно русская дипломатическая миссия, открытая в 1885 г. в Сеуле, укроет и защитит в своих стенах последнего короля Коджона и его сына после убийства королевы Мин в 1895 г.

¹ Фраза «чудо на реке Ханган» часто используется экономистами при описании процесса трансформации РК из аграрной в высокоразвитую страну менее чем за 40 лет (*прим. авт.*).

² International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report> (accessed 25.01.2021)

³ Тигр - одно из национальных животных Кореи (*прим. авт.*).

⁴ *Халлю* (корейская волна) - это феномен стремительного распространения и популяризации современной культуры Южной Кореи в мире (*прим. авт.*).

⁵ The Soft Power 30. <https://softpower30.com> (accessed 12.11.2020)

⁶ International Monetary Fund. World Economic Outlook Database.

Сложное отношение к России в современной РК обусловлено рядом причин. Во-первых, СССР сыграл непосредственную роль в череде драматических событий, приведших к разделению Кореи в середине XX в. Во-вторых, СССР и Китай поддержали КНДР в Корейской войне. В-третьих, США распространяли в находившейся под их влиянием РК негативную информацию об СССР. В-четвертых, нарастание антисоветских настроений было «подогрето» авиацидентами в 1978 и 1983 гг.

Настоящим прорывом в советско-южнокорейских отношениях стала программа «Северной политики» Ро Дэ У (Но Тхэ У, президент РК в 1988-1993 гг.). Она была направлена на нормализацию отношений со странами социалистического лагеря, в т.ч. с КНДР и СССР, с которым в 1990 г. были установлены дипломатические отношения. В 2014 г. вступило в действие соглашение о безвизовых поездках для туристов. В ходе 22 личных встреч глав двух государств, последняя из которых состоялась в июне 2018 г. в Москве во время официального визита президента РК в Россию, было заключено более 50 соглашений в сферах торговли, инвестиций, рыболовства, военно-технического сотрудничества⁷.

Благодаря южнокорейским инвестициям в России было открыто множество предприятий⁸. Так, в 2010 г. в Санкт-Петербурге был запущен автозавод *Хёндэ Моторс*, выпускающий до 200 тыс. машин в год; в Калужской области введена в эксплуатацию кондитерская фабрика *Лотте Групп*; на площадках компаний *Самсунг* и *Эл Джи* производится сборка широкой линейки бытовой техники.

Товарооборот между Россией и РК увеличился с \$17,7 в 2010 г. до \$24,8 млрд - в 2019 г. В структуре российского экспорта в РК большую часть составляют минеральные продукты (81,5%), в то время как импорт в значительной мере сформирован машинами, оборудованием и транспортными средствами (66,8%), а также продукцией химической промышленности (16,6%)⁹. Облегчение визовых требований привело к тому, что количество граждан РК, посетивших Россию, возросло со 108 тыс. в 2013 г. до 343,3 тыс. в 2018 г., а количество россиян - с 174,4 тыс. до 302,5 тыс. [6].

Приоритетом для России является участие РК в реализации проектов по развитию Сибири и Дальнего Востока. Эта задача включена в представленную РК в октябре 2013 г. Евразийскую инициативу¹⁰, успех которой мог бы придать импульс для развития и южнокорейской экономики [7].

Однако ее реализация требует сначала решения северокорейской проблемы. Для России, всегда воспринимавшейся РК как важный партнер разрешения ядерной проблемы КНДР, участие в Евразийской инициативе может стать началом упомянутого ранее разворота на Восток [8], ставшего особенно актуальным после начала в 2014 г. политического кризиса между Россией и странами Запада. Тогда РК не поддержала жестких экономических санкций против России, даже с учетом сильного влияния США на ее политику.

Многие российские эксперты считают, что во взаимоотношениях России и РК имеется огромный потенциал [9; 10], но он в большей степени остается нереализованным. За 30-летие после установления дипломатических отношений россияне и корейцы лучше узнали друг друга, однако для большинства корейцев Россия, по-прежнему, остается *terra incognita* [5].

Для россиян же корейские товары, имеющиеся практически в каждой семье, перестали быть экзотикой. Корея воспринимается россиянами как высокотехнологичная страна с интересной культурой. Развитие взаимодействия в сферах инвестирования, торговли и туризма не может привести к качественному рывку в российско-южнокорейских отношениях [11], требуется изменение восприятия и взаимопонимания между народами. 30-летний опыт РК по продвижению своего имиджа в РФ достоин пристального внимания.

«ДВОЙНАЯ МЯГКАЯ СИЛА» КОРЕЙСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА

Религия - эффективный инструмент «мягкой силы», имеющий долгосрочное влияние. Открытие границ России в конце XX в. ознаменовало наступление «религиозного ренессанса», в ходе которого представители различных конфессий начали в ней активную деятельность. Несмотря на неблагоприятную обстановку, протестантские миссионеры из РК активно прибывали в Россию сразу после распада СССР. Количество религиозных организаций, открытых южнокорейскими миссионерами, к концу 1990-х гг. превысило сотню только в Москве. Некоторые миссионеры покинули Россию после введения Федерального закона «О

⁷ Отношения между Россией и Республикой Корея в сферах политики и экономики. <https://korea-seoul.mid.ru/otnosenia-mezdu-rossiej-i-respublikoj-korea-v-sferah-politiki-i-ekonomiki> (accessed 25.11.2020). Следующая встреча запланирована в ходе визита президента России в РК в 2021 г. (прим. авт.).

⁸ Export-Import Bank of Korea. Statistics of Foreign Direct Investment. <https://stats.koreaexim.go.kr/sub/interstateStatistics.do> (accessed 15.11.2020)

⁹ ФТС РФ. Таможенная статистика внешней торговли. www.customs.gov.ru (accessed 10.12.2020)

¹⁰ Евразийская инициатива - южнокорейский проект развития экономического сотрудничества между странами одноименного континента путем устранения барьеров и интеграции транспортных путей и энергетических сетей, расширения социально-культурного взаимодействия и др. В частности, активно продвигалась идея «железнодорожного Шелкового пути», соединяющего Пусан со странами Западной Европы (прим. авт.).

свободе совести и о религиозных объединениях», предписавшего обязательную регистрацию подобных организаций в Министерстве юстиции РФ, и введения контроля налоговыми органами их целевых поступлений, однако большая часть миссионеров продолжила свою деятельность.

Корейские церкви, сами являясь инструментом национальной «мягкой силы», используют ее в масштабе конкретного района дислокации для достижения собственных целей. Сегодня в России действует множество духовных образовательных учреждений, основанных при участии южнокорейских миссионеров. Их выпускники, благосклонно относящиеся к РК, распространяют ее «мягкую силу», ведя деятельность по всей стране.

«МЯГКАЯ СИЛА» КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Роль языка в жизни общества сложно переоценить. Язык - важнейший инструмент для выстраивания межкультурных коммуникаций [12], помимо общения, он играет когнитивную функцию, а также участвует в формировании личности [13], оказывает влияние на мировоззрение и мировосприятие человека. И этим активно пользуется РК.

Сегодня в России предлагается широкий спектр образовательных услуг в изучении корейского языка и культуры. Прежде всего, это две основные группы учреждений.

Первая представлена крупнейшими российскими университетами, занимающимися комплексной подготовкой специалистов. Центры корееведения простираются от Санкт-Петербурга до Владивостока и Южно-Сахалинска.

Если в 1990-х корейское направление было наименее популярным среди восточноазиатских языков, то сегодня количество корееведов стабильно увеличивается, в т.ч. и за счет появления образовательных программ по Корею в новых университетах. Образовательная и научная деятельность большинства академических центров корееведения в России поддерживается государственными фондами РК путем поставок учебной и научной литературы, финансирования как отдельных научных исследований, так и комплексных научно-образовательных программ.

Вторая группа представлена культурными центрами. В самом большом из них, Культурном центре при Посольстве РК в Москве, корейский язык преподается с 1990 г. Зачисление на курсы корейского языка проходит на конкурсной основе, ведь спрос намного превышает возможности центра. В осеннем семестре 2020 г. из 3444 поданных заявлений на начальный уровень было принято только 1604.

В Культурном центре при Посольстве РК осуществляется также комплекс различных мероприятий, направленных на популяризацию корейской культуры, в целом. Помимо проведения концертов, выставок и кинопоказов, большое внимание уделяется групповым занятиям по *тхэквондо*, традиционным и *К-POP* танцам, *самуль нори* (игра на корейских барабанах) и др. Благодаря финансированию из РК весь спектр образовательных программ и культурных мероприятий предоставляется бесплатно.

Особого внимания также заслуживает Институт Седжона (ИС), осуществляющий свою деятельность во многих странах. Его работа схожа с Институтами Конфуция и Гёте, играющими важную роль в распространении, соответственно, китайской и немецкой культуры в мире.

В России первый филиал ИС был основан в 2008 г. на базе московской *Школы Вон Гван*, преподающей корейский язык с 1993 г. Занятия проводятся на платной основе. Поскольку стоимость самого дорогого курса не превышает 6 тыс. руб. за семестр, ИС ежегодно набирает до 3 тыс. новых слушателей. Он предлагает не только занятия по танцам, игре на барабанах и тхэквондо, но и специальные языковые программы, такие, как корейский для бизнеса, иероглифика, подготовка к международному экзамену на уровень знания корейского языка. Его сдача на высший уровень практически гарантирует симбиоз между студентами-иностранцами и РК. Первые получают стипендию для обучения, а последняя - молодых людей, готовых работать на развитие ее перспективных отраслей экономики.

Таким образом, только Культурный центр при Посольстве РК и ИС проводят впечатляющую образовательную деятельность, оказывая услуги тысячам москвичей. При этом для бесплатного обучения в РК не обязательно быть студентом профильного направления, важно лишь иметь высокий уровень языка. Этот факт открывает широкие перспективы для молодых россиян, а также облегчает продвижение «мягкой силы» РК в Россию через популяризацию языка.

Взаимодействию культур двух стран в немалой степени способствуют и южнокорейские инвестиции в образовательный сектор России. Финансовая поддержка университетов, культурных центров и ИС направлены не только на продвижение «мягкой силы», но также и на подготовку местных специалистов, знающих корейский язык, с целью адаптации южнокорейских компаний на российском рынке. Так, только в 2019 г. общий бюджет Корейского Фонда¹¹, занимающегося популяризацией корейской культуры, соста-

¹¹ Корейский Фонд (КФ) был основан в 1991 г. Сегодня он имеет представительства в 138 странах мира (прим. авт.).

вили около \$135 млн¹², а Национального института развития зарубежного образования (*NIED*) - более \$82,5 млн¹³. Деятельность азиатских культурных центров часто подвергается критике в западных странах по идеологическим причинам [14], однако Россия остается открытой для них. Это может свидетельствовать либо о ее желании сблизиться с РК, либо об отсутствии какого-либо контроля в данной сфере, либо о действии обоих факторов одновременно.

«МЯГКАЯ СИЛА» ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ

Институт побратимства - это особый вид долгосрочных взаимоотношений между двумя городами за счет расширения связей в области экономики, культуры, образования, медицины, защиты окружающей среды и др. Одним из основных примеров побратимства является взаимодействие южнокорейских городов с Владивостоком. Помимо соглашений с городами США, Китая, Японии, Малайзии, Вьетнама, Эквадора, КНДР, Владивосток имеет соглашения о побратимстве с южнокорейскими Пусаном (1992), Инчхоном (2012) и Пхоханом (2018).

С Пхоханом установлены связи в сфере образования, в частности, по программе обмена школьниками¹⁴. В ряде общеобразовательных школ и гимназий Владивостока изучение корейского языка является обязательным. Аналогичного интереса к русскому языку у жителей Пхохана не отмечено, хотя этот город планирует запуск круизного направления во Владивосток¹⁵. Пусан - самый активный побратим Владивостока. Это второй по численности населения город РК (3,4 млн человек), один из ее крупнейших финансовых, торговых и промышленных центров. Кроме того, это также - морские ворота для экспортных товаров, благодаря чему Пусан стабильно занимает место в десятке крупнейших по грузообороту портов мира¹⁶.

«Евразийская экспедиция Пусана» - наиболее масштабный проект, реализуемый в рамках побратимства между двумя городами. Политические и культурные деятели из Пусана ежегодно путешествуют из Владивостока до Москвы или Санкт-Петербурга¹⁷, останавливаясь в некоторых городах России для популяризации корейской культуры. В дальневосточной столице к приезду группы приурочен День Пусана, программа и количество участников которого постоянно расширяется.

Спонсорами и организаторами Дней Пусана с российской стороны были исключительно административные учреждения, в то время как с южнокорейской - коммерческие компании *Air Busan*, *LOTTE*, *PANCOAT* и *DOSHIRAK*, заинтересованные в популяризации своих продуктов на российском рынке. Подобные детали указывают на то, что проведение мероприятий, таких как День Пусана во Владивостоке, - это прямое проявление «мягкой силы».

День Пусана не проводился во Владивостоке в 2020 г. из-за пандемии *COVID-19*, однако в дальневосточной столице был организован День Кореи, в котором приняли участие коллективы из разных городов Дальнего Востока, а за звание лучшей команды по *K-POP* танцам боролись более 80 команд¹⁸. Для привлечения южнокорейских туристов администрация Владивостока установила памятник героям-борцам за независимость Кореи, а в культурных учреждениях введены в эксплуатацию аудиогиды и стенды на корейском языке.

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ В ГОСТЯХ У КОРЕЙСКОГО ТИГРА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

После изучения на нескольких примерах успеха южнокорейской «мягкой силы» в России, возникает закономерный вопрос: существует ли российский аналог и какое действие он оказывает в Южной Корее?

Наша страна включилась в мировую культурную дипломатию относительно недавно. Так, в 2007 г. был создан популяризирующий русский язык Фонд «Русский мир», а в 2010 г. - Фонд публичной дипломатии А.М.Горчакова, ответственный за вектор публичной дипломатии и поддержку русского языка. Их деятель-

¹² Annual Report KF 2019. 2019. Seogwipo.

¹³ Budget of the Ministry of Education of the Republic of Korea. 2019. Sejong.

¹⁴ Ульянова Ю. Владивосток и Пхохан подписали соглашение о сотрудничестве в области образования. <http://www.vlc.ru/event/news/14835> (accessed 18.11.2020)

¹⁵ Лебединец В. Во Владивосток на круизном лайнере прибыла делегация южнокорейского Пхохана. <http://www.vlc.ru/event/news/30032> ((accessed 16.11.2020)

¹⁶ World Shipping Council. Top 50 World container ports. <https://www.worldshipping.org/about-the-industry/global-trade/top-50-world-container-ports> (accessed 12.10.2020)

¹⁷ Санкт-Петербург тоже город-побратим Пусана. В честь 10-летия установления побратимских отношений в культурной столице России в 2018 г. также проводился День Пусана параллельно с крупнейшим фестивалем корейской культуры «Мост в Корею» (прим. авт.).

¹⁸ Фестиваль «День Кореи» пройдет в субботу во Владивостоке. <https://www.newsvl.ru/vlad/2020/10/09/193700/> (дата доступа: 18.11.2020)

ность способствовала появлению России на 30-й строчке глобального рейтинга индекса «мягкой силы» в 2016 г. Однако улучшить свою позицию вплоть до 2019 г. нашей стране не удалось¹⁹.

В чем причины столь медленного распространения российской «мягкой силы» на примере Республики Корея?

Основная причина заключается в том, что значительная часть южнокорейцев безразлична к России [5]. Среднестатистический кореец не слышал о современной русской культуре, однако имеет представление о русском балете, Большом театре, а также знаком с произведениями Толстого, Чехова, Достоевского, Чайковского [5]. Следовательно, в XX в. российская культура была популярна в РК, а сегодня - направление сменилось, и уже южнокорейская волна *халлю* окатила Россию.

Примеры Владивостока и Пусана - это лишь скромные успехи российской «мягкой силы»: ведь не только корейский порт использует институт побратимства для популяризации своего образа. Делегации дальневосточной столицы активно принимают участие в форумах и культурных мероприятиях, проводимых в Пусане. Например, творческие коллективы из Владивостока ежегодно посещают фестиваль *Global Gathering*.

Владивосток не проводит ежегодные фестивали на территории Пусана, однако часто организует различные культурные мероприятия. Так, для привлечения пусанцев и южнокорейцев во Владивосток - ближайший островок европейской культуры - в РК в 2018 г. была организована фотовыставка «Почувствуй Владивосток». Популярность дальневосточной столицы России стремительно возрастает: количество южнокорейских туристов увеличилось с 50 тыс. в 2016 г. до 300 тыс. в 2019 г.

Увеличение спроса обусловило интенсификацию авиасообщения, в т.ч. за счет открытия регулярных рейсов лоукостеров как с Сеулом и Пусаном, так и другими городами РК. Это позволило Владивостоку занять 3-е место среди самых популярных российских направлений у иностранных туристов после Москвы и Санкт-Петербурга. Большое количество корейских туристов сыграло положительную роль в формировании образа платежеспособных и воспитанных южнокорейцев в глазах россиян. Так же и корейцы, посетившие Россию, транслируют в социальных сетях ее привлекательный образ. Следовательно, соглашение о безвизовых поездках можно рассматривать как взаимный элемент «мягкой силы».

2020 г. был объявлен годом российско-корейского культурного обмена²⁰, в рамках которого известный Пусанский международный кинофестиваль проводил Неделю российского кино. В 2021 г. планируется проведение фестиваля «Русские сезоны», в котором примут участие крупнейшие российские музеи, в т.ч. Эрмитаж. Таким образом, мы видим, что акцент российской «мягкой силы» вновь делается на классику, а не на современное творчество, а ведь именно оно, возможно, способно изменить представление о России у южнокорейцев.

Россия может использовать опыт РК по популяризации русского языка, тем более, что спрос на него имеется. Он преподается в частных учреждениях дополнительного образования, самым известным из которых является Пушкинский дом в Сеуле. При открытии культурных центров, в которых на безвозмездной основе преподавались бы русский язык, а также традиционные танцы, пение и др., круг интересующихся русской культурой несомненно расширился бы. Помощь в усилении «мягкой силы» также может сыграть Русская Православная Церковь. Ее Духовная Миссия имеет успешный опыт открытия школы в Сеуле 15 октября 1900 г., в которой русскому языку и литературе обучались не только дети, но и взрослые [15].

Даже если результаты действия российской «мягкой силы» будут скромнее тех, что достигла РК в РФ, российский имидж в «Стране утренней свежести» будет постепенно улучшаться.

Республика Корея может стать стратегическим партнером России в Восточной Азии, однако для этого необходимо активизировать культурную дипломатию, а не ждать, что ситуация изменится без приложения усилий. Тогда «русский медведь» подружится с «корейским тигром», а южнокорейские подростки, возможно, будут увлечены русским языком и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Howe B. 2020. South Korea: Transformative Challenges to the Economic and Political «Miracle on the Han River». *Asian Affairs: An American Review*. V. 47. № 1, pp. 16-40.
2. Nye J. 2009. Smart power. *New Perspectives Quarterly*. V. 26. № 2, pp. 7-9.
3. Forbes. The world's most valuable brands. <https://www.forbes.com/the-worlds-most-valuable-brands/#2d04c62a119c> (accessed 10.12.2020)
4. World Tourism Organization Statistics. <https://www.unwto.org/unwto-tourism-dashboard> (accessed 12.11.2020)

¹⁹ The Soft Power 30.

²⁰ Россия и Корея проведут Год культурных обменов в 2020 году. https://culture.gov.ru/press/news/rossiya_i_koreya_provedut_god_kulturnykh_obmenov_v_2020_godu/ (accessed 03.01.2021). Из-за пандемии *COVID-19* большая часть мероприятий была перенесена на 2021 г.

5. Ли М.Е. Национальные образы и взаимопонимание между Южной Кореей и Россией (компаративистский подход). *Социологические исследования*. 2020, № 9, с. 122-133.
6. Kim T.Y. Trends in Russian Tourism Industry. Korea Trade-Investment Promotion Agency (In Kor.). <https://news.kotra.or.kr/user/globalAllBbs/kotranews/album/2/globalBbsDataAllView.do?dataIdx=170349&searchNationCd=101093> (accessed 12.10.2020).
7. Chang D. 2015. 'Eurasian Initiative,' 'Neo-Eastern Policy,' and ROK-Russia Relations. *Eurasian Review*. № 7, pp. 1-17.
8. Лукин А.Л., Коротич С.А. Евразийская инициатива после Пак Кын Хе: развитие, современное состояние и перспективы южнокорейских интеграционных проектов. *Известия Восточного института*. 2016, № 4, с. 102-112.
9. Сутырин С.Ф., Попова Л.В., Коргун И.А. Российско-корейские экономические отношения: текущее состояние и перспективы развития. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2014, № 3, с. 27-51.
10. Ким Х.С., Салтыков М.А. Торговые отношения России и Республики Корея на этапе подписания соглашения о свободной торговле: проблемы корейских предпринимателей. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2020, № 1, с. 24-38.
11. Кукла М.П. Поворот России на Восток: к проблеме переосмысления российско-южнокорейских экономических отношений. *Проблемы Дальнего Востока*. 2020, №2, с. 71-83.
12. Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства. *Обозреватель - Observer*. 2013. № 4, с. 27-40.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., Слово. 2000.
14. Starr D. 2009. Chinese Language Education in Europe: the Confucius Institutes. *European Journal of Education. Research, development and policy*. V. 44. № 1, pp. 65-82.
15. Архимандрит Феодосий (Перевалов). Российская Духовная Миссия в Корее (1900-1925). Православие и корейцы. М., 2014.

REFERENCES

1. Howe B. 2020. South Korea: Transformative Challenges to the Economic and Political «Miracle on the Han River.» *Asian Affairs: An American Review*. V. 47. № 1, pp. 16-40.
2. Nye J. 2009. Smart power. *New Perspectives Quarterly*. V. 26. № 2, pp. 7-9.
3. Forbes. The world's most valuable brands. <https://www.forbes.com/the-worlds-most-valuable-brands/#2d04c62a119c> (accessed 10.12.2020)
4. World Tourism Organization Statistics. <https://www.unwto.org/unwto-tourism-dashboard> (accessed 12.11.2020)
5. Lee M.Y. 2020. Comparative study on national image and mutual understanding between South Korea and Russia. *Sociological Researches*. № 9 (In Russ.)
6. Kim T.Y. Trends in Russian Tourism Industry. Korea Trade-Investment Promotion Agency (In Kor.). <https://news.kotra.or.kr/user/globalAllBbs/kotranews/album/2/globalBbsDataAllView.do?dataIdx=170349&searchNationCd=101093> (accessed 12.10.2020).
7. Chang D. 2015. 'Eurasian Initiative,' 'Neo-Eastern Policy,' and ROK-Russia Relations. *Eurasian Review*. № 7, pp. 1-17.
8. Lukin A., Korotich S. 2016. Eurasian Initiative after Park Geun-Hye: Evolution, Contemporary state and Prospects. *Proceedings of Vostochnyi Institute*. № 4 (In Russ.).
9. Sutyurin S.F., Korgun I.A., Popova L.V. 2014. Russian-Korean economic cooperation: Current situation and prospects for development. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Economics*. № 3 (In Russ.).
10. Kim H.S., Saltykov M.A. 2020. Trade Relations between Russia and Republic of Korea at the Stage of Signing the Free Trade Agreement: Problems of Korean Entrepreneurs. *Customs policy of Russia on the Far Eastern Region*. № 1 (In Russ.).
11. Kukla M.P. 2020. Russia's turn to the East: Rethinking economic cooperation between Russia and South Korea. *Far Eastern Affairs*. № 2 (In Russ.).
12. Leonova O. 2013. Soft power - a source of state's foreign policy. *Observer*. № 4 (In Russ.).
13. Ter-Minasova S.G. 2000. Language and intercultural communication. Moscow (In Russ.).
14. Starr D. 2009. Chinese Language Education in Europe: the Confucius Institutes. *European Journal of Education. Research, development and policy*. V. 44. № 1, pp. 65-82.
15. Archimandrite Feodosy (Perevalov). 2014. The Russian Ecclesiastical Mission in Korea (1900-1925). Moscow (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН, Москва, Россия.

Pavel P. Em, PhD (Social and Economic Geography), Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сон Жанна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Zhanna G. Son, PhD (History), Associated Professor, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
21.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
03.02.2021

Трансформации XXI века: особенности формирования пути устойчивого развития в Японии

© Тихоцкая И.С.^а, 2021

^а Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

Резюме. На рубеже XX-XXI вв. в мире произошел сдвиг общей парадигмы развития в сторону придания ему более устойчивого характера, что было зафиксировано в целом ряде международных документов. Япония давно предпринимает активные шаги в этом направлении, в т.ч. разрабатывая и собственные инновационные концепции. В статье представлены результаты многолетнего изучения автором продвижения Японии к устойчивому развитию, созданию общества нового типа. На основе изучения многочисленных документов и программ, как международных, так и японских, проанализированы особенности подхода Японии к концепции устойчивого развития и путей его реализации.

Результаты представленного исследования показывают, что, хотя японский путь устойчивого развития отличается широкий подход, в стране, испытавшей на рубеже 1960-70-х гг. настоящий экологический кризис, в первую очередь, он имеет экологическую ориентацию. В то же время на современном этапе особое внимание в Японии уделяют созданию общества нового типа, подчеркивая необходимость изменения образа жизни, поведения всех людей во всем мире, а также важность распространения передового опыта и оказания помощи менее развитым странам.

С учетом предыдущих успехов, и прежде всего японского опыта распространения дифференцированного сбора бытовых отходов, начинавшегося с экспериментов в отдельных муниципалитетах и давно уже ставшего образом жизни всех жителей страны, можно ожидать, что и в создании устойчивого общества Япония будет одним из первопроходцев, а потому изучение ее опыта представляет особый интерес.

Ключевые слова: Япония, устойчивое развитие, устойчивое общество, экологические проблемы, управление отходами

Для цитирования: Тихоцкая И.С. Трансформации XXI века: особенности формирования пути устойчивого развития в Японии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 31-39. DOI: 10.31857/S032150750014285-5

Transformations of the XXIst century: characteristics of shaping the path of sustainable development in Japan

© Irina S. Tikhotskaya^а, 2021

^а Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1534-0505; iritiro@gmail.com

Abstract. The paradigm of sustainable development emerged at the turn of the XX - XXI centuries and was elaborated in a number of international program documents. Japan has made important progress towards sustainable development and came up with its own innovative approaches in this area. This article presents the results of the author's long-term study of Japan's advancement towards more sustainable development. Based on analysis of many documents and programs, both international and Japanese, the author shows the key features of the Japanese approach to the concept of sustainable development and to its implementation.

Japan is a country that has gone through a series of radical transformations because of which it has become and remains one of the leading players in the world community. Thus, at the end of the 19th century when there was a threat to becoming a dependent territory but by the "opening" of the country Japan quickly followed the path of industrial development and became itself a colonial power. In the middle of the 20th century, it demonstrated the economic miracle by creating a catching up development model, which has been successfully used in a number of other countries. The results of the study show that the Japanese path of sustainable development, with its broad approach, is primarily environmentally oriented. At the same time, Japan is placing emphasis on creating a new type of society, emphasizing the need to change lifestyles, the behavior of all people around the world and on the importance of spreading best practices helping the less developed countries.

Having in mind the Japanese experience in the distribution of differentiated household waste collection that began with experiments in selected municipalities and has now become a way of life for all residents of the country, one can expect Japan to be a pioneer in building a sustainable society.

Keywords: Japan, sustainable development, sustainable society, environmental problems, waste management

For citation: Tikhotskaya I.S. Transformations of the XXIst century: characteristics of shaping the path of sustainable development in Japan. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 31-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014285-5

ВВЕДЕНИЕ

Человек с самого своего появления на Земле оказывает воздействие на окружающую среду. Однако поначалу, когда его зависимость от природы была большой, присутствовало сознательное отношение к природе. Японцы, и в силу своих древних религиозных убеждений и прочих традиций (концепции *сатояма* и *моттаинай*), и ментальности, долгое время сохраняли свою приверженность жизни в гармонии с природой. Будучи страной рисовой культуры, Япония еще с XVII в. являет собой пример общества рециклирования, поскольку после сбора урожая рисовая солома использовалась в самых разных целях (и в качестве удобрения на полях, и топлива; из нее же изготавливали и татами, которыми до сих пор в стране застилают пол, и сандалии *дзори*) [1].

В немецкоязычном сообществе исследователей окружающей среды распространено мнение, что концепция устойчивости уходит корнями в XVIII столетие, век немецкого лесного хозяйства. И там директора главного горного управления во Фрайбурге, Ганса Карла фон Карловица, автора первого труда на немецком языке по лесоведению, считают отцом-основателем современной идеи устойчивого развития — найти правильный баланс между использованием ресурсов и возрождением природного капитала. Его императив был прост, но убедителен: не собирать больше древесины (или шире - возобновляемых ресурсов), чем может воспроизвестись в данный период времени [2]).

Иными словами, местные традиции нередко предлагают устойчивые альтернативы современному обществу с его идеалом потребления и деградации. С развитием цивилизации постепенно сложился имидж планеты, почти не имеющей внешних ограничений для воздействия человека: «бескрайнее пространство, в котором расширение, производство, потребление и неограниченный рост являются позитивными парадигмами для развития цивилизации» ([3; 4]). Как отметили ученые Манчестерского университета Р.Ходжсон и С.Пердан [5], в настоящее время технология позволяет изменить «практически любую часть Земли» (цит. по: [4]). Изменение окружающей среды, возникновение острых экологических проблем заставило человечество задуматься о своих действиях, обратить внимание на пагубные последствия грубого вмешательства в природу. Опубликованный в 1972 г. американским ученым, бывшим директором трех университетских научных институтов Д.Медоузом и др. доклад Римскому клубу «Пределы роста» имел большой резонанс и оказал воздействие на уже начавшееся понимание опасности загрязнения окружающей среды, взаимосвязи между экологическими проблемами и экономическим ростом. Большинство стран мира тогда же приступило к поиску путей сокращения отрицательного воздействия экономического развития на окружающую среду.

В это время Япония, несмотря на свойственное ей бережное отношение и уважение к природе, как и остальные развитые страны потерявшая связь со многими исконными традициями сохранения природы, переживала настоящий экологический кризис, явившийся следствием ее послевоенного «экономического чуда». В стране создавалась система природоохранных органов, в 1971 г. появилось Управление по окружающей среде (в 2001 г. преобразованное в министерство), и в Японии, в одной из первых, начала формироваться экологическая политика, довольно быстро выделившаяся в самостоятельное направление государственной политики. А в конце 1980-х произошла глобализация экологической политики, и Япония активно включилась в международное сотрудничество, все больше претендуя на лидерство в экологической сфере.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ПОДХОДА

Современная концепция устойчивого развития впервые обсуждалась на Конференции ООН по проблемам окружающей среды в Стокгольме в 1972 г., но всемирную популярность приобрела со времен доклада «Наше общее будущее» (или «Доклад Брунтланн», 1987 г.) и самой крупной встречи на высшем уровне по экологической проблеме «Саммита Земли» в Рио-де-Жанейро (1992 г.). В 1997 г., в дополнение к подписанной на саммите в Рио Рамочной конвенции ООН об изменении климата, содержащей принципы действия стран по проблеме изменения климата, во избежание глобального потепления был подписан Киотский протокол, предполагающий сокращение выбросов парниковых газов.

В то время считалось, что необходимые для предотвращения потепления климата меры будут препятствовать экономическому росту, однако, как уже показала практика, многие из таких мер, напротив, оказываются его драйверами. В Японии это четко просматривается на примере развития возобновляемой энергетики, и прежде всего, солнечной, в области которой она является одним из мировых лидеров.

В преддверии наступления миллениума, вследствие наличия целого ряда требующих принятия безотлагательных мер, человечество серьезно озаботилось необходимостью изменения общей парадигмы развития в сторону создания устойчивого общества. Американский биолог и эколог, один из основателей современного экологического движения, Барри Коммонер еще в 1971 г. одним из первых отметил взаимо-

связь проблем окружающей среды с проблемами, больше всего угнетающими современный мир. В широко известной книге «Замыкающий круг» [6] он сформулировал 4 закона экологии: 1. Все связано со всем; 2. Все должно куда-то деваться; 3. Природа знает лучше; 4. Ничто не дается даром.

Современная концепция устойчивого развития включает три основных столпа: экологический, экономический и социальный. В 2000 г. были согласованы Цели развития тысячелетия, в основном касающиеся социальных проблем (искоренение голода и крайней нищеты, всеобщее начальное образование, гендерное равенство и т.д.) в развивающихся странах. В апреле 2015 г. в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата было подписано Парижское соглашение, регулирующее меры по снижению углекислого газа в атмосфере с 2020 г. (удержание роста глобальной средней температуры намного ниже 2 °С). А в сентябре 2015 г., в принятой на Саммите ООН по устойчивому развитию «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», сформулировано 17 универсальных целей устойчивого развития (ЦУР), охватывающих широкий круг экологических, социальных и экономических задач, применимых как к развивающимся, так и к развитым странам.

Достижение всех целей одновременно, безусловно, затруднительно, поэтому в 2017 г. в специальной резолюции ООН 17 целей были преобразованы в более достижимые, а приоритет был отдан искоренению крайней нищеты, развитию в интересах всех и решению основополагающих проблем глобальной устойчивости, таких как изменение климата. В июле 2020 г. ООН было отмечено, что определенный прогресс есть, но в целом деятельность по достижению поставленных целей продвигается в недостаточном темпе и масштабе и следующее десятилетие должно стать десятилетием амбициозных действий, а главные задачи — принятие мер по борьбе с растущей нищетой (ввиду пандемии *COVID-19* проблема усугубилась. — *И.Т.*), расширению возможностей женщин и решение проблемы изменения климата [7].

Чаще всего устойчивое развитие определяется как удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности. Есть и другие формулировки, например, «Повышение качества жизни человека при жизни в пределах ассимилирующей способности экосистем» (1991) или: «Устойчивое развитие происходит тогда, когда все люди могут жить полноценной жизнью, не унижая нашу планету» (2007) [8]. Первое из приведенных определений на сегодня представляется наиболее удачным.

В докладе ООН «От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии»¹ в качестве основной парадигмы развития предложено «человеческое измерение». Для перехода к устойчивым моделям необходимо, чтобы социально-экономическое развитие протекало параллельно с заботой об окружающей среде и учитывало интересы всех людей Земли, способствовало повышению уровня и качества жизни.

Критерии устойчивого развития крайне сложны, но в общем виде они представляют группы индикаторов, относящихся, прежде всего, к экологической, экономической и социальной сферам, а также включающих институциональные и политические факторы.

В настоящее время концепции устойчивого развития отведена главная роль в планировании и определении всей жизни общества во многих странах мира, и стратегии развития государств исходят из разумного сочетания экологических, экономических и социальных принципов. Ставится задача добиваться повышения уровня жизни людей, не допуская разрушения экосистем Земли и появления экологических проблем.

Что касается Японии, то еще до формулирования Повестки дня на период до 2030 г. она предпринимала шаги и реализовывала комплексные меры по продвижению к устойчивому обществу как в экологической, так и экономической и социальной сферах. По заверению самих японцев, она приступила к созданию «общества равных возможностей и всеобщего участия, в котором каждый человек может полностью реализовать свой потенциал. В соответствии с этим идеалом Япония продвинулась вперед, реформируя свои соответствующие системы»².

Соглашаясь с тем, что некоторые достижения в разной мере есть во всех сферах, особо выделим деятельность, прежде всего, японского правительства в экологической сфере. Большинство ученых именно экологическим факторам отводят главную роль в достижении устойчивого развития. И Япония как раз является собой пример страны, которая во главу угла ставит цели эффективного использования ресурсов и защиты окружающей среды.

В 1993 г. в развитие достаточно успешно действовавших «Закона о контроле загрязнения окружающей среды» (1967 г., в значительной степени благодаря принятию которого Япония и преодолела экологиче-

¹ From transition to transformation: sustainable and inclusive development in Europe and Central Asia. 2012. New York and Geneva (In Russ.). https://unece.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf (accessed 22.11.2020)

² Japan's Voluntary National Review Report on the implementation of the Sustainable Development Goals. SDGs Promotion Headquarters. July, 2017. Sustainable development goals. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16445Japan.pdf> (accessed 25.10.2020)

ский кризис) и «Закона о сохранении природы» (1972 г.) в Японии приняли «Основной закон об охране окружающей среды», который называют «Экологической Конституцией». В качестве одного из трех основных принципов экологической политики в нем заявлено создание устойчивого общества, в котором экологические нагрузки, возникающие в результате деятельности человека, сведены к минимуму³.

Среди всех экологических проблем особое значение имеет управление бытовыми отходами, поскольку, превратившись в общество потребления, Япония стала их крупным производителем. Первоначально проблема отходов в стране решалась, в основном, путем избавления от них всеми способами (закапывании, сжигании, сбрасывании в море и т.п.). Однако постепенно там родилась современная концепция общества рециклирования, основанная на принципе *3R (Reduce, Reuse, Recycle)*. Возложение обязанности по сортировке мусора на граждан страны началось в 1980-е гг. в качестве экспериментов в отдельных муниципалитетах, а к началу XXI в. раздельный сбор бытовых отходов стал образом жизни всего населения страны.

Все в большем числе муниципалитетов мусор сортируют на все большее число категорий. Особенно в этом отношении выделяется Камикацу, небольшой поселок в горах на острове Сикоку, где отдельно сортируют 45 видов отходов. Поселок прославился инициативой принятия декларации нулевых отходов (к 2020 г.) [9]. Изначально это было связано с тем, что перевозка и сжигание отходов на близлежащем к поселку заводе обходилась в 6 раз дороже, чем налаживание собственной системы утилизации отходов, и довольно быстро удалось добиться рециклирования 80% образующихся в поселке отходов [10].

В результате многолетних изысканий на основе принципа *3R* в Японии была разработана инновационная концепция общества с устойчивым материальным циклом, и в 2000 г. принят Основной закон о таком обществе. Суть этой концепции: потребление ресурсов и образование отходов должны быть сведены к возможному минимуму [11]. Реализация этой концепции на базе 3-х одноименных планов (2003, 2008, 2013) привела к определенным успехам: совершенствованию системы управления отходами, улучшению экологической ситуации в стране и повышению качества жизни.

В Японии захоронению подвергается теперь только 1% общего числа бытовых отходов по сравнению, например, с 49% в Австралии. Японцы добились и почти максимальных показателей рециклирования некоторых видов твердых бытовых отходов: стеклянных и пластиковых бутылок, железных и алюминиевых консервных банок. В 4-м плане создания общества с устойчивым материальным циклом (2018) отмечается, что с 2000 г. наблюдался заметный прогресс в области увеличения производительности ресурсов, который, однако, затем остановился⁴.

С начала XXI в. заметно стремление Японии отойти от строго экологической модели устойчивого развития к более всеохватывающему подходу, позволяющему увязать охрану экологической среды с экономическим ростом и социальными ценностями. Во всех уже упомянутых планах по созданию общества с устойчивым материальным циклом акцентируется важность изменения общества, образа действий людей.

Дело в том, что главным источником экологического следа — показателя, позволяющего оценить антропогенную нагрузку на окружающую среду, является повседневная жизнь людей. Это означает высокую зависимость этого индикатора от образа жизни и потребительского поведения всех граждан страны. На его величину и состав большое влияние оказывают социально-экономические факторы, уровень доходов, потребляемые продукты питания, товары и услуги, а также образующиеся отходы — все это становится частью экологического следа страны.

Особое внимание к преобразованиям такого рода четко видно и в последнем японском плане по защите окружающей среды, подготовленном в 2018 г.⁵ В преамбуле этого плана вновь акцентируется то, что японская культура основана на гармонии с природой и японцы ее тонко чувствуют благодаря длительному взаимодействию с ней. Именно таким образом возникли и японское традиционное искусство, и современная культура производства. Но вследствие зависимости от зарубежных ресурсов, урбанизации, быстро прогрессирующего старения и убыли населения взаимосвязь между людьми и природой и связи между людьми размываются, и традиционные сообщества все более теряются.

В этой связи в Японии полагают, что для поддержания жизнеспособности страны на местах важно создавать разнообразные привлекательные региональные модели жизнедеятельности на базе использования уникальных местных отличительных особенностей. Для восстановления связи между людьми и природой и связей внутри местных сообществ в каждом регионе предполагают делать акцент на ценность местной природы. Так же, как в первых трех планах по созданию общества с устойчивым материальным циклом, подчеркивалась важность изменения поведения людей, во всех новых планах - по созданию общества

³ The Basic Environment Plan. 2018. Ministry of the Environment, Japan. <https://www.env.go.jp/press/files/jp/108982.pdf> (accessed 23.10.2020) (In Jap.)

⁴ Fundamental Plan for Establishing a Sound Material-Cycle Society. 2018. Ministry of the Environment, Japan. https://www.env.go.jp/recycle/circul/keikaku/keikaku_4.pdf (accessed 25.10.2020). (In Jap.)

⁵ Outline of the Fifth Basic Environment Plan. https://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5/attach/ref01-2.pdf (accessed 15.11.2020) (In Jap.)

с устойчивым материальным циклом, новом экологическом (2018), новом энергетическом (2018) - акцентируется важность перехода к устойчивому образу жизни и потребления.

В новом экологическом плане выделено 6 приоритетных стратегий, и почти все они, так или иначе, предполагают изменение образа жизни японцев. К числу основных направлений необходимых изменений относятся следующие.

Во-первых, поскольку в соответствии с Парижским соглашением Япония планировала к 2030 г. сократить выброс парниковых газов на 26% против уровня 2013 г. (а теперь намерена к 2050 г. выйти на нулевой уровень), надо переходить к энергосберегающим низкоуглеродным продуктам, услугам и деятельности, и именно в этом направлении менять потребительское поведение людей. В этой связи в стране уже с лета 2015 г., развивается национальная кампания «*COOL CHOICE*», нацеленная на стимулирование людей отдавать предпочтение низкоуглеродным продуктам и услугам - на то, чтобы люди переосмыслили индивидуальные привычки и ценностные ориентиры и делали более осознанный выбор.

Цель этой кампании — просвещение, и прежде всего, молодежи относительно опасности изменения климата и глобального потепления. В Японии любят анимэ, поэтому эту кампанию представляют два персонажа: Кими-но Има и Кими-но Мирай⁶. Первая (ее имя переводится как «твое настоящее») - безответственный персонаж, не заботящийся об окружающей среде. Она не выключает свет, часто не закрывает плотно холодильник и т.д. В противоположность ей — Кими-но Мирай («твое будущее») — из параллельного мира. Она делает более умный и экологичный выбор. В августе 2020 г. эти персонажи стали официальными символами Министерства окружающей среды.

В Японии не строят иллюзий относительно человеческой природы и подчеркивают, что для успеха кампании важно помочь людям связать глобальное потепление с их собственной жизнью, а также облегчить их свободу выбора, благодаря просветительской работе: рекламируя низкоуглеродные продукты (*LED* лампы, энергоэффективную аппаратуру), низкоуглеродные услуги; содействуя использованию общественного транспорта и драйв шеринга; и посредством кампаний *COOL BIZ*, *WARM BIZ*, *ECO DRIVE* пропагандируя низкоуглеродный образ жизни.

Меры, принимаемые Министерством по окружающей среде, разнообразны. Например, там решили ежедневно на один час отключать электричество в середине дня, в т.ч. чтобы напомнить об угрозе изменения климата. Обобщая, можно сказать, что в Японии нацелены на широкую пропаганду лозунга: «Действуй, думая о последствиях».

Во-вторых, крайне важно сокращать пищевые отходы. И сделать это можно разными способами. Например, сеть супермаркетов Сэйю всего за один год сократила количество непроданных пищевых товаров на 18% за счет более продуманной их закупки и предложения товаров с подходящим к концу, но еще не истекшим сроком хранения, своим сотрудникам.

В-третьих, предполагается строить низкоуглеродные и полезные для здоровья дома с нулевым потреблением энергии, распространять использование возобновляемых источников энергии, экономить энергию путем улучшения изоляционных свойств домов и использования высокоэффективного оборудования.

С 2020 г. в стране вводятся обязательные стандарты энергоэффективности для всех новых зданий и сооружений. Поощряется строительство не потребляющих электроэнергию домов. Несколько ранее, в 2017 г., японский Совет на науке разработал дорожные карты для продвижения к здоровому низкоуглеродному образу жизни, городам и зданиям, которые включают 4 основных направления: повышение мотивации для нового устойчивого низкоуглеродного образа жизни и потребительских предпочтений; разработка устойчивых низкоуглеродных городов и транспортных систем для стареющего общества; ускорение ввода низкоуглеродных жилых и прочих зданий, отвечающих требованиям сохранения здоровья людей и выработки зеленой энергии; содействовать распространению низкоуглеродных городов, зданий, транспортных систем во всех странах Азии.

В-четвертых, акцентируется необходимость пропагандировать важность хождения пешком, езды на велосипеде, что сократит выбросы углекислого газа и будет способствовать увеличению продолжительности жизни людей.

В-пятых, намечается содействие реформе стиля работы — распространение работы на дому. Это поможет и совершенствованию баланса между работой и домом: увеличит время для ухода за детьми и престарелыми, занятиями хобби и пр., а также будет способствовать и повышению производительности труда. Предполагается поддерживать эту реформу посредством визуализации экологических эффектов.

Трудно не согласиться с оценкой японских ученых, анализировавших японскую национальную и местную систему управления для достижения целей устойчивого развития (ЦУР), в том, что Япония имеет относительно хорошо структурированные «видение и постановку задач», «исследования и оценку ситуации»

⁶ Cool Choice Concept Movie. Ministry of the Environment. <https://ondankataisaku.env.go.jp/coolchoice/character/release/> (accessed 10.12.2020)

и «разработку стратегии», но сталкивается с проблемами в отношении «реализации» и «мониторинга, оценки и обзора» [12].

Действительно, сильной стороной японцев, с нашей точки зрения, является способность заранее предугадывать поворот событий - видеть назревающие проблемы еще до их появления, разрабатывать концепции и составлять планы. А реализация нередко тормозится бюрократическими процедурами и еще в большей степени тем, что до конца еще не осознана, и не только в Японии, необходимость холистического подхода.

С другой стороны, как подчеркивает немецкий профессор Рейнхард Лоске, специалист по устойчивому развитию и обществу, существует реальная опасность того, что устойчивое развитие рано или поздно превратится в технократическую концепцию, не учитывающую социальные и культурные аспекты: «Устойчивость - это больше, чем просто вычисление и определение лимитов и бюджетов (выбросов); это об общем видении, политических стратегиях, изменении образа жизни и новых социальных практиках» [2]. С нашей точки зрения, Япония как раз выбрала правильный путь.

ПРАВОВАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ БАЗА ЯПОНИИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Правовая база для поддержки реализации ЦУР в Японии все еще отсутствует, но в мае 2016 г. был создан возглавляемый премьер-министром «Штаб по продвижению ЦУР», в который входят все члены кабинета министров с тем, чтобы «обеспечить общегосударственный подход к реализации Повестки дня на период до 2030 года»⁷. Кроме того, в рамках этого образования есть «Круглый стол по продвижению ЦУР», в работе которого принимают участие многие заинтересованные стороны, включая представителей частного сектора, научных кругов и неправительственных организаций. Заседания «круглого стола» координируются кабинетом министров и министерством иностранных дел⁸.

В декабре того же года на основе обсуждений в рамках «круглого стола» согласованы «Руководящие принципы реализации ЦУР», которые в декабре 2019 г. были пересмотрены⁹, что свидетельствует о весьма активной деятельности этого органа.

В июне 2017 г. учреждены специальные ежегодные премии за достижения в области продвижения ЦУР. Право на их получение имеют все компании и организации, базирующиеся в Японии, которые прилагают заметные усилия для достижения ЦУР как на национальном, так и на международном уровне. Штаб-квартира по продвижению ЦУР определяет победителей на основании мнений широкого круга заинтересованных сторон, обладающих опытом в реализации ЦУР. Критериями отбора являются значительные достижения, универсальность, участие и интеграция, а также прозрачность и подотчетность, что является и основными принципами «руководства по реализации ЦУР».

К настоящему времени прошло три церемонии награждения. В 2019 г. главной премии, вручаемой премьер-министром, удостоилась Ассоциация торговой улицы Уомати (в Осака), решающая на местном уровне такие проблемы, как помощь бездомным, сокращение пищевых отходов, поддержка молодых предпринимателей и работающих матерей.

План действий по ЦУР принимается ежегодно в декабре, но может корректироваться в течение года. Характерно, что некоторые местные органы власти Японии начали включать ЦУР в свои планы и стратегии. Это совпало с запуском в 2018 г. проектов ЦУР по «Городам будущего», и уже в 2019 г. 29 органов местного самоуправления опубликовали свои собственные планы развития городов по ЦУР [12].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЯПОНИИ

На современном этапе обращает на себя внимание, прежде всего, широкий подход Японии к пониманию устойчивого развития. Во многих основополагающих документах страны устойчивое развитие рассматривается в контексте реагирования на глобальные проблемы с учетом концепции безопасности человека (на ее включение в «Повестку дня в области устойчивого развития» настаивала именно Япония).

Путем переосмысления целей устойчивого развития с учетом своих национальных условий Япония определила для себя 8 приоритетных областей, которым следует уделить особое внимание. Это включает: расширение прав и возможностей всех людей; достижение хорошего здоровья и долголетия; создание рынков роста, возрождение сельских районов, содействие научно-технической и инновационной деятель-

⁷ Japan's Efforts for Achieving the SDGs. Creating a prosperous and vibrant future by seeking the SDGs. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2020. https://www.mofa.go.jp/policy/oda/sdgs/pdf/Japans_Effort_for_Achieving_the_SDGs.pdf (accessed 12.10.2020)

⁸ Japan's role in achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) 2020. Ministry of Foreign Affairs. https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/sdgs_gaiyou_202009.pdf (accessed 15.09.2020). (In Jap.)

⁹ Japan's Efforts for Achieving the SDGs. Creating a prosperous and vibrant future by seeking the SDGs. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2020. https://www.mofa.go.jp/policy/oda/sdgs/pdf/Japans_Effort_for_Achieving_the_SDGs.pdf (accessed 12.10.2020)

ности; устойчивое и жизнестойкое землепользование, содействие созданию качественной инфраструктуры; энергосбережение, возобновляемые источники энергии, меры противодействия изменению климата и общество с устойчивым материальным циклом; сохранение окружающей среды, включая биоразнообразие, защиту лесов и океана; создание мирного и безопасного общества; укрепление средств и механизмов для осуществления ЦУР¹⁰. Для эффективных действий в этих областях в «Руководящих принципах по реализации ЦУР» Японии обозначено 140 конкретных мер, принятие которых необходимо как внутри страны, так и за рубежом.

Нельзя не заметить, что в этом перечне отсутствует такая, все еще крайне актуальная для Японии, проблема, как гендерное неравенство. Несмотря на то, что в стране реализовывался целый ряд программ, направленных на создание равных условий в обществе для обоих полов, и имеющийся прогресс (например, мэром Токио на второй срок подряд в 2020 г. избрана Юрико Коикэ), Япония отстает в этой сфере от других развитых стран.

В 2019 г. по индексу гендерного разрыва она занимала 121-е место среди 153 стран. Независимый международный фонд *Bertelsmann* дал Японии более высокие оценки за достижения в области реализации 4-й и 9-й целей устойчивого развития (качество образования и инновации) и более низкие за 5-ю цель — гендерное равенство¹¹.

В Японии полагают, что принятие мер, связанных с ЦУР, должно стать национальным движением, а для этого важно содействовать формированию ясного понимания сути ЦУР каждым японцем, тогда как пока информированность граждан относительно ЦУР все еще недостаточна. С этой целью под руководством Штаба по продвижению ЦУР в стране будет делаться все возможное для повышения уровня осведомленности общественности путем проведения информационных кампаний в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами. С целью воспитания у молодежи, которой предстоит возглавлять общество после 2030 г., компетенций будущих создателей устойчивых обществ и мировых лидеров, в Японии содействуют образованию в интересах устойчивого развития, поощряя получение знаний о ЦУР в школах, домохозяйствах, на рабочих местах и в местных сообществах.

Поскольку как деятельность предприятий, так и стиль жизни людей должны базироваться на принципе *3R*, правительство, местные органы самоуправления и частные предприятия в тесной взаимосвязи способствуют формированию в обществе понимания принципа *3R*, всеми способами распространяют эти знания. Помимо проходящего ежегодно в октябре «месячника продвижения *3R*», создан веб-сайт с говорящим названием *Re-Style*, на котором в качестве прямого подхода к людям выбран слоган «Свяжем ограниченные ресурсы с будущим. Сейчас мы можем это сделать».

Этот сайт пропагандирует образ жизни, ориентированный на устойчивое развитие. Его основной целевой аудиторией является молодежь, поэтому чтобы увязать призыв к действиям для реализации принципа *3R* с интересами молодого поколения, запустили новый контент, включающий песни, танцы, анимацию и видео. В сотрудничестве с различными компаниями и организациями сайт также проводит в супермаркетах и аптеках по всей Японии кампании под девизом «Выбирай! *3R*». Возросло и количество предприятий-партнеров *Re-Style*, призывающих к действию в соответствии с новыми целями.

Важно, что меры, связанные с достижением устойчивого развития, предусмотрены во всех государственных планах и программах Японии последних лет.

УСИЛИЯ ЯПОНИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СФЕРЕ

Вероятно, ввиду того, что Японии первой довелось испытать настоящий экологический кризис, она прилагает много усилий для сокращения экологического ущерба и разработки стратегии устойчивого развития в планетарном масштабе.

Особенностью японской концепции устойчивого развития является акцентирование связи развития экономики с развитием человеческого потенциала и необходимости реализации идеи устойчивого развития во всем мире. Развитие, так или иначе, сопряжено с образованием отходов, и Япония активно делится своим опытом с развивающимися странами во избежание повторения ими ее печального опыта.

Япония была инициатором Киотского соглашения, которое для своего времени было несомненным шагом вперед по предотвращению антропогенного воздействия, ведущего к изменению климата. И теперь она играет ведущую роль в усилиях по противодействию глобальному потеплению. Как отмечает румынская исследовательница Флорин Бончу, устойчивое развитие на глобальном уровне рассматривается Япо-

¹⁰ Japan's Voluntary National Review Report on the implementation of the Sustainable Development Goals. SDGs Promotion Headquarters. July, 2017. Sustainable development goals. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16445Japan.pdf> (accessed 25.10.2020).

¹¹ Japan's role in achieving the Sustainable Development Goals (SDGs) 2020. Ministry of Foreign Affairs. https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/sdgs_gaiyou_202009.pdf (accessed 15.09.2020). (In Jap.)

нией как: разнообразное в решениях (каждая страна может иметь свои проблемы и отличные от других решения); связанное с надлежащим управлением, нацеленным на искоренение бедности и содействие либерализации и развитию торговли и инвестиций; основанное на программах соответствующих стран; подкрепленное опытом развитых стран, не понимаемым, однако, как замена собственных усилий каждой страны [13].

В феврале 2015 г. в Японии в качестве руководящего принципа осуществляемой страной иностранной помощи была принята Хартия сотрудничества в целях развития. В помощи развивающимся странам основной упор Япония делает на искоренение бедности, создание мирного и стабильного общества, разделяющего универсальные ценности, и «построение устойчивого международного сообщества на основе усилий по решению глобальных проблем»¹². В 2016 г. на эти цели ей было затрачено около \$17 млрд, но в Японии полагают, что помимо увеличения объема помощи, важно использовать этот механизм для достижения стратегических целей.

В разных странах осуществляются разные инициативы. В рамках диалога по вопросам политики в области устойчивого развития проводятся совместные рабочие совещания и осуществляется профессиональная подготовка кадров для зарубежных стран. Японский банк международного сотрудничества оказывал поддержку в разработке организационной структуры и развитии людских ресурсов в Индонезии, Филиппинах, Вьетнаме, Малайзии, Катаре.

В целях улучшения здоровья населения в развивающихся странах Азии и сохранения водной среды Япония помогает налаживать систему очистки сточных вод. В 2019 г. в Ханое было проведено уже 7-е совещание по этой проблеме для стран Азии.

Япония начала учитывать элементы ЦУР при оказании помощи при разработке национальных стратегий и руководящих принципов их осуществления. Она помогает развивающимся странам разрабатывать собственные системы реализации ЦУР и внутренние показатели для ЦУР. Так, Японское управление международного сотрудничества помогало индонезийскому правительству в определении национальных целей и показателей по ЦУР, составлении планов действий для достижения ЦУР и разработке механизма контроля и оценки ЦУР. Оно также оказало помощь в разработке плана действий для независимой международной НПО в Руанде «Центр по целям устойчивого развития в Африке», призванной активизировать усилия по достижению ЦУР в 54 африканских странах.

В партнерстве со странами и городами АСЕАН в Азии Япония осуществляет программу создания модельных экологически устойчивых городов, проводит семинары высокого уровня. К 2018 г. этой программой воспользовалось 15 городов. Они получали стартовые финансовые средства для реализации экспериментальных проектов, возможности для профессиональной подготовки и создания региональных сетей [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Япония - страна, пережившая целый ряд радикальных трансформаций, в результате которых она превратилась и остается одним из ведущих игроков в мировом сообществе. Так было и в конце XIX в., когда после «открытия» страны под угрозой превращения в зависимую территорию она быстро пошла по пути индустриального развития и сама стала колониальной державой, и в середине XX в., когда продемонстрировала миру свое экономическое чудо, создав модель догоняющего развития, успешно показавшую себя и в целом ряде других стран.

Результаты проведенного исследования показывают, что японский путь устойчивого развития, отличаясь широким подходом, в первую очередь, характеризуется экологической ориентированностью, проявляющейся как в четком и строгом экологическом законодательстве (выполнение которого контролируется), разработке инновационных концепций, составлении и реализации планов по созданию экогородов, проведении общенациональных кампаний, связанных с проблемами окружающей среды, и т.д., так и в содействии формированию экологической ориентированности бизнеса и каждого члена общества, а также и в международном сотрудничестве.

В то же время в Японии делают акцент на создании общества нового типа, подчеркивая необходимость изменения стиля жизни, поведения всех людей планеты и на важности распространения передового опыта во всем мире, помощи менее развитым и бедным странам.

Основываясь на японском опыте распространения дифференцированного сбора бытовых отходов, начинавшегося с экспериментов в отдельных муниципалитетах, а теперь превратившегося в образ жизни

¹² Japan's Voluntary National Review Report on the implementation of the Sustainable Development Goals. SDGs Promotion Headquarters. July, 2017. Sustainable development goals. <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16445Japan.pdf> (accessed 25.10.2020).

всех жителей страны, можно полагать, что и в создании устойчивого общества Япония будет одним из первопроходцев. Следовательно, изучение японского опыта будет представлять огромный интерес.

REFERENCES

1. Тихоцкая И.С. Япония: инновационный подход к управлению ТБО. *Твердые бытовые отходы*. 2007, № 2, с. 52-55. Tikhotskaya I.S. 2007. Japan: The Innovative Approach to the Solid Waste Management. *Solid Waste*. № 2. (In Russ.)
2. Theories of Sustainable Development. Edited by Judith C. Enders and Moritz Remig. London and New York: Routledge. 2015.
3. Werhane P. Environmental Sustainability, New Jersey: Prentice-Hall. 2000.
4. Lippert I. Sustainable Development and Strategic Environmental Assessment. Brandenburg University of Technology, Cottbus. 19.11 2004. https://www.researchgate.net/publication/282756076_Sustainable_Development_and_Strategic_Environmental_Assessment?channel=doi&linkId=561b811c08ae044eddbb3405a&showFulltext=true (accessed 07.09.2020)
5. Hodgson S. and Perdan S. Engineering, ethics and the environment. Professional Ethics Series. London: Routledge. 2002.
6. Commoner B. The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. New York. 1971.
7. The Sustainable Development Agenda. SDG Report 2020. Sustainable development goals. <https://www.un.org/sustainable-development/development-agenda/> (accessed 26.10.2020)
8. Hesse S. 'Sustainability' in a Japanese way. *Japan Times*. 22.02.2009.
9. Тихоцкая И.С. Экономико-географические проблемы утилизации отходов в Японии: к обществу с устойчивым материальным циклом. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2010 № 4, с. 40-53. Tikhotskaya I.S. 2010. Economic and geographical problems of waste disposal in Japan: towards a Sound Material Cycle Society. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*. № 4. (In Russ.)
10. Fukue N. Getting to zero: the Japan town trying to recycle all its waste. 16.06.2019. PHYS ORG. <https://phys.org/news/2019-06-japan-town-recycle.html/> (accessed 20.11.2020)
11. Тихоцкая И.С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 2010, № 4, с. 61-66. Tikhotskaya I.S. 2010. Japanese Innovative Concept of Resources Recycling. *Moscow State University Vestnik. Series 5. Geography*. № 4. (In Russ.)
12. Morita K., Okitasari M. & Masuda H. Analysis of national and local governance systems to achieve the sustainable development goals: case studies of Japan and Indonesia. *Sustainable Science*. 2020. Vol.15. Springer.<https://doi.org/10.1007/s11625-019-00739-z> (accessed 10.11.2020)
13. Bonciu F. The Japanese Concept of Sustainable Development at a Global Level. *Romanian Economic and Business Review*, Romanian-American University. 2007. Vol. 2. No. 2.
14. Wei Chin (Shom) Teoh, Ridronachai Warungkarasami, Toshizo Maeda, Duangchai Paungkaew. ASEAN ESC Model Cities Year 3 (2016/17) Completion Report. Institute for Global Environmental Strategies. April 2018. <https://www.iges.or.jp/en/pub/asean-esc-model-cities-year-3-201617/en> (accessed 30.10.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Irina S. Tikhotskaya, Dr.Sc. (Economics), Associate Professor, Department of Social and Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
17.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.01.21.2020

Принята к публикации (Accepted)
06.02.2021

Развитие цифровой экономики в малом и среднем предпринимательстве: опыт Вьетнама

© Александрова Е.Н.^a, В. Заболоцкая В.В.^{b,c}, 2021

^a Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2475-8433; al-helen@mail.ru

^b СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

^c Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9808-127X; zvikky90@gmail.com

Резюме. В статье исследуются особенности, направления и ограничения цифровой трансформации малого и среднего предпринимательства (МСП) во Вьетнаме на современном этапе. В настоящее время страна имеет значительный цифровой потенциал, который слабо реализован субъектами МСП, в своем большинстве использующими более простые цифровые инструменты и приложения, а также из-за нехватки опыта и отсутствия цифровых навыков персонала ограниченными в широком применении наиболее перспективных поддерживающих технологий цифровой экономики (*IoT*, *AI*, облачные вычисления и др.). Особое внимание уделяется выявлению ключевых стимулов развития цифровой экономики в секторе МСП страны с учетом его специфики, а также открывающихся возможностей в реальности *COVID-19*.

Представлен обзор национальных стратегий и программ, направленных на активизацию цифровой экономики в МСП. Предложены возможные направления и рассмотрены перспективы цифровой трансформации сектора МСП в рамках экспортно-ориентированной модели индустриализации Вьетнама на основе прямых иностранных инвестиций.

Потенциал развития цифровой экономики в секторе МСП определяется рядом факторов и условий, созданных во Вьетнаме. В их числе: привлекательность для иностранного капитала национальных стартапов; образованное молодое поколение руководителей, рассматривающих цифровые технологии как основу бизнес-моделей своих малых и средних компаний; оперативность и гибкость МСП в проведении трансформационных цифровых изменений в ряде отраслей и сфер деятельности; быстрый рост использования Интернета и реализация цифровых инструментов - от онлайн-бизнеса и мобильных приложений, электронных платежей до развития национальных цифровых платформ.

Ключевые слова: Вьетнам, цифровая экономика, малые и средние предприятия, цифровые технологии, цифровая трансформация

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-410-230060-р «Разработка новых подходов диагностики и прогнозирования социально-экономического развития субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края с использованием систем искусственного интеллекта».

Для цитирования: Александрова Е.Н., Заболоцкая В.В. Развитие цифровой экономики в малом и среднем предпринимательстве: опыт Вьетнама. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 40-48. DOI: 10.31857/S032150750014281-1

Development of the digital economy in small and medium-sized businesses: the case of Vietnam

© Elena N. Alexandrova^a, Victoria V. Zabolotskaya^{b, c}, 2021

^a Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2475-8433; al-helen@mail.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^c Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9808-127X; zvikky90@gmail.com

Abstract. The review article analyzes the features, directions and limitations of the digital transformation of small and medium-sized enterprises (SMEs) in Vietnam at the present stage. Currently, the country has a significant digital potential, which is poorly realized by SMEs, most of them using simpler digital tools and applications, as well as due to lack of experience and digital skills of personnel, they are limited in the wide application of the most promising supporting technologies of the digital economy (*IoT*, *AI*, cloud computing, etc.).

Special attention is paid to the identification of key incentives for the development of the digital economy in the country's SME sector, taking into account its specifics, as well as the opportunities that open up in the reality of *COVID-19*. The paper provides an overview of national strategies and programs aimed at activating the digital economy in SMEs. Possible directions are proposed and prospects for the digital transformation of SMEs within the framework of the export-oriented model of industrialization of the country based on FDI are considered.

The potential for the development of the digital economy in the SME sector is determined by a number of factors and conditions, including: the attractiveness of national startups for foreign capital; an educated young generation of managers who see digital

technologies as the basis of their small and medium-sized companies' business models; the speed and flexibility of SMEs in carrying out transformational digital changes in a number of industries and areas of activity; the rapid growth of Internet use and the implementation of digital tools - from online business and mobile applications to the development of digital platforms.

Keywords: Vietnam, digital economy, small and medium-sized enterprises, digital technologies, digital transformation

For citation: Alexandrova E.N., Zabolotskaya V.V. Development of the digital economy in small and medium-sized businesses: the case of Vietnam. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 40-48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014281-1

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время как крупные и средние, так и компании малого бизнеса, в различных отраслях сталкиваются с необходимостью цифровой трансформации (*digital transformation*), рассматриваемой как создание новых методов работы на основе цифровых технологий (цифровые платформы, искусственный интеллект, облачные технологии, Интернет вещей и др.) для разработки новых производственных и бизнес-моделей. В научной литературе подробно исследуются трактовки понятия цифровой экономики [1; 2], рассматриваются теоретические и практические аспекты ее реализации [3; 4] и преимущества для развития бизнеса [5].

Отдельное внимание уделяется возможностям и направлениям развития цифровой экономики для малого и среднего предпринимательства (МСП) [6], в т.ч. с учетом специфики развития данного сектора в странах Азии [7; 8]. В отличие от детализации ключевых характеристик деятельности малых и средних фирм, последствия цифровой экономики для их цепочек создания стоимости изучены недостаточно [9]. Цифровая экономика стран Азии рассматривается учеными в контексте развития высоких технологий, преобразований бизнес-среды, информационных изменений в регионе [10].

Процессы цифрового развития МСП Вьетнама определяются потенциалом страны в данной сфере [11] и ролью МСП, на долю которых приходится около 98% фирм, производящих более 40% ВВП и 30% общей стоимости экспорта [12]. Цифровые технологии способны сократить издержки вьетнамских МСП, повысить их конкурентоспособность, расширить торговые связи и выйти на новые рынки. В ряде исследований указывается, что часто фирмы не получают ожидаемых эффектов и явных преимуществ от цифровой экономики из-за нехватки опыта эффективного управления [13; 14].

Эти проблемы актуальны и для вьетнамских МСП, большинство которых используют относительно низкоуровневые технологии [15] и сталкиваются с отсутствием цифровых навыков персонала.

УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В МСП ВЬЕТНАМА

Сектор МСП Вьетнама является основой экономической экспансии страны, в нем создаются рабочие места, стимулируется развитие новых продуктов и услуг, обеспечивается рост потребления. Сейчас в стране насчитывается более 750 тыс. фирм, 98% из которых являются МСП (см. *диагр.* 1). К этому сектору в Законе о МСП относятся микро-предприятия, малые и средние предприятия со средней численностью персонала, не превышающей 200 человек, а также предприятия при соблюдении одного из 2-х условий: общий капитал - не более 100 млрд донгов (\$4,3 млн); выручка предприятия за предшествующий год - не более 300 млрд донгов (\$12,9 млн)¹.

Согласно данным *Главного статистического управления Вьетнама*, большая часть субъектов МСП относится к корпоративному сектору, а микро- и малые фирмы составляют до 93% от общего числа предприятий. При этом они чаще сталкиваются с трудностями при получении кредитов, поскольку их прибыль от производственной и хозяйственной деятельности невелика или даже отрицательна. Эти фирмы создаются преимущественно для обеспечения самозанятости и большая часть из них часто находится на грани роспуска или банкротства. в то время как малочисленная группа средних предприятий способствует развитию сотрудничества на национальном и глобальном уровнях [16], что, в свою очередь, стимулирует цифровое развитие МСП.

Внедрение цифровых технологий в сектор МСП Вьетнама продиктовано необходимостью стимулирования новых бизнес-предложений и развития пользовательского опыта, общими тенденциями цифровизации в мире.

В числе **стимулов цифровой трансформации для субъектов МСП** Вьетнама отмечаются следующие. Во-первых, развитие потребительского опыта, повышение уровня обслуживания клиентов, включая круглосуточную цифровую доступность, персонализированную коммуникацию и ускоренную доставку продуктов и услуг. Во-вторых, расширение сотрудничества с участниками экосистемы цифровой экономики

¹ Law 04/2017/QH14 Provision of assistance for small and medium-sized enterprises. 2017. <https://vanbanphapluat.co/law-04-2017-qh14-on-assistance-for-small-and-medium-sized-enterprises> (accessed 07.12.2020)

(например, *Google, PayPal, LinkedIn, Alibaba*) для доступа к новым рынкам, клиентам, опыту. В-третьих, ускорение цифровизации бизнес-процессов позволяет сократить бумажный документооборот, повысить автоматизацию и ускорить сроки выполнения работ и др. В-четвертых, преодоление конкурентных угроз со стороны микро-предприятий или новых участников, функционирующих онлайн².

Диаграмма 1. Динамика изменения количества* субъектов МСП (тыс. ед.) и их доли в общем количестве предприятий Вьетнама (правая шкала) за период 2016-2019 гг.

Figure 1. Dynamics of changes in the number of SMEs (thousand units) and their share in the total number of enterprises in Vietnam (right scale) in 2016-2019.

* Количество предприятий МСП (тыс. ед.) за период 2017-2019 гг. - оценка авторов.

Составлено авторами по: Statistical Yearbook of Viet Nam. 2019. General Statistics Office of Vietnam. <https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2020/09/Nien-giam-thong-ke-day-du-2019.pdf> (accessed 07.12.2020).

В реальности *COVID-19* МСП Вьетнама являются наиболее активными среди стран ЮВА в своих планах инвестирования в цифровые технологии. Так, 52% вьетнамских МСП планируют инвестиции, несмотря на ограничения, вызванные новой короновирусной инфекцией, при этом 63% МСП планируют инвестировать в технологии, 37% - в машиностроение и заводы. Для сравнения, в Сингапуре о готовности активно инвестировать в непростых условиях заявляют лишь чуть более 30% МСП страны, а средний показатель по ЮВА - всего 36%³.

Вьетнамское правительство осознает необходимость активных действий в разработке и реализации ряда **национальных стратегий и программ по активизации цифровой экономики**. В их числе - развитие электронного правительства в рамках Закона о кибербезопасности (вступил в силу с 1 января 2019 г.); развитие «умных городов». Широкое обсуждение получила Концепция 4.0, позволяющая реализовать цифровой потенциал Вьетнама и обеспечить конкурентоспособность субъектов МСП. [11]. На государственном уровне в 2019 г. принято постановление № 52-*NQ/TW* о политике по реализации инициатив участия в Индустрии 4.0, в 2020 г. - решение № 749/*QD-TTg* об утверждении Национальной программы цифровой трансформации до 2025 г. Министерство планирования и инвестиций разрабатывает бюджеты для программ поддержки МСП, включая создание стартапов, на период 2021-2025 гг. Программы по развитию цифровых технологий реализуются в банковском секторе (например, проект мобильных денег), сфере образования (*Vietnam Open Educational Resources*).

Поддержка и содействие развитию цифровой экономики в МСП осуществляется на уровне сотрудничества государственных и частных организаций. В декабре 2020 г. *MPI* и *USAID LinkSME (USAID Linkages for Small and Medium Enterprises)* инициировали для МСП запуск программы поддержки цифровой трансфор-

² SMEs in Southeast Asia: redesigning for the digital economy. *Ernst & Young*, 2019. https://www.ey.com/en_sg/growth/growth-markets-services/ey-smes-in-southeast-asia-redesigning-for-the-digital-economy (accessed 08.12.2020)

³ Vietnam has the highest level of small and medium-sized businesses in Southeast Asia with expansion plans. *VietNews*. 24.08.2020. (In Russ.). <https://vietnews.ru/economy/vietnam-imeet-samyj-vysokij-uroven-malogo-i-srednego-biznesa-v-yugo-vostochnoj-azii-s-planami-rasshireniya> (accessed 09.12.2020)

мации с 2021 по 2025 гг., предусматривающей повышение осведомленности МСП и цифровизацию их бизнес-моделей [17]. Ключевые цели программы: 100%-ные МСП должны быть осведомлены о цифровой трансформации; не менее 100 тыс. - использовать цифровые решения; не менее 100 производственных и перерабатывающих фирм - осуществить цифровую трансформацию. Технологические решения для субъектов МСП в рамках программы будут предоставлять такие международные компании, как *Facebook* (США), *СМС* и *Bizfly* (Индия), *FS* (Россия) и др.

Несмотря на указанные инициативы, научные и деловые круги Вьетнама указывают на то, что значительный потенциал страны в сфере цифрового развития не реализован в секторе МСП. Следует учитывать и ограничения в деятельности самих субъектов МСП, которые в ряде случаев не готовы использовать и внедрять такие технологии⁴.

В настоящее время **цифровая экономика Вьетнама рассматривается как наиболее перспективная среди стран Юго-Восточной Азии (ЮВА)**, развитие которой преимущественно связано с быстрым ростом пользователей Интернета - более 68 млн (70% населения). Страна занимает ведущие позиции в регионе по уровню проникновения фиксированной и мобильной широкополосной связи, а также смартфонов (см. табл. 1). В бизнес-среде, в целом, реализуются разные цифровые инструменты: от онлайн-бизнеса и мобильных приложений до развития цифровых платформ. Хотя некоторые из них не получают широкого применения. В 2018 г. только 31% взрослого населения Вьетнама пользовались банковскими счетами, а около 50 млн (более 52% населения) не являлись клиентами банков [18]. В отличие от некоторых стран ЮВА (например, Малайзии), Вьетнам имеет высокие логистические издержки и низкое качество логистических услуг.

Таблица 1. Ключевые показатели цифровой экономики Вьетнама в сравнении с некоторыми странами ЮВА
Table 1. Key digital economy indicators in selected countries of Southeast Asia

Показатели	Вьетнам	Малайзия	Индонезия
Абоненты мобильной широкополосной связи, % населения	82	116	100
Цены на мобильную широкополосную связь (500 МБ / месяц) в % от ВНД на душу населения	1,4	0,9	1,4
Абоненты фиксированной широкополосной связи, % населения	12	8	3,1
Оплата онлайн за интернет-покупки, в % от всех способов оплаты интернет-покупок	10	52	49
Доля онлайн-фирм, использующих цифровые платежи, % онлайн-фирм	51	57	51
Оценка индекса эффективности логистики (максимальное значение 5)	2,98	3,43	2,98
Индекс человеческого капитала, глобальный рейтинг (максимальное значение 120)	68	52	69
Расходы на кибербезопасность в % от ВВП	0,04	0,08	0,02

Составлено авторами по: [18].

Цифровой потенциал Вьетнама оценим на основе Глобального индекса сетевого взаимодействия (*Global Connectivity Index - GCI*) китайской компании *Huawei*, сравнивающего 79 стран (95% мирового ВВП) по 40 показателям [19].

GCI исследует переход стран к 4-м поддерживающим технологиям (на основе инвестиций в инфраструктуру ИКТ), являющихся ключевыми технологическими факторами, которые ускоряют их цифровую трансформацию: развертывание сетей широкополосной связи; облачные технологии; развитие интернета вещей (*IoT*); искусственный интеллект (*AI*).

В рейтинге *GCI-2019* Вьетнам занимает 57-е место со значением *GCI* равным 37 пунктов (см. табл. 2). По этим показателям страна относится к группе стран-новичков (*starters*), находящихся на первых этапах развития инфраструктуры ИКТ. Для таких стран главная цель - расширить зону сетевого покрытия, что позволит еще большему числу жителей получить доступ к цифровой экономике. Для сравнения, в группе стран-лидеров постоянно растет число пользователей цифровых технологий, а также уровень их знаний, а в группе «догоняющих» - максимальный рост ВВП приходится на инвестиции в ИКТ-инфраструктуру.

⁴ Opening Vietnam up to Industry 4.0. *Vietnam Investment Review*. 08.05.2019. <https://www.vir.com.vn/opening-vietnam-up-to-industry-40-67590.html> (accessed 09.12.2020)

Таблица 2. Страны-лидеры (первая пятёрка), Россия и Вьетнам в рейтинге GCI-2019
Table 2. Top-5 countries, Russia and Vietnam in the GCI-2019 ranking

Страна	2019 г.		2018 г.	
	Место	Значение GCI	Место	Значение GCI
США	1	85	1	78
Швейцария	2	83	4	71
Швеция	3	81	3	73
Сингапур	4	81	2	75
Дания	5	78	7	68
...Россия (группа «догоняющие страны»)	41	49	36	46
...Вьетнам (группа «страны-новички»)	57	37	61	34

Составлено авторами по: [19].

Дальнейшее развитие цифровой экономики в стране связано с политикой и мерами, направленными на снижение цен, роста скорости и степени проникновения широкополосного Интернета во все регионы, что позволит Вьетнаму перейти в группу «догоняющих» стран в рейтинге GCI и повысить доходность от инвестиций в ИКТ.

В числе **сильных сторон экономической модели развития Вьетнама, способствующих цифровой трансформации МСП**, отметим высокие темпы экономического роста до пандемии и прогнозируемую способность страны к их восстановлению после COVID-19. Другой фактор - молодое образованное население в возрасте до 35 лет (60% жителей), обеспечивающих постоянное проникновение мобильной связи и Интернета в экономику, что к 2023 г. приведет к более 10 млн потребителей онлайн. Наиболее финансируемый сектор в стране - образование. Третий фактор - национальные цифровые компании с широкой финансовой поддержкой, в т.ч. в секторе МСП, конкурирующие за создание лучшей торговой, платежной и логистической инфраструктуры. На государственном уровне особенно активно поддерживаются наиболее многочисленные малые и средние фирмы.

* Данные по количеству сделок представлены за 1-е полугодие 2019 г.

Диаграмма 2. Объемы инвестированного капитала и количество сделок вьетнамских технологических стартапов.
Figure 2. Volumes of capital invested and the number of deals done by Vietnamese tech startups.

Составлено авторами по: Vietnam Tech Investment Report. H1. 2019. ESP Capital.
<https://www.espcapital.net/vietnam-tech-investment-2019> (accessed 06.12.2020).

Важная составляющая цифровой экономики - Интернет-экономика, активно развивающаяся и открывающая широкие возможности для вьетнамских МСП. В исследовании Google, Temasek и Bain & Company Интернет-экономика страны в 2019 г. оценивается в \$12 млрд (более 5% ВВП) с ежегодными темпами прироста в 38% (среднее за период 2015-2019 гг.) [20]. В 2019 г. доля пользователей электронной торговли в стране составляла более 56%, а к 2023 г., по прогнозам, достигнет 64,4%.

Во Вьетнаме активное развитие получают технологические стартапы. По уровню активности стартап-экосистем, страна уступает только Индонезии и Сингапuru среди экономик АСЕАН. С начала 2018 г. в стране

отмечается резкий рост как объема инвестированного капитала в стартапы, так и количества сделок: в 2018 фин.г. общая сумма инвестиций составила \$444 млн, а в 2019-м - \$800 млн (см. *диагр. 2*). Почти 60% инвестиций приходится на ключевые блоки цифровой экономики - розничная торговля и платежные системы. Активными инвесторами во вьетнамские стартапы являются южнокорейские венчурные фирмы (в 2019 г. на их долю пришлось более 30% сделок), а также местные фирмы (36% сделок). Ведущие банки страны предоставляют бесплатные услуги и льготные программы кредитования для стартапов. Стартапы являются основой развития ряда секторов цифровой экономики Вьетнама, прежде всего, наиболее развитого - Интернет-экономика, а также зарождающихся - электронные платежи, образование, здравоохранение.

Развитие цифровой экономики в секторе МСП Вьетнама, несмотря на стимулы и ее очевидные преимущества для фирм, сопряжено с определенными **рисками и угрозами**, связанными как с неизбежными изменениями в социально-экономическом развитии страны под влиянием процессов цифровой трансформации, так и с ограничениями внедрения цифровых технологий в деятельность МСП.

В числе вызовов цифровой экономики - вытеснение и изменение рабочих мест под влиянием автоматизации и AI. По данным МОТ, риску изменения подвержены 70% рабочих мест во Вьетнаме: в сельском и лесном хозяйствах, рыболовстве - 83,3% рабочих мест, в обрабатывающей промышленности - 74,4%, в производстве пищевых продуктов и напитков - 68%, электронике - 75%, в оптовой и розничной торговле - 84,1%. Проблемы вытеснения рабочих мест особенно актуальны для страны, где бóльшая часть фирм - микро- и малые предприятия, обеспечивающие самозанятость населения. Однако потенциал развития МСП (увеличение размера фирм, производительности и конкурентоспособности для создания более высокой стоимости и рабочих мест нового поколения), формируемый в условиях цифровой экономики, позволяет решить эти проблемы.

К ограничениям ускорения цифровой трансформации вьетнамских МСП следует отнести низкий уровень осведомленности фирм о преимуществах цифровых технологий и их доступности вне зависимости от размера компании, недостаток финансовых ресурсов (многие МСП практически не имеют доступа к инвестиционным фондам и технической экспертизе), озабоченность вопросами безопасности [12]. МСП отстает от крупного бизнеса в освоении более передовых цифровых технологий и приложений внутри фирм.

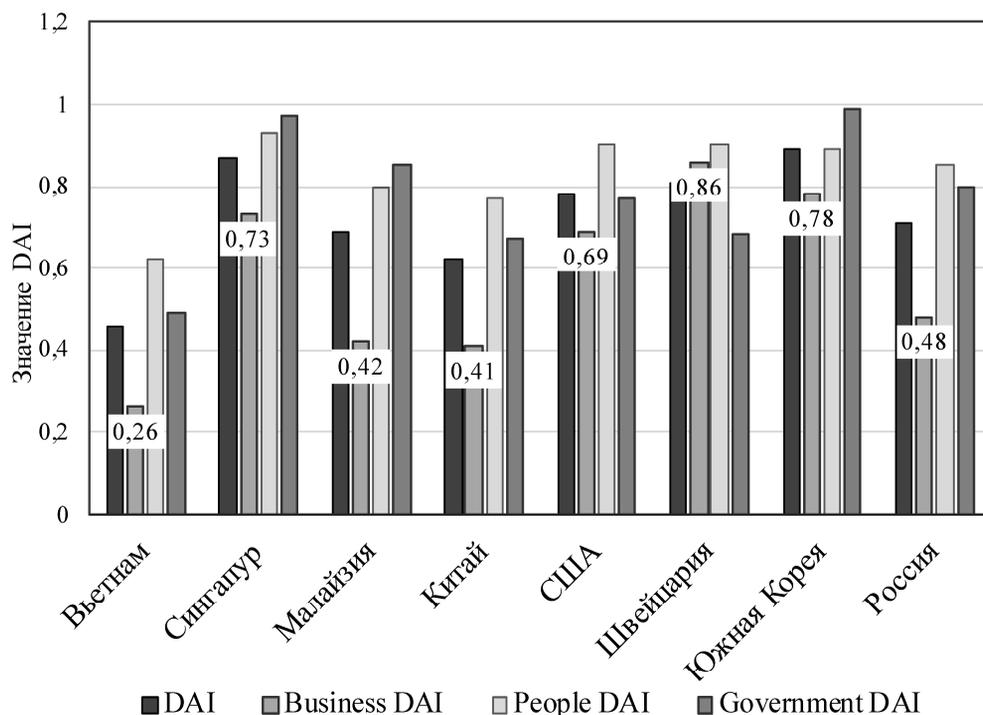

Диаграмма 3. Значение Business DAI Вьетнама и других стран.

Figure 3. Business DAI value of Vietnam and selected countries.

Составлено авторами по: Digital Adoption Index. The World Bank.

<http://wbfiles.worldbank.org/documents/dec/digital-adoption-index.html> (accessed 06.12.2020).

МСП Вьетнама преимущественно используют онлайн-инструменты для рекламы и продажи товаров, примерно на 50% реже используют онлайн-инструменты для повышения производительности за счет улучшения внутренних процессов (финансы, коммуникации и др.). Отдельный блок проблем связан с формированием цифровых компетенций сотрудников в среде МСП, привлечением высококвалифицирован-

ных кадров, развитием «мягких навыков» (*soft skills*). Трудности возникают и при перепрофилировании и переходе существующего персонала МСП к цифровому мышлению. На рынках АСЕАН около 43% ИТ-руководителей не обладают необходимыми компетенциями для создания цифровых решений.

Обратимся к Индексу внедрения цифровых технологий (*Digital Adoption Index, DAI*) Всемирного банка, который включает три составляющие - уровни внедрения цифровых технологий среди населения (*DAI People*), бизнеса (*DAI Business*) и государства (*DAI Government*) (см. *диагр. 3*).

Как видно из *диагр. 3*, бизнес-сегмент Вьетнама (*Business DAI*), в среднем, в 2 раза отстает от потребительского и государственного в области внедрения цифровых технологий. Очевидно также сильное расхождение в распространении цифровых технологий среди бизнеса и населения. Для развития цифровой экономики в сегменте МСП, фирмы должны использовать цифровые технологии не только для рекламы и продажи онлайн, но и для повышения производительности, инноваций и расширения своего бизнеса.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Выгоды от цифровой экономики для МСП Вьетнама могут быть значительными, поскольку позволяют повысить их конкурентоспособность за счет использования ранее недоступных им вычислительных мощностей, хранилищ и платформ, которые становятся дешевле (например, с помощью облачных вычислений), выхода на ранее недоступные рынки. При этом микропредприятия и стартапы, с точки зрения предпосылок для цифровой трансформации, находятся в наиболее выигрышном положении, поскольку не обременены традиционными бизнес-процессами и устаревшей инфраструктурой. Молодое образованное поколение предпринимателей готово экспериментировать с новыми бизнес-моделями и инновационными решениями, ориентированных на развитие опыта клиентов в условиях повсеместного распространения цифровых технологий.

Вьетнам развивается преимущественно в рамках экспортно-ориентированной модели индустриализации, основанной на ПИИ. Для субъектов МСП она открывает возможности привлечения финансирования и использования передового зарубежного опыта цифровой трансформации.

Иностранные инвесторы оценивают Вьетнам как перспективное направление для расширения своих цепочек поставок. Еще до пандемии *COVID-19*, в контексте американо-китайской торговой войны, произошел сдвиг производства из Китая, и многие производители начали рассматривать Вьетнам как надежную альтернативу китайскому направлению. ПИИ во Вьетнам составляют примерно 25% от общего объема инвестиций, достигнув 10-летнего максимума в 2019 г. с показателем в \$38 млрд и увеличившись в годовом исчислении на 7,2%⁵. Среди 125 стран, инвестировавших во Вьетнам в течение 2019 г., 1-е место занимает Южная Корея с \$7,92 млрд (21% от общего объема ПИИ), в т.ч. на сектор науки и технологии пришлось 4,1%.

Перспективы цифровой трансформации МСП связаны с электронной торговлей, которая уже сейчас составляет 49% Интернет-экономики Вьетнама и продолжает активно развиваться. В условиях спада торговли во всем мире в реальности *COVID-19* экспорт страны сохранил положительные темпы роста - более 10% за III квартал 2020 г.

Развитие контактов и сотрудничества с зарубежными компаниями становится возможным через подключение субъектов МСП к онлайн-платформам. Так, вьетнамская Торгово-промышленная палата и организация поддержки МСП Японии представили японскую онлайн-платформу *J-GoodTech*, связывающую бизнес более чем 17 тыс. японских МСП и более 7 тыс. фирм из других стран Азии с партнерами по всему миру. Для вьетнамских МСП торговые онлайн-платформы предоставляют доступ к цифровым инструментам финансово-кредитной и иной поддержки.

Расширение возможностей онлайн-торговли в секторе МСП Вьетнама требует решения проблем, связанных с повышением эффективности таможенных и оптимизацией логистических процедур. На сегодняшний день 40% программных приложений МСП в сфере логистики остаются очень простыми, в их числе - управление международными перевозками, складом, транспортом, электронным обменом данными и таможенным декларированием. При этом затраты на логистику эквивалентны 20% ВВП Вьетнама, тогда как в других странах ЮВА они составляют 9-14%. Во Вьетнаме может быть запущена конкретная государственная программа (с привлечением крупного бизнеса) в области стимулирования электронной торговли МСП. В странах ЮВА уже реализуются такие программы: *Smart Online SME* - в Таиланде, инициатива *SME Go Digital* - в Сингапуре и Индонезии [21].

В числе перспективных направлений развития цифровой экономики Вьетнама рассматривается электронный туризм, онлайн-реклама, электронная коммерция, электронное здравоохранение, финтех, логистические услуги. Каждое из этих направлений требует решения отраслевых проблем. Так, развитие цифровых платежей связано с повышением скорости онлайн-переводов и упрощением цифровых платежных инструментов на уровне законодательства [22]. Роль МСП, на долю которых приходится 98% предприятий

⁵ См. источник к *диагр. 1*.

в стране, в реализации указанных направлений очевидно достаточно высока, а в условиях продолжающейся эпидемии COVID-19 цифровая трансформация для доступа к рынкам и новым решениям становится еще более важной для данного сектора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недостаточная ИТ-инфраструктура и низкая доступность дешевого Интернета с высокой пропускной способностью ограничивают широкое применение поддерживающих цифровых технологий (*IoT, AI*, облачные вычисления и др.) в бизнес-среде Вьетнама. Отсутствие необходимых цифровых навыков и компетенций, опыта управления цифровой трансформацией не позволяют МСП в полной мере задействовать цифровой потенциал страны, формируемый за счет особенностей социально-экономического развития (молодое население, привлекательность страны для иностранных инвесторов, активная государственная поддержка системы образования), трансформации бизнес-моделей фирм в условиях COVID-19 и перспектив в постковидный период, активной государственной политики поддержки МСП и цифровой экономики.

Развитие инфраструктуры цифровой экономики, повышение осведомленности о цифровых возможностях и решение проблем развития человеческого капитала в перспективе способны ускорить переход вьетнамских МСП к цифровой экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tapscott D. 1996. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. N.Y., 368 p.
2. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М., 2019. https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20Цифровая_экономика.pdf (accessed 15.12.2020)
3. Alexandrova E. 2020. Digital Economy in Competitiveness of Modern Companies. Antipova T., Rocha Á. (eds). *Digital Science 2019, DSIC 2019, Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1114, pp. 114-125. DOI.org/10.1007/978-3-030-37737-3_11
4. Prause G. 2015. Sustainable business models and structures for Industry 4.0. *Journal of Security and Sustainability Issues*. Vol. 5, № 2, pp. 159-169.
5. Bigliardi B., Bottani E., Casella G. 2020. Enabling technologies, application areas and impact of industry 4.0: a bibliographic analysis. *Procedia Manufacturing*. Vol. 42, pp. 322-326. DOI.org/10.1016/j.promfg.2020.02.086
6. Kumar R., Singh R.Kr., Dwivedi Y.Kr. 2020. Application of industry 4.0 technologies in SMEs for ethical and sustainable operations: Analysis of challenges. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 275. DOI.org/10.1016/j.jclepro.2020.124063
7. Ayyagari M., Beck T., Demircuc-Kunt A. 2007. Small and Medium Enterprises across the Globe. *Small Business Economics*. Vol. 29 (4), pp. 415-434. DOI.org/10.1007/s11187-006-9002-5
8. Заболоцкая В.В. Сингапур: государственная поддержка малого и среднего предпринимательства. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 2, с. 43-49.
9. Müller J.M., Buliga O., Voigt K. 2018. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 132, pp. 2-17. DOI.org/10.1016/j.techfore.2017.12.019
10. Li K., Kim D.J., Lang K.R., Kauffman R.J., Naldi M. 2020. How should we understand the digital economy in Asia? Critical assessment and research agenda. *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 44. DOI.org/10.1016/j.elerap.2020.101004
11. Ло Тхи Хонг Ван, Гузикова Л.А. Индустрия 4.0 во Вьетнаме: опыт стратегического планирования. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 8, с. 64-68.
12. Chau N.T., Deng H. 2018. Critical Determinants for Mobile Commerce Adoption in Vietnamese SMEs: A Conceptual Framework. *Procedia Computer Science*. Vol. 138, pp. 433-440. DOI.org/10.1016/j.procs.2018.10.061
13. Alexandrova E., Poddubnaya M., Shalenaya K., Savvidi S. 2020. Opportunities of the Digital Economy for Achieving Competitive Advantage of Firms. *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*, pp. 69-73. DOI.org/10.2991/aebmr.k.191225.013
14. Stoica M., Miller D., Stotlar D. 2005. New technology adoption, business strategy and government involvement: The case of mobile commerce. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. Vol. 13(1-2), pp. 213-232.
15. Le V., Vu X., Nghiem S. 2018. Technical efficiency of small and medium manufacturing firms in Vietnam: A stochastic meta-frontier analysis. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 59, pp. 84-91. DOI.org/10.1016/j.eap.2018.03.001
16. Hoa D.T.P., Khoi N.V. 2017. Vietnamese small and medium-sized enterprises: Legal and economic issues of development at modern stage. *Economic Annals-XXI*. 165 (5-6), pp. 128-132. <http://soskin.info/userfiles/file/Economic-Annals-pdf/DOI/ea-V165-26.pdf> (accessed 08.12.2020)
17. MPI and USAID support enterprises in digital transformation scheme. *Vietnam Investment Review*. 04.12.2020. <https://www.vir.com.vn/mpi-and-usaid-support-enterprises-in-digital-transformation-scheme-81211.html> (accessed 09.12.2020)
18. The Digital Economy in Southeast Asia: Strengthening the Foundations for Future Growth. *The World Bank*. 2019. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31803/The-Digital-Economy-in-Southeast-Asia-Strengthening-the-Foundations-for-Future-Growth.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 05.12.2020)
19. Powering Intelligent Connectivity with Global Collaboration. *Huawei*. 2019. https://www.huawei.com/minisite/gci/assets/files/gci_2019_whitepaper_en.pdf?v=20191217v2 (accessed 05.12.2020)
20. e-Conomy SEA 2019. *Google, Temasek, Bain & Company*. https://www.blog.google/documents/47/SEA_Internet_Economy_Report_2019.pdf (accessed 05.12.2020)
21. OECD/ERIA (2018). SME Policy Index: ASEAN 2018: Boosting Competitiveness and Inclusive Growth. *OECD*. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264305328-en.pdf?expires=1608710542&id=id&accname=guest&checksum=3409427AEE38418B0C1D415F489EACB7> (accessed 08.12.2020)

22. OECD (2020), Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2020 - Update: Meeting the Challenges of COVID-19. *OECD Publishing*. DOI.org/10.1787/e8c90b68-en

REFERENCES

1. Tapscott D. 1996. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. N.Y., 368 p.
2. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement. Moscow. 2019. (In Russ.). https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20Цифровая_экономика.pdf (accessed 15.12.2020)
3. Alexandrova E. 2020. Digital Economy in Competitiveness of Modern Companies. Antipova T., Rocha Á. (eds) *Digital Science 2019, DSIC 2019, Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1114, pp. 114-125. DOI.org/10.1007/978-3-030-37737-3_11
4. Prause G. 2015. Sustainable business models and structures for Industry 4.0. *Journal of Security and Sustainability Issues*. Vol. 5, № 2, pp. 159-169.
5. Bigliardi B., Bottani E., Casella G. 2020. Enabling technologies, application areas and impact of industry 4.0: a bibliographic analysis. *Procedia Manufacturing*. Vol. 42, pp. 322-326. DOI.org/10.1016/j.promfg.2020.02.086
6. Kumar R., Singh R.Kr., Dwivedi Y.Kr. 2020. Application of industry 4.0 technologies in SMEs for ethical and sustainable operations: Analysis of challenges. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 275. DOI.org/10.1016/j.jclepro.2020.124063
7. Ayyagari M., Beck T., Demircuc-Kunt A. 2007. Small and Medium Enterprises across the Globe. *Small Business Economics*. Vol. 29 (4), pp. 415-434. DOI.org/10.1007/s11187-006-9002-5
8. Zabolotskaya V.V. 2020. Singapore: government support for small and medium-sized businesses. *Asia and Africa today*. № 2. (In Russ.)
9. Müller J.M., Buliga O., Voigt K. 2018. Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 132, pp. 2-17. DOI.org/10.1016/j.techfore.2017.12.019
10. Li K., Kim D.J., Lang K.R., Kauffman R.J., Naldi M. 2020. How should we understand the digital economy in Asia? Critical assessment and research agenda. *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 44. DOI.org/10.1016/j.elerap.2020.101004
11. Lo Thi Hong Wan, Guzikova L.A. 2020. Industry 4.0 in Vietnam: experience in strategic planning. *Asia and Africa today*. № 8. (In Russ.)
12. Chau N.T., Deng H. 2018. Critical Determinants for Mobile Commerce Adoption in Vietnamese SMEs: A Conceptual Framework. *Procedia Computer Science*. Vol. 138, pp. 433-440. DOI.org/10.1016/j.procs.2018.10.061
13. Alexandrova E., Poddubnaya M., Shalenaya, K., Savvidi S. 2020. Opportunities of the Digital Economy for Achieving Competitive Advantage of Firms. *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*, pp. 69-73. DOI.org/10.2991/aebmr.k.191225.013
14. Stoica M., Miller D., Stotlar D. 2005. New technology adoption, business strategy and government involvement: The case of mobile commerce. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. Vol. 13(1-2), pp. 213-232.
15. Le V., Vu X., Nghiem S. 2018. Technical efficiency of small and medium manufacturing firms in Vietnam: A stochastic meta-frontier analysis. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 59, pp. 84-91. DOI.org/10.1016/j.eap.2018.03.001
16. Hoa D.T.P., Khoi N.V. 2017. Vietnamese small and medium-sized enterprises: Legal and economic issues of development at modern stage. *Economic Annals-XXI*. 165 (5-6), pp. 128-132. <http://soskin.info/userfiles/file/Economic-Annals-pdf/DOI/ea-V165-26.pdf> (accessed 08.12.2020)
17. MPI and USAID support enterprises in digital transformation scheme. *Vietnam Investment Review*. 04.12.2020. <https://www.vir.com.vn/mpi-and-usaid-support-enterprises-in-digital-transformation-scheme-81211.html> (accessed 09.12.2020)
18. The Digital Economy in Southeast Asia: Strengthening the Foundations for Future Growth. 2019. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31803/The-Digital-Economy-in-Southeast-Asia-Strengthening-the-Foundations-for-Future-Growth.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 05.12.2020)
19. Powering Intelligent Connectivity with Global Collaboration. *Huawei*. 2019. https://www.huawei.com/minisite/gci/assets/files/gci_2019_whitepaper_en.pdf?v=20191217v2 (accessed 05.12.2020)
20. e-Conomy SEA 2019. *Google, Temasek, Bain & Company*. https://www.blog.google/documents/47/SEA_Internet_Economy_Report_2019.pdf (accessed 05.12.2020)
21. OECD/ERIA (2018). SME Policy Index: ASEAN 2018: Boosting Competitiveness and Inclusive Growth. OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264305328-en.pdf?expires=1608710542&id=id&accname=guest&checksum=3409427AEE38418B0C1D415F489EACB7> (accessed 08.12.2020)
22. OECD (2020), Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2020 - Update: Meeting the Challenges of COVID-19. *OECD Publishing*. DOI.org/10.1787/e8c90b68-en

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александрова Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доц., Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Elena N. Alexandrova, PhD (Economics), Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Заболоцкая Виктория Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, докторант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Victoria V. Zabolotskaya, PhD (Economics), Associate Professor, Doctoral candidate, St. Petersburg State University, Russia; Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
23.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
02.02.2021

Президентские выборы 2020 года и политическая ситуация в Гане

© Денисова Т.С.^a, Костелянец С.В.^{a, b}, 2021

^{a, b} Институт Африки РАН, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Резюме. В конце 2020 г. закончился первый срок президентства Наны Акуфо-Аддо. 7 декабря состоялись очередные всеобщие выборы, в результате которых действующий глава государства сохранил свои позиции, хотя его поддержка жителями страны не была единодушной, и он получил чуть более половины голосов избирателей. В известной мере это было связано с ростом коррупции, ухудшением материального положения граждан в условиях пандемии COVID-19, а также с дестабилизацией политической обстановки, вызванной сепаратистскими выступлениями на востоке страны и их жестким подавлением. Наряду с недостатками правления Акуфо-Аддо в статье отмечаются успехи правительства в социально-экономической сфере: заметный рост экономики в доковидный период, эффективная реализация различных программ развития промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры, введение бесплатного школьного образования на всех уровнях, создание сотен тысяч новых рабочих мест и т.д.

Особое внимание уделяется анализу причин и предпосылок возникновения сепаратистских настроений в регионе Вольта с преимущественным проживанием эве. Указывается, что в регионе существует множество группировок, имеющих различные цели: создание независимого государства, достижение более полной автономии Западного Тоголенда в границах Ганы и др. Делается вывод о бесперспективности идеи отделения региона прежде всего из-за разногласий между различными сепаратистскими группировками по поводу статуса и путей развития региона Вольта (Volta). Отмечается, что выступления сепаратистов в сентябре 2020 г., приуроченные к президентским выборам, свидетельствуют о том, что видимая политическая стабильность в Гане маскировала нерешенность серьезных и давно назревших проблем.

Ключевые слова: Гана, Нана Акуфо-Аддо, президентские выборы, COVID-19, сепаратизм, политическая ситуация, Западный Тоголенд

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Президентские выборы 2020 года и политическая ситуация в Гане. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 49-57. DOI: 10.31857/S032150750014282-2

The 2020 Presidential election and the political situation in Ghana

© Tatyana S. Denisova^a, Sergey V. Kostelyanets^{a, b}, 2021

^{a, b} Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Abstract. At the end of 2020, the first term of the presidency of Nana Akufo-Addo came to an end. On December 7, a general election was held, which resulted in the victory of the incumbent president. However, he received just over half of the votes. To a certain extent, this was due to an increase in corruption, a deterioration in the financial situation of citizens in the context of the COVID-19 pandemic, as well as the destabilization of the political situation caused by separatist demonstrations in the east of the country and their harsh suppression. Nevertheless, the authors note the government's successes in the socio-economic sphere: significant economic growth in the pre-COVID-19 period, effective implementation of programs for the development of industry, agriculture and infrastructure, the introduction of free school education, the creation of hundreds of thousands of new jobs, etc.

Particular attention is paid to the analysis of the reasons and preconditions for the emergence of the separatist sentiment in the Volta region, which is populated by the Ewe. It is pointed out that Ewe separatism is rooted in the colonial period and that, to a certain extent, all governments of independent Ghana had to deal with it. It is concluded that the idea of gaining independence by the region is futile, primarily due to the introduction of divisive and repressive tactics by the government, which has so far been successful in curbing separatism. Besides, the separatist demands are untenable, since they do not reflect the will of all ethnic groups living in the region. The paper points out that the attacks by the separatists in September 2020, which were timed to coincide with the presidential election, indicate that the visible political stability in Ghana masks serious and long-standing unresolved problems.

Keywords: Ghana, Nana Akufo-Addo, presidential elections, COVID-19, separatism, political situation, West Togoland

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The 2020 Presidential election and the political situation in Ghana. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 49-57. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014282-2

ВВЕДЕНИЕ

7 декабря 2020 г. в Гане состоялись президентские выборы. Главой государства на второй срок был избран кандидат от Новой патриотической партии (НПП), действующий с 7 января 2017 г. президент Нана Акуфо-Аддо, получивший 51,3% голосов (6,7 млн). Его главный и, по сути, единственный соперник - Джон Драмани Махама (47,36%, 6,2 млн) от партии Национальный демократический конгресс (НДК) [1] (президент Ганы с 24 июля 2012 г. по 7 января 2017 г.).

За президентский пост боролись 12 кандидатов; число зарегистрированных избирателей достигало 17,02 млн [2]. Хотя в ходе предвыборной кампании, в день голосования и после оглашения результатов в столице и некоторых других городах страны наблюдались столкновения между сторонниками Акуфо-Аддо и Дж. Махамы, ганские выборы, в целом, прошли в относительно спокойной обстановке.

В восьмой раз (1992, 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2016 и 2020 гг.) Гана доказала, что честные и справедливые выборы в Африке становятся политической реальностью.

НАНА АКУФО-АДДО

Президент Ганы родился 29 марта 1944 г. в аристократической семье, известной тем, что дала стране несколько выдающихся политиков. Его отец - Эдвард Акуфо-Аддо - был Верховным судьей (1966-1970), председателем (1967-1968) конституционной комиссии и т.н. представительным президентом (1970-1972). Дед по материнской линии - Нана Офори Атта I (1881-1943) - правитель одного из самых крупных королевств на территории Золотого Берега (Ачем-Абуakwa) и член консультационного комитета при губернаторе колонии. Один дядя, Уильям Офори-Атта, в колониальный период стал основателем одной из крупнейших политических партий страны - Объединенного конвента Золотого Берега (ОКЗБ), штаб-квартира которого располагалась в доме отца нынешнего ганского президента. Другой - Кофи Асанте Офори-Атта, в 1965-1966 гг. занимал пост спикера парламента Ганы. Еще один известный ганский политик - Джозеф Данква, был двоюродным дядей Наны Акуфо-Аддо. Три его родственника - Эдвард Акуфо-Аддо, Уильям Офори-Атта и Дж. Данква - входили в т.н. Большую шестерку. В ее «составе» также были первый президент страны Кваме Нкрума и активные члены ОКЗБ Эбенезер Ако Эджей и Эммануэль Обетсеби-Лэмпти - отцы-основатели суверенной Ганы.

Акуфо-Аддо всячески подчеркивает свое «славное» происхождение, впрочем, не напоминая, что именно его «предки» были главными критиками кампании «позитивного действия» и лозунга Нкрумы «Независимость немедленно!» и занимали умеренные позиции в отношениях с колониальными властями. В значительной степени результатом их деятельности было отстранение Нкрумы от власти в 1966 г. В то же время Акуфо-Аддо постоянно подчеркивает свою гордость тем, что стал лидером страны, которая в 1957 г. первой в Тропической Африке освободилась от колониального господства.

Начальное и среднее образование Акуфо-Аддо получил в Гане. В 1962 г. отправился в Англию в колледж «Лэнсинг» (графство Суссекс), где изучал философию, политику и экономику. По возвращении на родину преподавал в школе, учился в Университете Ганы (Легон), в 1967 г. получил диплом бакалавра по специальности «экономика». Затем изучал право в Великобритании, работал в парижском филиале американской юридической компании «*Courdet Freres*», в 1979 г. основал в Гане свою юридическую фирму «*Prempeh and Co.*»; получил известность благодаря предоставлением бесплатной юридической помощи малоимущим [3].

Начало политической деятельности Акуфо-Аддо относится к концу 1970-х гг., когда он присоединился к Народному движению за свободу и справедливость - организации, оппозиционной военному правительству И.Ачемпонга (1972-1978).

В мае 1995 г. Акуфо-Аддо оказался одним из организаторов межпартийного Альянса за изменения, выступавшего против неолиберальной политики Дж.Дж.Ролингса (военного лидера в 1979 и в 1982-1992 гг., гражданского президента в 1992-2001 гг.). Альянс распался из-за разногласий между его лидерами. В 1990-х же годах Акуфо-Аддо создал ассоциацию «Ганский комитет по правам человека и народов». В 2001-2003 гг. он занимал должность генерального прокурора, в 2003-2007 - министра иностранных дел; участвовал в переговорах по разрешению конфликтов в Сьерра-Леоне, Либерии, Кот-д'Ивуаре и Гвинее-Бисау. В 2003 г. возглавлял Совет по посредничеству и безопасности Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). В бытность Акуфо-Аддо главой внешнеполитического ведомства, в 2006 г., Гана вошла в состав Совета по правам человека ООН, при голосовании получив наибольшее в истории Совета число голосов - 183 из 191 [3].

К моменту вступления в 2017 г. в должность президента Акуфо-Аддо являлся представителем т.н. группы «данква-бусиасистов» (Кофи Бусиа - премьер-министр Ганы в 1969-1972 гг., соратник Данквы и других умеренных членов Большой шестерки), в течение нескольких десятилетий вынашивавших амбициозные

планы прихода к власти. В правление Дж.Дж.Ролингса они предпринимали действия по расшатыванию его режима, используя давние связи в рядах «старой гвардии» политиков и традиционной знати. Упрочение положения «данква-бусиасистов» произошло при не столь сильных, как Ролингс, лидерах - Дж.Куфуоре (2001-2009), Дж.Миллсе (2009-2012) и Дж.Махаме (2012-2017). Неспособные захватить власть в 1957 г. (в год обретения Ганой независимости), быстро утратившие ее с падением правительства Бусиа, «старые политики», наконец, добились успеха с приходом Акуфо-Аддо.

Акуфо-Аддо и Махама не в первый раз соперничали на выборах. В 2012 г. Махама обошел нынешнего победителя с минимальным отрывом (50,7% против 47,74%) [4]. Тогда Акуфо-Аддо опротестовал итоги голосования в суде, но результаты были признаны верными, и он принял вердикт в интересах «стабильности», чем завоевал много сторонников. В 2016 г. он победил своего соперника, получив 53,85% (Махама - 44,4%) [5].

ИТОГИ ПЕРВОГО СРОКА ПРЕЗИДЕНТСТВА АКУФО-АДДО

Первый приход Акуфо-Аддо к власти пришелся на год, когда отмечалось 60-летие со дня обретения Ганой независимости. Поэтому в 2017 г. в своей инаугурационной речи президент, обыграв знаменательную дату, отметил, в частности, разочарование ганцев достигнутым к тому времени уровнем развития и пообещал побороть коррупцию, обеспечить экономический рост, улучшить инвестиционный климат и т.д.

Правительство предшественника Акуфо-Аддо - Дж.Махамы обвинялось в неэффективном расходовании нефтедолларов (добыча и экспорт нефти начались в 2010 г.) и в неспособности к хозяйственному управлению, в целом. В 2015 г., в связи со снижением мировых цен на основные экспортные товары Ганы - золото, какао-бобы и нефть - властям пришлось обратиться за помощью к МВФ [6].

Уже в первый год президентства Акуфо-Аддо началось осуществление ряда программ, позволивших Гане преодолеть полную зависимость от кредитов МВФ. В 2017-2019 гг. (т.е. до начала пандемии) темпы роста ВВП достигали 7-8% (при Махаме - 2-4%); вдвое - до 7,7% - снизился уровень инфляции [7]. Вырос и объем ВВП, в т.ч. на душу населения (см. табл.). С 2017 г. Гана входит в десятку самых быстрорастущих экономик Африки¹.

Таблица. Ключевые экономические показатели Ганы (2015-2020)
Table. Ghana's key economic indicators (2015-2020)

Год	Темпы роста ВВП (%)	Объем ВВП (\$ млрд)	ВВП на душу населения (\$)
2015	2,18	48,6	1753,85
2016	3,45	54,99	1941,46
2017	8,14	58,98	2037,95
2018	6,26	65,52	2216,84
2019	6,48	67	2220,82
2020	0,93*	67,34*	2187,79*

* Прогнозные значения.

Составлено по: [8].

Самая большая доля в ВВП в 2019 г. принадлежала сфере услуг - 44,14%. Вклад промышленности (обрабатывающей и добывающей) составлял 31,99%, сельского хозяйства - 17,31% (остальное - транспорт и др.) [9].

Темпы роста обрабатывающей промышленности в среднем превышали 10% в год. Начавшаяся в 2017 г. реализация инициативы самого президента «Один район - одна фабрика» (*One District - One Factory, 1D1F*), нацеленной на ликвидацию зависимости от импорта и экспорта сырья и на использование местного сырья в отечественной промышленности, привела к созданию 232 (из намеченных 260) мелких и средних предприятий, 107 из которых уже введены в действие, а также к появлению 140 тыс. новых рабочих мест [10].

Сельское хозяйство является второй по темпам роста отраслью экономики - 6-7% в год. Страна остается вторым (после Кот-д'Ивуара) мировым производителем и экспортером какао-бобов; вывозятся также продукты масличной пальмы, хлопок, каучук, орехи кешью, фрукты и др. В 2017-2019 гг. был принят ряд программ, направленных на рост сельскохозяйственного производства, - *Planting for Food and Jobs, Rearing for Food and Jobs* и *Planting for Export and Rural Development*. Первая, в частности, предполагает 50%-е субсидирование цен на семена и удобрения, а также предоставление бесплатных маркетинговых услуг. В свою

¹ Ghana's GDP: volume, growth rate, per capita, structure. Take-Profit.org. 2020. (In Russ.) <https://take-profit.org/statistics/gdp/ghana> (accessed 12.12.2020)

очередь, принятая в 2018 г. Программа экономической трансформации Акуфо-Аддо (*Akufo-Addo Program for Economic Transformation, AAPET*) включает предоставление грантов для стартапов в сфере агробизнеса, создание фонда в размере 400 млн седи (\$68,7 млн) для финансирования страхования урожая, технической помощи и налоговые льготы для предприятий по переработке сельхозпродукции, производству упаковки и т.д., для создания оросительных систем и строительства дорог в сельской местности [10]. Инвестиции в сельское хозяйство привели к заметному росту производства продовольственных культур и к сокращению импорта продуктов питания.

Обещание, данное Акуфо-Аддо в ходе предвыборной кампании 2016 г., построить «плотину в каждой деревне» («*One Village, One Dam*») для ирригации и круглогодичного использования воды в различных целях тогда казалось популистским и невыполнимым, но уже к середине 2020 г. возведение 339 дамб оказалось завершённым на 90-100% [11].

Важной проблемой, с которой столкнулась Гана накануне прихода нынешнего президента к власти, стал энергетический кризис. Реализация специальной энергетической программы началась еще в 2007 г., но к 2016 г. она была выполнена лишь на 35%. Правда, ситуация усугублялась повреждением в 2012 г. западноафриканского трубопровода, по которому газ поступал в Гану из Нигерии. Ганские энергетические предприятия не производили достаточного объема электричества, главным источником которого оставалась ГЭС Акосомбо, из-за климатических изменений - выпадения меньшего объема осадков - работавшая не на полную мощность.

Энергетический кризис порождал множество проблем: перерывы в работе промышленных предприятий, увольнение работников, банкротство и ликвидацию многих производств, даже определенное общественное размежевание (некоторые ганцы сваливали вину за перебои с подачей электричества на «богатых» владельцев холодильников, кондиционеров и иных электроприборов). Энергетическая инфраструктура нуждалась в серьезном усовершенствовании, прежде всего в целях снижения объема электроэнергии, терявшейся во время подачи и распределения [12].

Обещание «решить энергетическую проблему» стало одним из столпов предвыборной кампании Акуфо-Аддо в 2016 г. Уже в 2017 г. на фоне строительства небольших ГЭС началась реализация проекта *Nzema* - создание крупнейшей в Африке электростанции, которая будет использовать солнечную энергию².

Быстрыми темпами (до 17% в год) развивается горнодобывающая отрасль. Уровень добычи золота (Гана - второй после ЮАР по величине его производитель в Африке, 4 млн унций в год, 90% экспорта полезных ископаемых) повысился с 2015 по 2018 г. на 45%; экспортируются также бокситы, алмазы, марганец и нефть³.

Значительные успехи были достигнуты в области развития инфраструктуры: проложены сотни километров железных и автодорог, выстроены мосты через реки и эстакады в крупных городах, завершено строительство третьего терминала в международном аэропорту Котока (Аккра), модернизируется аэропорт в Кумаси (столица региона Ашанти), возводятся новые морские причалы.

Улучшение делового климата привлекло в Гану таких автомобильных гигантов, как «Фольксваген» и «Ниссан», для создания автосборочных заводов.

В социальной сфере главными достижениями правительства Акуфо-Аддо в первый срок его президентства стали: введение бесплатного школьного обучения на всех уровнях; предоставление специальных пособий учителям и медсестрам; бесплатное обучение молодых предпринимателей современным методам ведения бизнеса; обеспечение временной и постоянной работой примерно 100 тыс. выпускников школ и университетов; создание 350 тыс. рабочих мест в госсекторе; строительство нескольких районных больниц; обеспечение каждого административного округа, по крайней мере, одной машиной скорой помощи [13].

Возникает естественный вопрос: если правительство добилось столь впечатляющих успехов в социально-экономической сфере, почему лишь чуть более половины ганцев отдали свои голоса за Акуфо-Аддо на декабрьских выборах 2020 г.?

Представляется, что главными причинами недовольства значительной части населения его правлением являются рост коррупции, ухудшение материального положения граждан в условиях пандемии *COVID-19* (об этом - ниже), обострение политической ситуации в связи с всплеском сепаратистских настроений на востоке страны.

Борьба с коррупцией была одним из главных обещаний Акуфо-Аддо и в 2016, и в 2020 гг. Однако нынешний режим считается «самым коррумпированным в истории Четвертой республики», т.е. с 1992 г., несмотря на активное освещение этой проблемы в СМИ, существование специальных антикоррупционных

² The World Bank in Ghana. The World Bank. 2019. <https://www.worldbank.org/en/country/ghana/overview> (accessed 16.12.2020)

³ Doing business and investing in Ghana. PwC. 2018. P. 23. <https://www.pwc.com/gh/en/pdf/doing-business-and-investing-gh.pdf> (accessed 15.12.2020)

органов, законов и относительно независимой судебной системы [14]. Индекс восприятия коррупции (ИВК, чем больше цифра, тем ниже ее уровень) снизился с 47 в 2015 г. до 41 в 2019 [18]. Из-за коррупции теряется около 20% государственных доходов⁴.

Критики Акуфо-Аддо утверждают, что президент единолично назначает на руководящие должности, в т.ч. в провинции, своих не всегда компетентных сторонников и «благотворителей», финансировавших его предвыборные кампании; что он останавливает реализацию проектов, инициированных его предшественниками, оказавшимися с 2017 г. в оппозиции; что выгодные контракты (а, соответственно, и доходы) сосредотачиваются в руках представителей «большой семьи» президента и его политических союзников [15], в то время как 25% ганцев, несмотря на экономические успехи, продолжают жить за чертой бедности [16].

Жители страны до сих пор вспоминают, как в годы правления Дж.Дж.Роллинга в Гане велась реальная борьба со взяточничеством и другими злоупотреблениями⁵. С тех пор ганское общество становилось все более «зараженным» коррупцией - до такой степени, что избиратели считают нормальным делом оплату их голосования за того или иного кандидата, что, безусловно, снижает уровень «прозрачности» выборов, хотя международные наблюдатели предпочитают этого не замечать.

COVID-19

О первых двух случаях заболевания было объявлено 13 марта 2020 г. (В настоящее время число инфицированных превышает 50 тыс.) Уже через 3 дня были запрещены массовые мероприятия, закрыты школы и университеты, СМИ оповещали население о методах профилактики, в общественном транспорте, на автовокзалах, на рынках и в других местах скопления людей началась раздача дезинфицирующих средств. Во многих районах было организовано удаленное обучение школьников.

Ганское правительство одним из первых в Западной Африке приняло экономические меры реагирования на пандемию: снижение ставок по кредитам; на 3 месяца освобождение от уплаты налогов и платы за воду, на 6 - снижение тарифов на электроэнергию более чем для 1 млн домохозяйств. В беднейших общинах происходила раздача продуктов питания; \$175 млн были выделены на поддержку микро-, малых и средних предприятий. Усилия правительства по борьбе с коронавирусом привлекли внимание донорских агентств и побудили МВФ предоставить Гане помощь в размере \$1 млрд; ВБ также одобрил пакет финансирования на сумму в \$100 млн, из которых \$35 млн предполагалось направить на организацию неотложной медицинской помощи, а остальное - на развитие здравоохранения в целом [18, pp. 4-5].

Однако проблема состояла в том, что чем больше правительство ужесточало вынужденные меры, например, социальное дистанцирование, и требовало от граждан по возможности оставаться дома, тем большим становилось число безработных, нищих и в буквальном смысле слова - голодных. Правительство обвинялось в фокусировании внимания на спасении жизней за счет лишения населения средств к существованию: ведь, как и во многих других африканских странах, на неформальный сектор в Гане приходится около 80% рабочей силы. Кроме того, многие предприятия закрылись, отправив рабочих по домам без сохранения содержания и с туманными перспективами возвращения на службу.

Несмотря на помощь, выделенную мелким предприятиям в связи с карантином, уличные торговцы, большая часть которых не платит налоги, не получили, соответственно, доступа к «ковидным» грантам, кредитам и льготам, как, впрочем, и жители городских трущоб, в которых нет ни водопровода, ни электричества, а потому снижение тарифов никак не сказалось на их положении, зато отразилось на их готовности (или неготовности) голосовать за нынешнего президента.

Экономика серьезно пострадала и в результате закрытия границ. Прогнозы, касавшиеся ее роста, были пересмотрены в сторону уменьшения - с 7,5% до 1,5%. Соответственно, прогнозируются расширение масштабов бедности, снижение объема налоговых поступлений, т.е. государственных доходов, а это, в свою очередь, может свести на нет экономические успехи, достигнутые в последние годы [18].

ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА

Важной проблемой, с которой пришлось столкнуться Акуфо-Аддо во время первого срока президентства и почти непосредственно перед декабрьскими выборами, стал всплеск сепаратистских настроений на востоке страны - в регионе (области) Вольта с преимущественным проживанием *эве*.

⁴ Ghana - Corruption Perception Rating. Knoema. 2019 (In Russ.). <https://knoema.ru/atlas/%d0%93%d0%b0%d0%bd%d0%b0/%d0%a0%d0%b5%d0%b9%d1%82%d0%b8%d0%bd%d0%b3-%d0%b2%d0%be%d1%81%d0%bf%d1%80%d0%b8%d1%8f%d1%82%d0%b8%d1%8f-%d0%ba%d0%be%d1%80%d1%80%d1%83%d0%bf%d1%86%d0%b8%d0%b8> (accessed 16.12.2020)

⁵ Отчасти поэтому большинство ганцев искренне оплакивали его смерть, произошедшую совсем недавно - 12 ноября 2020 г. (см.: [17]).

25 сентября 2020 г. были совершены нападения на полицейские участки в расположенных в Вольте городах Меле и Авейме. Ответственность за атаки взял на себя Фронт восстановления Западного Тоголенда (ФВЗТ - *Western Togoland Restoration Front*) [19] - одна из сепаратистских группировок, выступающих за отделение от Ганы исторической территории Западного Тоголенда (ЗТ)⁶, границы которого почти совпадают с границами нынешней области Вольта.

Прежде чем ситуацию удалось взять под контроль, нападавшие перекрыли основные дороги, ведущие в регион, подняли флаги нового «государства» и, захватив несколько радиостанций, потребовали освобождения заключенных, находящихся в тюрьмах страны за сепаратистскую деятельность [20]. Через 4 дня было совершено новое нападение в г. Хо - столице Вольты.

Сепаратизм *эве* уходит своими корнями в колониальный период. В 1884 г. территория Западного Тоголенда была колонизирована Германией и включена в состав протектората Того, который тогда назывался Тоголендом. После поражения Германии в Первой мировой войне протекторат был разделен между Францией и Великобританией. Западный Тоголенд оказался частью британского Золотого Берега, и в 1957 г., когда эта колония получила независимость, вошел в состав суверенной Ганы. В свою очередь, французский Тоголенд обрел независимость в 1960 г. и стал суверенным государством Того. В результате, территория проживания народа *эве* была разделена на две части ганско-тоголезской границей.

Если в колониальный период Западный (Британский) Тоголенд пользовался некоторой политической автономией в составе Золотого Берега, то после интеграции в Гану он полностью утратил самостоятельность, был маргинализирован в политическом и экономическом отношениях. Малейшие проявления националистами *эве* недовольства жестоко подавлялись; их лидеры либо выслались из страны, либо оказывались в заключении. В большей или меньшей степени всем ганским правительствам пришлось иметь дело с «кризисом в Западном Тоголенде».

Когда Того получило независимость, *эве* по обе стороны границы начали вынашивать идею создания автономного Тоголенда в составе Того. Эти настроения поддерживал первый президент Того Сильванус Олимпио. После подавления в 1960 г. режимом Нкрумы восстаний *эве* 5700 сторонников воссоединения бежали в Того. Отношения между лидерами двух стран обострились до такой степени, что, когда Олимпио был убит 13 января 1963 г. в ходе военного переворота, в Того начали распространяться слухи о причастности Нкрумы к этим событиям [21].

Переворот 1966 г. в Гане, в результате которого Нкрума был смещен с поста президента, привел к возрождению среди *эве* националистических настроений. В начале 1970-х гг. в Вольте возникло сепаратистское Национально-освободительное движение Западного Тоголенда (*National Liberation Movement of Western Togoland*), известное как ТОЛИМО, которое потребовало независимости ЗТ. Движение было подавлено посредством масштабных арестов, и в течение полутора десятилетий вольтийские сепаратисты не занимались активной деятельностью.

В 1994 г. была основана организация - Фонд национальной исследовательской группы (ФНИГ, *Homeland Study Group Foundation, HSGF*), долгие годы действовавшая в подполье, но в 2017 г. предпринявшая попытку декларации независимости Западного Тоголенда и добившаяся членства в международной Организации наций и народов, не имеющих представительства (*Unrepresented Nations and Peoples Organization, UNPO*). В 2017-2020 гг. ФНИГ неоднократно организовывал демонстрации и марши протеста против правительственной политики, а его лидеры и рядовые члены подвергались арестам, хотя Фонд последовательно придерживался ненасильственных методов борьбы [22].

В свою очередь, лидеры созданного в 2019 г. ФВЗТ, напротив, призывают к использованию в борьбе за независимость тактики насилия, о чем свидетельствуют, в частности, сентябрьские события 2020 г., когда в ходе нападения боевиков на полицейские участки погибло несколько полицейских.

Почему сепаратисты активизировались именно в 2017 г.?

В ходе предвыборной кампании 2016 г. Акуфо-Аддо пообещал жителям восточных районов страны «разобраться» с проблемой Западного Тоголенда, таким образом возродив подавленные на довольно долгое время надежды *эве* даже не столько на отделение⁷, сколько на преодоление маргинализации, на расширение представительства *эве*, составляющих 14% 29-миллионного ганского населения, в центральных органах власти, на развитие социальной (школы, больницы), дорожной и прочей инфраструктуры, почти полностью отсутствующей в регионе.

Между тем, 12 октября 2017 г., вместо того чтобы заняться решением социально-экономических проблем Вольты, президент создал специальную комиссию для изменения административных границ страны.

⁶ В регионе проживает около 4 млн человек. С точки зрения языкового состава населения и социокультурных традиций, Западный Тоголенд, особенно округ Вольта, имеют больше общего с Того, нежели с остальной частью Ганы (*прим. авт.*).

⁷ Этот регион не отличается богатством природных ресурсов в такой степени, чтобы сепаратизм мог получить здесь сколько-нибудь прочную экономическую основу, как, например, в богатом нефтью Южном Камеруне, нынешний подъем сепаратистских настроений в котором, безусловно, повлиял на ситуацию в Гане (*прим. авт.*).

В декабре 2018 г. в Гане состоялся референдум по вопросу о формировании новых округов [23]. По итогам голосования область Вольта была разделена на 2 части: северные районы превратились в регион Оти, а южные сохранили прежнее название «Вольта».

Северяне, чувствовавшие себя маргинализированными в рамках не только всего государства, но и области Вольта - по сравнению с более развитым югом региона, приветствовали разделение. Южане посчитали это решение неправомерным, восприняв его как попытку расколоть и ослабить *эве* [24], которые оказались отделенными от сородичей не только в Того, но и в Оти. Создание Оти символизировало ущемление интересов и тех групп, которые стремились к отделению от Ганы, и тех, которые выступали за сохранение целостности Западного Тоголенда. Естественно, это не могло не привести к обострению в отношениях между жителями Вольты и центральной властью.

Надо сказать, что перспективы отделения ЗТ представляются весьма слабыми.

Во-первых, мировое сообщество в лице ООН и Африканского Союза выступает за территориальную целостность африканских стран в целом и Ганы, в частности. Во-вторых, правительство выработало ряд раскольнических и репрессивных тактик, которые пока оказываются успешными в сдерживании сепаратистской деятельности и в побуждении националистов *эве* к использованию менее насильственных и более контролируемых форм протеста.

В-третьих, сепаратистские требования несостоятельны, т.к. не отражают волю всех этнических групп, проживающих в регионе, например, довольно крупной народности *гуан*, не имеющей ни территориальных претензий, ни желания выйти из состава Ганы. В-четвертых, становится все более очевидным, что между различными группировками существуют заметные разногласия по поводу статуса и путей развития ЗТ.

В настоящее время в области Вольта, кроме ФНИГ и ФВЗТ, существуют и более мелкие сепаратистские организации, имеющие различные цели: 1) отделение от Ганы и создания независимого государства Западный Тоголенд; 2) формирование единого «Эвеленда» в составе Западного и Восточного Тоголендов, т.е. объединение ганских и тоголезских территорий с преимущественным проживанием *эве*; 3) более полная автономия ЗТ в границах Ганы⁸.

Более того, сразу после сентябрьских событий 2020 г. ФВЗТ выпустил пресс-релиз, в котором заявил (видимо, чтобы создать себе более прочную базу поддержки), что «бездействующий» ФНИГ не имеет никакого отношения к нападениям на полицейские участки. В ответ лидеры ФНИГ выступили с заявлением, осуждавшим насильственные действия конкурирующей организации [22].

То есть, даже если претензии значительной части жителей маргинализированных районов, произвольно разделенных административными границами, в известной мере правомерны, их неспособность добиться отделения или большей автономии региона связана не только с сопротивлением режима, но и с отсутствием единства в рядах сепаратистов.

Правительство Акуфо-Аддо ответило на сентябрьские события арестами лидеров движения и введением в Вольту армейских подразделений. В регионе начались демонстрации протеста против «правительственных репрессий». С призывами к президенту вывести войска выступили религиозные и традиционные лидеры, оппозиционная партия Национальный демократический конгресс Дж.Махамы, общественные и правозащитные организации, недовольные, прежде всего, действиями военных, осуществлявших насилие в отношении не только боевиков, но и гражданских лиц [26]. Сепаратисты «удачно» выбрали время для выступления: действия правительства лишили Акуфо-Аддо поддержки значительной части населения не только Вольты, но и других районов страны.

РОССИЙСКО-ГАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Гана проводит активную внешнюю политику: развиваются ее связи со странами Запада, прежде всего с США, Канадой, Великобританией, Францией и Германией, которых правительство Акуфо-Аддо рассматривает в первую очередь как источник финансовой помощи и инвестиций. В последние годы на подъеме находятся отношения с Китаем, Бразилией и Индией.

Между тем, сохранение Наной Акуфо-Аддо поста президента Ганы можно рассматривать как фактор, способствующий и расширению контактов между этой крупной, второй в Западной Африке по численности населения, страной и Россией. Российско-ганские отношения имеют дружественный характер; поддерживается регулярный политический диалог, в т.ч. и на высшем уровне [27]. В октябре 2019 г. Акуфо-Аддо был гостем первого саммита и экономического форума «Россия - Африка» в Сочи.

⁸ Так, группа «Обеспокоенные граждане региона Вольта» (*Concerned Citizens of Volta Region, CCVR*) призывает к сохранению единства региона и отвергает радикальную сепаратистскую повестку дня. Еще 8 группировок образовали Коалицию групп региона Вольта (*Coalition of Volta Region Groups*), в которую вошли и сепаратисты, и группы, осуждающие раздел региона [29, р. 231].

Гана - один из крупнейших торговых партнеров России в Западной Африке, хотя объем двусторонней торговли не соответствует имеющемуся потенциалу. В 2019 г. товарооборот между двумя странами составил \$212 млн, увеличившись на 4,5% по сравнению с 2018 г. Экспорт РФ в Гану в 2019 г. достиг \$124 млн, импорт из Ганы - \$88 млн. Россия поставляет в Гану продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, продукцию химической промышленности, древесину, металлы, машины, оборудование, транспортные средства, военную технику и др., вывозит преимущественно какао и какао-продукты, а также фрукты и орехи⁹ [28].

Инструментом двустороннего сотрудничества является Межправительственная Российско-Ганская комиссия по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству, созданная в 2014 г. Существуют договоренности о реализации совместных проектов в таких областях, как энергетика, недропользование, геологоразведка, наземный и морской транспорт, связь, сельское хозяйство и переработка сельскохозяйственной продукции, образование, здравоохранение, фармакология, местное самоуправление и развитие сельских районов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние три десятилетия Гана, безусловно, была одним из наиболее экономически и политически благополучных государств Тропической Африки. С 1992 г. в стране проводились конкурентные многопартийные выборы, и власть неоднократно переходила от правящей партии к оппозиционной и наоборот в результате мирных и прозрачных электоральных кампаний. Это позволило Гане завоевать репутацию «яркой демократической звезды Западной Африки» [14], хотя недавние выступления сепаратистов, к тому же приуроченные к очередным выборам, свидетельствуют о том, что видимая политическая стабильность в Гане маскировала нерешенность серьезных и давно назревших проблем.

Правительство Ганы использует жесткие методы подавления сепаратистских выступлений, забывая, что они редко бывают эффективными, обеспечивают лишь временное решение проблемы и могут привести к эскалации кризиса: этнонационализм весьма привлекателен для групп, находящихся на периферии государственной политики.

Следует признать, однако, что Нана Акуфо-Аддо является достаточно опытным стратегом, способным оперативно принимать решения и эффективно их реализовывать, о чем свидетельствуют его социально-экономическая политика и меры, направленные на преодоление пандемии COVID-19. Представляется, что ему удастся разрешить и кризис в Западном Тоголенде, сохранив при этом целостность страны, хотя на это может потребоваться много времени.

REFERENCES

1. Final results of Ghana election 2020: Nana Akufo-Addo win 2020 elections - Ghana Electoral Commission. *BBC News*. 09.12.2020. <https://www.bbc.com/pidgin/tori-55237020> (accessed 11.11.2020)
2. 24-hour results declaration possible - EC. *GhanaWeb*. 30.11.2020. <https://www.ghanaweb.com/GhanaHomePage/politics/24-hour-results-declaration-possible-EC-1122446> (accessed 10.12.2020)
3. Profile of Nana Addo Dankwa Akufo-Addo, President-elect of Ghana. *Ghana Business News*. 09.12.2016. <https://www.ghanabusinessnews.com/2016/12/09/profile-of-nana-addodankwa-akufo-addo-president-elect-of-ghana> (accessed 09.12.2020)
4. Ghana election: John Mahama declared winner. *BBC News*. 10.12.2012. <https://www.bbc.com/news/world-africa-20661599> (accessed 09.12.2020)
5. Mbaku J.M. The Ghanaian elections: 2016. *Brookings*. 15.12.2016. <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2016/12/15/the-ghanaian-elections-2016> (accessed 09.12.2020)
6. Ghana elections: Vote count begins in tight contest. *Al Jazeera*. 8.12.2016. <https://www.aljazeera.com/news/2016/12/8/ghana-elections-vote-count-begins-in-tight-contest> (accessed 10.12.2020)
7. Patrick S., Adjei N. Ghana: Akufo-Addo and Mahama go head to head in December. *The Africa Report*. 4.02.2020. <https://www.theafricareport.com/22942/ghana-akufo-addo-and-mahama-go-head-to-head-in-december> (accessed 10.12.2020)
8. Ghana: Statistics & Facts. *Statista*. 2020. <https://www.statista.com/topics/3029/ghana> (accessed 12.12.2020)
9. Ghana: Share of economic sectors in the gross domestic product (GDP) from 2009 to 2019. *Statista*. 18.11.2020. <https://www.statista.com/statistics/447524/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-ghana> (accessed 12.12.2020)
10. 232 out of 260 IDIF factories on track - Trade Minister. *Myjoyonline*. 09.10.2020. <https://www.myjoyonline.com/232-out-of-260-idif-factories-on-track-trade-minister> (accessed 13.12.2020)
11. One-Village, One-Dam: 437 small earth dams at various stages of completion. *FAAPA*. 08.07.2020. <http://www.faapa.info/blog/one-village-one-dam-437-small-earth-dams-at-various-stages-of-completion> (accessed 14.12.2020)

⁹ Trade between Russia and Ghana in 2019. *Russia's foreign trade*. 13.02.2020. (In Russ.). <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-ganoy-v-2019-g> (accessed 19.12.2020)

12. Osei K.O. The End for Ghana's 'Power-Cut' President. *The New York Times*. 26.12.2016. <https://www.nytimes.com/2016/12/26/opinion/the-end-for-ghanas-power-cut-president.html> (accessed 15.12.2020)
13. Krawczyk K. Ghana Heads to the Polls: What Matters in This Election? *ISPI*. 26.10. 2020. <https://www.ispionline.it/it/publicazione/ghana-heads-polls-what-matters-election-27988> (accessed 15.12.2020)
14. Ghana. Freedom House. 2020. <https://freedomhouse.org/country/ghana/freedom-world/2020> (accessed 15.12.2020)
15. Ghana 2018 Human Rights Report. United States Department of State. 2018. P. 13. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/03/Ghana-2018.pdf> (accessed 16.12.2020)
16. Country overview: Ghana Driving mobile-enabled digital transformation. *GSM Association*. 2017. P. 3. <https://www.gsma.com/mobilefordevelopment/wp-content/uploads/2020/05/Ghana-Country-Overview.pdf> (accessed 17.12.2020)
17. Donkor A. For Ghana's Democracy to Thrive, Citizens Need to Engage. *Foreign Policy*. 20.11.2020. <https://foreignpolicy.com/2020/11/20/ghana-democracy-citizen-engagement-elections-2020> (accessed 18.12.2020)
18. Mwainyekule L.H., Frimpong F.B. The Pandemic and the Economy of Africa: Conflicting Strategies between Tanzania and Ghana. *Digital Government: Research and Practice*. September 2020. Vol. 1, № 4, Article 33, pp. 1-8.
19. Atta-Asamoah A. Recent attacks raise questions about how secessionist tendencies have been managed in post-independence Africa. *Institute for Security Studies (ISS)*. 06.11.2020. <https://issafrica.org/iss-today/are-africas-borders-sacrosanct-ghanas-western-togoland-crisis> (accessed 18.12.2020)
20. Suuk M., Nebe C., Sakpa D. Ghana's Western Togoland region declares sovereignty. *DW*. 25.09.2020. <https://www.dw.com/en/ghanas-western-togoland-region-declares-sovereignty/a-55051426> (accessed 18.12.2020)
21. Laglo A. British Togoland Movement: an Offshoot of Historical Creations. *UIT*. May 2019. P. 44. <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/15753/thesis.pdf?isAllowed=y&sequence=1> (accessed 18.12.2020)
22. Western Togoland: 60 Members of Homeland Study Group Released. *UNPO*. 22.10.2020. <https://unpo.org/article/22103> (accessed 19.12.2020)
23. Shaban A.R.A. Ghana referendum vote towards creation of six new regions. *Africanews*. 27.12.2018. <https://www.africanews.com/2018/12/27/ghana-referendum-for-creation-of-six-new-regions-underway> (accessed 19.12.2020)
24. Dzigbodi-Adjimah K. Oti Region: The First Step Towards The Balkanisation of Volta Region. *The Catalyst Newspaper*. 21.08.2017. <https://www.facebook.com/thecatalystgh/posts/oti-region-the-first-step-towards-the-balkanisation-of-volta-region-prof-dzigbod/1428598393876281> (accessed 19.12.2020)
25. Bulgarelli A. Togoland's lingering legacy: the case of the demarcation of the Volta Region in Ghana and the revival of competing nationalisms. *The Australasian Review Of African Studies*. December 2018. Vol. 39, № 2, pp. 222-238.
26. Oduor M. Ghana deploys military in the volatile Volta region ahead of election. *Africanews*. 30.11.2020. <https://www.africanews.com/2020/11/30/ghana-deploys-military-in-the-volatile-volta-region-ahead-of-election> (accessed 19.12.2020)
27. Denisova T.S., Kupriyanov P.I. 2017. To the 60th Anniversary of the Independence of Ghana. *Asia and Africa today*. № 10. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies of the RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.01.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 5.02.2021

Принята к публикации (Accepted)
8.02.2021

COVID-19 в Азии / COVID-19 in Asia

DOI: 10.31857/S032150750014286-6

Оригинальная статья / Original article

Coronavirus rumors in China: content, spread and control policy

© Marina A. Vasilyeva^a, 2021

^a Central South University, Hunan province, Changsha, China;
ORCID 0000-0001-7555-8218; 857362825@qq.com

Abstract. Since the explosive outbreak of a novel coronavirus (now known as 2019-nCoV) in China's Hubei province, a large quantity of information on epidemic prevention and control has been disseminated rapidly. The extensive spread of fake Internet news has an extremely negative psychological impact on individuals and society, and slows down the fight against the epidemic. The concern about proliferation of misleading information, rumors and myths has caused governments across the world to institute various interventionist steps to stem their flow.

The article explores the rumor phenomenon, including the definition of the rumors and famous rumor spread models. The author uses Chinese "Jiazhen" platform (official online platform for releasing rumors) as a data resource to collect popular Chinese rumors on corona-virus epidemic, analyzes the main content, characteristics and reasons of rumor spread. In addition to it, the censorship policy of the Chinese government is discussed. China has one of the world's most restrictive media environments, relying on censorship to control information in the news, online, and on social media. China, with its authoritarian political system and stricter information control, has effectively restricted the circulation of fake news/rumors during COVID-19 outbreak.

During the crisis period, the authoritarian regime emphasizes 'social responsibility', 'public security' and 'social order' as rationale for censoring the information on social media platforms and the Chinese citizens are ready to cooperate. The article explores the main mechanisms that were used to control the spreading of rumors, identifies their problems and opportunities.

Keywords: China, COVID-19, novel coronavirus, Internet rumors, rumor spread, rumor policy

For citation: Vasilyeva M.A. Coronavirus rumors in China: content, spread and control policy. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 58-63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014286-6

Слухи о коронавирусе в Китае: содержание, распространение и политика сдерживания

© Васильева М.А.^a, 2021

^a Центральный Южный университет, г. Чаньша, провинция Хунань, Китай;
ORCID 0000-0001-7555-8218; 857362825@qq.com

Резюме. После вспышки нового коронавируса борьба со слухами стала одной из основных проблем во всем мире. В статье исследуется феномен слухов, приводится научное определение термина, а также классические модели распространения слухов. Автор использует китайскую платформу «Цзячжэнь» (официальная онлайн-платформа для публикации слухов) в качестве информационного ресурса для сбора популярных китайских слухов, проводит анализ их содержания, а также причин распространения. Кроме того, исследуется цензурная политика правительства, которая позволила Китаю в короткие сроки решить проблему распространения фальшивых новостей/слухов.

Ключевые слова: Китай, COVID-19, новый коронавирус, интернет-слухи, распространение слухов, политика по контролю слухов

Для цитирования: Vasilyeva M.A. Coronavirus rumors in China: content, spread, and control policy. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 58-63. DOI: 10.31857/S032150750014286-6

INTRODUCTION

In recent years, rumors are closely related to social networks. However, rumors have a history as long as human civilization. In Russia and Europe, rumors used to be called "canard". This statement comes from an article published in a French newspaper in 1776.

RUMOR DEFINITION AND RESEARCH BACKGROUND

The article suggested readers trying a new way of catching ducks: before hunting, you boil an acorn in the laxative medicine, tie a rope, and use it as a bait for ducks. The duck immediately begins to have diarrhea after

swallowing the bait. The acorn leaves the intestine with the duck's excreta, and is immediately eaten by another duck. In this way, 20 ducks can be caught on the rope.

Another theory holds that in the 18th century, some published humorous stories carried the letters N.T. (Latin *non testatum* - "unsubstantiated information"), and that in German N.T. was pronounced the same as "canard" (German *ente*).

Rumor is defined as "deliberately creating or spreading false information in social media in order to obtain financial or political benefits". For example, in 1835, the New York Sun newspaper published a series of articles on life on the moon in order to increase its circulation and "sink" competitors' publications. When deception was discovered, the newspaper managed to keep its readers, as many competitors were no longer in the market. The event is known as the great Moon Hoax [3].

Rumors scientific studies have started in the 1940s. American psychologist and educator W.Allport is described as "father of rumors". In his book "The Psychology of Rumor", he defines rumor as "a kind of special statement which is usually spread among people in oral form, and there is no reliable proof standard at present" [1]. In addition, he and L.Postman, Psychology Instructor, both at Harvard University, put forward the formula of rumor spread, that is, R (Rumor) = I (important) * A (ambiguous). They think that the spread of rumors is directly proportional to the importance of the rumor related events and the fuzziness of the events. Later, the formula was supplemented: $R = I * A / C$, C is the critical ability of the public, which indicates that the spreading ability of rumors also depends on the critical ability of people. The more scientific knowledge the public has and the stronger the critical ability is, the less likely the rumor will be generated and spread, and vice versa [1].

NOVEL CORONAVIRUS RUMORS IN CHINA: MAIN CONTENT AND REASONS OF SPREAD

Since December 2019, a new type of coronavirus called novel coronavirus (2019-nCoV, or COVID-19) was identified in Wuhan, China. The COVID-19 has then rapidly spread to all over China and the world. It causes symptoms including fever, difficulty in breathing, cough, and invasive lesions on both lungs of the patients. According to the surveillance statistics reported by the Chinese government, by December 21, 2020, the number of confirmed infection cases increased to 50340 for Wuhan and 95901 for whole China, with 3869 and 4771 deaths respectively [5].

The novel coronavirus has changed the living habits of the world. China's 1.4 billion people were isolated at home, and real-world activities were suspended. The epidemic had stimulated a large number of new netizens. China has the world's largest Internet population, reaching 904 million with the Internet penetration of 64.5% by March 2020, up by 75.08 million and 4.9% higher than that at the end of 2018. There are 731 million online news consumers in China, with 726 million accessing news on their mobile devices [2]. Weibo (micro-blog) with 550 million and WeChat with 983 million users dominate the social media landscape in China, Tiktok, Kwai, QQ, etc. are popular as well [8].

In addition to causing human suffering, the current coronavirus outbreak has sparked rumors and conspiracy theories, mainly involving the outbreak situation, the source of disease infection, the isolation and management of epidemic situation, the methods of epidemic prevention, and the management of anti epidemic materials. In addition to informing citizens about how to minimize the risk of novel coronavirus, Chinese governments has been busy debunking false and misleading information distributed on private and public social networks in relation to COVID-19.

We use Chinese official "Jiazhen" platform (official online platform for releasing rumors) as a data resource to collect popular Chinese rumors on corona-virus epidemic, 537 rumors included life rumors, work and study rumors, entertainment rumors, medical rumors etc. [6].

During the epidemic period, the number of rumors about "preventive measures" reached 166, accounting for 31% of all rumors. Secondly, there were 59 rumors about "prevention and control measures", accounting for 11%. In addition, there were 53 cases of "infection risk" and "foreign rumors", accounting for 10% respectively. Finally, "experts/celebrities rumors", "epidemic progress", "life impact" and "epidemic truth" rumors also accounted for 9%, 7%, 5% and 4% respectively [6].

It can be seen that the rumors during the epidemic mainly focus on the prevention methods, prevention and control measures and infection risks, and these factors are related to the protection of life safety, which are the most concerned information of the people. Therefore, rumors have more room to spread in the areas that we are most concerned about.

According to the time axis of the rumors released, in the early stage of the epidemic (20.01.2020 - 29.01.2020), the key word of the rumors was "closing the city"; in the early stage (30.01.2020 - 18.02.2020), the key words of the rumor changed to "diagnosis, prevention, mask, disinfection, etc."; in the medium stage (19.03.2020 - 09.03.2020) the key words of the rumors were "opening school, diagnosis, overseas, etc."; in the middle and late stage (10.03.2020 - 31.03.2020), the key words of rumors were "opening school, diagnosis, overseas, etc."; in the middle

and late stage (10.03.2020 - present day), the key words of the rumors were the United States, Trump, overseas turmoil, and the delay of school start, etc.

Through the analysis, we found that the number of rumors is the most in the early and peak period of the epidemic. The daily average number of rumors in the early stage of the epidemic is 7.93, in the outbreak stage it is 9.77 messages per day, in the global pandemic stage is 2.67 messages per day.

Through the analysis of the rumors, it can be concluded that the reasons for the spread of the new coronavirus rumors in China and many other countries are the same. They are as follows:

a) The public's critical thinking is not strong. One of the reasons of epidemic rumors is that the public's critical ability is not strong enough. The weaker the public's critical ability is, the more difficult it is to identify the true and false information. People are more likely to blindly believe false information. There are two factors that affect the public critical ability. On the one hand, it is the scientific and cultural literacy. Sudden epidemic events involve professional knowledge. People who have some medical knowledge often have a higher level of judgment on the authenticity of relevant information. The other is the psychological factor. In the face of danger and uncertainty, it is difficult for an individual to make a correct judgment on the information received.

For example, after infectious disease expert Dr Li Lanjuan (Chinese infectious disease expert, academician from Zhejiang province) said on Chinese state television that pets should be quarantined if they have been in contact with suspected patients infected with the novel coronavirus [6]. Chinese social media has been awash with untrue claims about disposing pets in order to prevent infection. While the World Health Organization (WHO) has attempted to quash the false claims that animals can transmit the novel coronavirus, Chinese citizens in multiple cities have already begun to dispose of dogs and cats, and cull other other house pets. The fear of getting the disease was strong enough to make Chinese people believe this rumor and spread it around, causing irreversible consequences.

b) The government's credibility is insufficient. The credibility of the government reflects the public satisfaction. The higher the public's satisfaction with the government, the greater the appeal and influence of the government, the more actively the public will cooperate with the government's work. On the contrary, the weaker the credibility of the government is, the more distrustful the public will be. As a result, whether the government tells the truth or lies, it will be criticized by the public. The lack of government credibility will not only accelerate the spread of rumors, but it can affect the effect of rumor governance. Even if the government announces the truth through the official media in time, the public will be skeptical. For example, many Chinese were skeptical of government coronavirus figures, they assumed authorities were trying to conceal the extent of the threat. It created a number of rumors on shutting down such cities as Shanghai, Guangzhou, Shengzhen, Chengdu etc. due to coronavirus epidemic.

c) Government information disclosure is not timely. In the era of mass media, the spread of Internet rumors has become rapid and uncontrollable. Once a rumor appears, if it is not dealt with and clarified in time, it is very easy to have a significant impact. Only when the government publicizes the information in time, the rumors can be eliminated quickly. The untimely disclosure of government information provides an opportunity for rumors to spread.

d) Business interest. At present, rumors are more and more closely related to economic activities. In order to expand market share and satisfy their own interests, some rumor makers ignored social morality and even violated the law. For example, some distributors spread the rumor that taking such Chinese traditional remedies as agilawood, ginger, fevervine (*Paederia*) etc. can prevent people from getting coronavirus infection.

e) People's curiosity. People tend to be interested in some uncertain new information or unconfirmed information related to their life, and unconsciously spread it widely.

NOVEL CORONAVIRUS RUMOR CONTROL POLICY IN CHINA

China has one of the world's most restrictive media environments, relying on censorship to control information in the news, online, and on social media. According to the 2020 World Press Freedom Index, compiled by Reporters Without Borders, China is the world's biggest jailer of journalists, holding around 100 in detention [7].

The Chinese government has taken a number of 'anti-online-rumor' measures during COVID-19. The national and local rumor-refuting platforms have set-up dedicated rumor-refuting sections. For example, the local rumor-refuting platforms in Beijing had exposed 600 rumors about COVID-19 by 24 May and also clarified corresponding truth for all misinformation [9].

Since late January 2020, popular social media platforms, such as WeChat and Tiktok, have initiated special rectification campaigns against COVID-19-related rumors. Fake news has been swiftly removed and accounts that spread misinformation shut down. Major news apps such as Xinhua News, Tencent News and WeChat public accounts of the Communist Youth League Central Committee as well as Sina Weibo provide dedicated sections for rumor detection and fact checking.

Various local governments, with the support of propaganda department, health commission and police bureau, have initiated anti-rumor campaign to combat locally relevant fake news [8].

Rumor-mongers, who spread fake news on social media, have been detained by local police in accordance with the Security Administration Punishment Law. In the beginning of February 2020 more than 250 people have been punished in China for spreading rumors related to the novel coronavirus, and its undermining trust in official sources [10].

The news of punishing rumor-mongers has been widely circulated on social media to deter others. Propaganda banners, 'Do not produce, circulate or believe rumors and be law-abiding citizens', have been plastered all over the cities and villages. Last but not the least, the central and various local governments along with state media proactively use social media to feed the public with timely and authoritative official news information. The censorship policy of the Chinese government and the methods used to control the spreading of new coronavirus rumors are shown in *Table*.

Table. Novel coronavirus rumor control mechanisms in China

N	Mechanisms	Explanation
1	Government agencies involved in Internet Governance	The Ministry of Public Security (MPS) of the People's Republic of China carries out cybersecurity supervision and inspections by the police. The Cybersecurity Law requires network operators to provide technical support and assistance to public security organs (the police) and national security organs that are safeguarding national security and investigating criminal activities in accordance with the Law. The Regulation contains specific measures the police may take in the network security inspections, including physically entering the business sites, machine rooms, and offices; requiring managers or network safety personnel to explain items that are under inspection; reviewing and copying relevant information; and checking how technical measures to safeguard network and information security are running.
2	Civil liability	The Cybersecurity Law of the People's Republic of China states that whoever creates or spreads rumors shall be detained for not less than 5 days but not more than 10 days and may also be fined not more than 500 yuan (approximately \$76.5); if the circumstances are relatively minor, he shall be detained for not more than 5 days or fined not more than 500 yuan.
3	Criminal responsibility	The Law states that, if a post is tagged as a rumor and it is retweeted more than 500 times and/or viewed/clicked more than 5000 times, the originator of the post can be charged and sentenced to imprisonment for up to 3 years. If serious consequences are caused, originator of the post can be sentenced to fixed-term imprisonment of not less than 3 years but not more than 7 years. The penalty also includes limiting access to the website.
4	Limit website access	The government blocks website content and monitors Internet access. Methods used to block websites and pages include DNS spoofing, blocking access to IP addresses, analyzing and filtering URLs, packet inspection, and resetting connections.
5	Practice of network real name system	All the old users who registered before should submit their real name ID information (national identity number or passport number). Otherwise, they might not be possible to post, comment, and retweet. All the new users would be required to submit their real name ID information when registered. Otherwise, they could not register successfully. This users' real name information will not be published on their profile but saved in the system.
6	Official information release mechanism	Most official media and government departments launched official micro-blogs, websites or created official accounts in network; an official platform for releasing rumors was launched as well (较真查证平台).
7	Automatic rumor detection systems	Many efforts have been taken to defeat online rumors automatically by mining the rich content provided on the open network with machine learning techniques. Most rumor detection methods can be categorized in three paradigms: the hand-crafted features based classification approaches, the propagation-based approaches and the neural networks approaches.
8	Community restriction and supervision	Based on the community reporting and monitoring system, many platforms introduced a community Code of Practice (CoP) and developed its own official rumor-busting service platform to punish users who violate its rules. The people's police is in the supervision of public information network security as well.
9	The national platform of rumor refutation	Chinese Ministry of Public Security jointly launched the online platform for rumor refutation (辟谣平台). It observes the online rumors' related issues and releases reports about the work on verifying and refuting rumors. The platform allows netizens to provide links or upload screen-shots with the location of the alleged false information on any social media platforms.
10	Propaganda	'Do not produce, circulate or believe rumors and be law-abiding citizens'

Source: compiled by the author.

Due to China's strong control and complicated censorship of the Internet and social media, it is ranked 177th out of 180 countries in the World Press Freedom index [7]. However, China, with its authoritarian political system and stricter information control, has effectively restricted the circulation of fake news/rumors during COVID-19 outbreak.

According to the number of rumors released by "Jiaozhen" platform, January 21, 2020 the number of rumors, information released increased to 7. Since then, the amount of rumors information has been on the rise (7 messages per day). It can be seen that January 21 was a turning point for the sudden increase in the number of epidemic rumors. Then, with the gradual deepening of the public's understanding of the new coronavirus, the number of rumors received from various channels gradually decreased to 1-2 messages per day.

Nevertheless, Chinese government still have some problems in dealing with rumor spread and Internet security. The problems of Chinese rumor control policy are as follows:

a) The dilemma of legal system. Chinese relevant legislation on Internet rumors is still in the exploratory stage, the legal regulation is still to be improved, and the legislative level is low. The laws and regulations for Internet rumors are too general and conceptualized, and are not practical. Laws and regulations on Internet rumors are not detailed enough, and need to be further improved in the future.

b) The supervision system of network platform. With the advent of AI Artificial Intelligence era, it may even be difficult to determine whether the user at the other end of the app is a real person or an intelligent robot. Internet rumor makers make up and spread rumors under the identity of others. Take Wechat and Weibo as an example. Although the platform requires users to provide mobile phone number for account binding to obtain the user's real information when registering Wechat and Weibo, there are still situations, when some users steal other people's social accounts, and at the same time, there are also cases of buying and selling social accounts. This kind of behavior makes its difficult for the public security to confirm the identity of the rumor. Internet rumor makers hide their personal identity and location.

In order to protect the flow of information, China controls the information on the Internet and restricts the access to some websites. This policy is not effective, because VPN (Virtual Private Network) users can break the restrictions, and the more restricted the website is, the higher it's popularity.

CONCLUSION

After the outbreak of the epidemic, the public all over the world panic and fear. If the official media is silent, rumors surely enter. The rampant rumors during the epidemic situation do not only hinder the process of epidemic prevention and control, but also cause social disorder and bring immeasurable consequences.

There are many kinds of online rumors in China during the epidemic period. The main contents include the outbreak situation of the epidemic situation, the source of disease infection, the isolation and management of epidemic situation, the methods of epidemic prevention, and the management of anti-epidemic materials. In order to let the rumors get better governance, we must rely on the joint efforts of the government and the people.

Nowadays, the Chinese government has improved the transparency of information, launched a website to fight the misinformation, improved the legal system, etc. China, with its authoritarian political system and stricter information control, has effectively restricted the circulation of fake news/rumors during COVID-19 outbreak, however, there are still some problems, that slow down the governance of rumors. Nevertheless, China appears to have gained the upper hand in its struggle against COVID-19. China's experience in containing the spread of the new coronavirus and rumors could serve as a lesson for other countries now facing the COVID-19 pandemic.

REFERENCES

1. Allport G.W., Postman L. 1947. The psychology of rumor. New York: Henry Holt. 247 p.
2. CNNIC. 2020. The 45th statistical report on China's internet development. http://www.cac.gov.cn/2020-04/27/c_1589535470378587.htm (accessed 07.06.2020)
3. Jiangsu Jia. 2020. Novel coronavirus pneumonia: epidemic spread and coping strategies of new crown pneumonia epidemic research in Jiangsu. *Science popularization*. № 15 (1), pp.70-78.
4. Luan Yu Shu. 2020. A novel corona virus pneumonia epidemic spread and its governance mechanism - a comprehensive analysis of 318 rumors during the outbreak of novel corona virus pneumonia. *News Research Guide*. № 11 (6), pp. 68-69.
5. 新冠肺炎疫情实时动态. (Novel coronavirus pneumonia -- real-time dynamic. (In Chin.). http://sa.sogou.com/new-weball/page/sgs/epidemic?type_page=kanjianyun (accessed 20.12.2020).
6. 新型冠状病毒肺炎实时辟谣. (Novel coronavirus pneumonia real-time rumors (In Chin.). <https://vp.fact.qq.com/home> (accessed 13.11.2020)
7. RSF.org. 2020. The World Press Freedom Index. <https://rsf.org/en/world-press-freedom-index> (accessed 21.07.2020)
8. Statista.com. 2020. Leading apps by monthly active user number in China as of March 2020. Statista.com. <https://www.statista.com/statistics/1032630/china-leading-apps-by-monthly-active-users/> (accessed 21.06.2020)

9. Qian Ying Fei. 2020. Rumor study on novel coronavirus pneumonia during the epidemic period: based on the analysis of 437 samples of "rumor" platform. *Audio Visual*. № 8.
10. Teng Rui, Cui Mengjie. 2020. Comparison of human rights values between China and the West in epidemic prevention and control: an academic review of the fourth session of the International Symposium on global epidemic prevention and control and human rights protection. *Human Rights*. № 4.
11. Fang Xingdong, Gu Xiao, Xu Zhongliang. 2020. The origin, laws and countermeasures of Infodemic - the out of control and reconstruction of international information dissemination order under the background of new technology. *News and Writing*. № 6, pp. 35-44.
12. Zhang Pengfei, Hao Ju. Research on network rumor response and information management under major epidemic situation. *Journal of Liaoning Public Security Judicial Management Cadre College*. 2020. № 3, pp. 12-18.
13. Zhu Dongmei, He Xueting. 2020. Rumor spreading and information management in major epidemic situations in the new media era. *Journal of Kunming University of Science and Technology (Social Science Edition)*. № 20 (5), pp. 116-122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильева Марина Александровна (Россия), аспирантка (индустрия культуры), Центральный Южный университет, провинция Хунань, г. Чанша, Китай. Marina A. Vasilyeva (Russia), PhD student (Cultural industry), Central South University, Hunan province, Changsha, China

Поступила в редакцию (Received)
15.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
03.02.2021

Экономика Турции: в поисках ответа на вызов пандемии

© Ульченко Н. Ю.^{a, b}, 2021

^a ИСАА МГУ, Москва, Россия;

^b Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0078-1199; ulchenko-n@rambler.ru

Резюме. В статье анализируется развитие ситуации в турецкой экономике в период пандемии COVID-19. Основные трудности, с которыми столкнулась Турция, были обусловлены длительным использованием в предшествующие годы модели роста, основанной на значительном по объему привлечении внешнего кредитования. Таким образом, финансирование мер по поддержке экономики в условиях пандемии было изначально ограничено сокращением доступности ресурсов с погрузившегося в кризис неопределенности и общий спад международного финансового рынка. В то же время альтернатива в лице обращения к МВФ остается крайне нежелательной для властей страны. В результате турецкому правительству приходится делать сложный выбор между самофинансированием антикризисных мер (ростом масштабов эмиссии турецкой лиры) и довольно скудными возможностями получения внешнего финансирования.

Снижение интереса иностранных инвесторов к турецкой экономике в сочетании с увеличением объема денежной массы в турецких лирах, эмитирующей для покрытия чрезвычайных экономических потребностей, привело к существенной девальвации национальной валюты и угрожает финансовой стабилизации, достигнутой значительными усилиями правительства в предыдущие годы правления Партии справедливости и развития. Но попытка защитить национальную валюту путем жесткого решения Центрального банка страны повысить ключевую процентную ставку создает опасные предпосылки для стагнации экономики в условиях снижения доступности кредита. Что касается поиска источников финансирования за рубежом, то развивающееся финансовое партнерство с Катаром вряд ли способно компенсировать сокращение его прежних гораздо более значительных и являвшихся жизненно важными для турецкой экономики объемов.

Ключевые слова: Турция, пандемия, экономический кризис, антикризисные меры правительства, девальвация, Реджеп Эрдоган, Берат Албайрак

Для цитирования: Ульченко Н.Ю. Экономика Турции: в поисках ответа на вызов пандемии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 64-70. DOI: 10.31857/S032150750014283-3

Turkey's economy: in the search of an answer to the pandemic challenge

© Natalia Yu. Ulchenko^{a, b}, 2021

^a Institute of Asian and African Studies, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia;

^b Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0078-1199; ulchenko-n@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the development of the situation in the Turkish economy in the COVID-19 pandemic period.

The main difficulty Turkey faced with was the long-term usage of a growth model based on external sources of financing in the pre-crisis period. Thus, the potential of measures to support the economy within the pandemic was limited by the reduced access to resources of the greatly collapsed international financial market. At the same time, the alternative of appealing to the IMF remained extremely undesirable for the country's authorities. As a result, the Turkish government has to make a very difficult choice between self-financing of anti-crisis measures (rapid emission of Turkish lira) and limited possibilities for searching for external financing.

The decline in foreign investors' interest to the Turkish economy, combined with an increase in the volume of emission to cover emergency economic needs, has led to a significant devaluation of the Turkish lira and threatens the financial stabilization hardly achieved during the previous years of the Justice and Development Party's rule. But an attempt to protect the national currency through a hard-fought decision by the country's Central Bank to raise the political interest rate threatens the prospects of a stagnant economy to reach higher growth rates. As for the search for sources of financing abroad, the developing financial partnership with Qatar is hardly able to compensate the reduction of its previous rather sizeable volumes.

Keywords: Turkey, pandemic, economic crisis, anti-crisis measures of the government, devaluation of Turkish Lira, Recep Erdogan, Berat Albayrak

For citation: Ulchenko N.Yu. Turkey's economy: in the search of an answer to the pandemic challenge. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 64-70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014283-3

ВВЕДЕНИЕ

Подобно большинству государств мира, Турция в условиях стремительного развития пандемии COVID-19 столкнулась с резким ухудшением экономической ситуации и перспективой его перерастания в затяж-

ную тенденцию. Стандартным, с точки зрения общемировой практики, ответом на возникшую ситуацию стала разработка правительством страны программы чрезвычайных антикризисных мер.

КАК ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕШИЛО ПРОТИВОСТОЯТЬ КРИЗИСУ?

Еще 30 марта 2020 г. министр финансов и глава Казначейства Берат Албайрак объявил о начале выделения поддержки по линии государственных банков гражданам с ежемесячным доходом менее 5 тыс. лир¹. Занятым неполный рабочий день (и тем на предприятиях, где сократили масштабы производства или полностью его остановили) выделялась поддержка в размере 3-месячной заработной платы. 5 апреля правительство Турции объявило о принятии комплексной программы по защите национальной экономики - Щит экономической стабильности². Стоимость антикризисного пакета первоначально была определена в 100 млрд лир, или около 2% ВВП. Основные меры поддержки экономики включали как уже объявленные ранее, так и дополнительные, а именно:

- отсрочка по налоговым взносам, социальным выплатам и погашению кредитов для предприятий сектора услуг;
- повышение финансовых лимитов Фонда гарантии кредитов для обеспечения кредитами фирм, имеющих сложности с предоставлением залога;
- обеспечение финансовой поддержки работающим неполный рабочий день или занятым на временных рабочих местах;
- выделение 2 млрд лир на поддержку нуждающихся семей;
- снижение ставки НДС для авиаперевозчиков, осуществляющих внутренние перевозки;
- дополнительные выплаты работникам, получающим минимальную заработную плату;
- повышение минимального размера пенсии до 1500 лир.

Позднее объем средств, выделенных в рамках этой Программы, по заявлению Б.Албайрака, достиг 200 млрд лир, или около 4% ВВП страны [1]. Однако он не достиг считающегося минимально необходимым уровня, который эквивалентен снижению ВВП в условиях кризиса. Первоначально по итогам 2020 г. ожидалось падение ВВП, минимум, на 5%. В то же время в странах Запада объемы антикризисной поддержки оказались много выше: в США - 9% ВВП, в Германии - около 28%, Испании - около 15%. При этом они заметно опережали ожидавшиеся масштабы сокращения экономики. В России данный показатель составил порядка 6% ВВП, что, как будет показано ниже, почти эквивалентно конечному объему антикризисного пакета Турции.

Почему же в стране, возглавляемой Р.Т.Эрдоганом, который непрестанно обеспокоен получением поддержки своего электората (известный турецкий исследователь З.Ониш определяет характер его правления как «контролируемый популизм» [2], видимо, имея в виду личный контроль президента над уровнем своей популярности), отношение к поддержке экономики оказалось довольно сдержанным?

Основных причин две, и при этом они тесно взаимосвязаны.

Первая - крайне высокая степень зависимости экономики Турции от внешнего финансирования. С приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса, который и указывает на необходимую минимальную меру привлечения средств извне. В 2002 г. дефицит имел более чем скромные значения - около \$600 млн. К 2008 г. в результате неуклонного и быстрого роста он достиг \$42 млрд. Снизившись в кризисном 2009 г. в 3 раза, по итогам 2010 г. дефицит превысил предкризисный уровень. Своего исторического максимума он достиг в 2011 г. - свыше \$75 млрд, что соответствовало более 10% валового национального дохода (ВНД) страны [3].

Последующие годы ознаменовались попеременным снижением и ростом размеров оставшегося по-прежнему весьма существенным дефицита. По итогам 2018 г. он составил около \$21 млрд. 2019 г. Турция сумела закончить с положительным сальдо в объеме \$8 млрд, правда, на фоне темпов роста, составивших всего лишь 0,9% [4]. Однако удержать достигнутое по итогам 2019 г. непривычное для Турции состояние преобладания валютных доходов над расходами не удалось: по итогам января-сентября 2020 г. дефицит по счету текущих операций составил около \$28 млрд [5]. Парадокс ситуации заключался в стремительном увеличении дефицита на фоне снижения темпов роста, а значит, и сокращения спроса турецкой экономики на инвестиционные и промежуточные товары.

Дело в том, что в условиях крайней неопределенности перспектив развития турецкой экономики в целом и курса турецкой лиры, в частности, резко возрос интерес к золоту, активный импорт которого и стал

¹ На конец марта 2020 г. курс турецкой лиры к доллару США составлял 6,5 (прим. авт.).

² Koronavirüs: Türkiye ekonomisinin salgının yarattığı krizle başa çıkması için ne yapmalı? <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/koronavirus-turkiye-ekonomisinin-salginin-yarattigi-krizle-basa-cikmasi-icin-ne-yapilmali-1730578> (accessed 06.04.2020)

причиной стремительного роста валютных расходов экономических агентов Турции. Усугубило положение резкое сокращение доходов от туризма.

Вторая причина такого отношения к поддержке экономики - резкое падение интереса иностранных инвесторов к турецкому рынку, как и рынкам других развивающихся стран в условиях потрясений, вызванных коронавирусом.

Чистый приток портфельных инвестиций в Турцию за период с 2017 по 2019 гг. составил \$5,3 млрд. Однако только за 13 недель - с начала 2020 г. по 27 марта - иностранные держатели продали акции турецких компаний на общую сумму \$2 млрд. В этот же период происходил неуклонный вывод средств иностранцев из государственных долговых обязательств Турции, составивший \$4,4 млрд. Что касается долговых обязательств частного сектора, объем их продаж составил чуть более \$60 млн. Таким образом, общий объем оттока капитала составил \$6,5 млрд. Как справедливо резюмировала турецкая пресса, деньги, которые Турции удалось аккумулировать за 3 года, улетучились за 3 месяца, как дым [6].

Сокращение предложения валюты на турецком внутреннем рынке предопределило устойчивый тренд на обесценение турецкой лиры и вынудило Центральный банк Турецкой Республики (ЦБТР) прибегнуть к тактике защиты национальной валюты ценой снижения резервов через механизм валютных интервенций. В итоге, резервы заметно снизились: по оценкам рейтингового агентства *Moody's* за первые 5 месяцев 2020 г. их объем уменьшился наполовину [7]. На май 2020 г. золотовалютные резервы страны оценивались лишь в \$84 млрд [8].

Таким образом, становится понятен смысл неутешительной констатации *Moody's* о том, что Турция осталась один на один с валютным кризисом [7]. В этой ситуации усугубились панические настроения среди инвесторов в преддверии сложностей Турции с возвратом кредитов.

ТУРЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ОБ АНТИКРИЗИСНОЙ ПРОГРАММЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Весной 2020 г. в экономическом сообществе страны развернулась обширная дискуссия о достаточности правительственных мер и возможных альтернативных путях выхода из кризиса. Так, профессор Рефет Гюркайнак - глава экономического департамента Университета Билькент, подчеркивал, что в качестве финансового источника Турции необходимы не только турецкие лиры, но и доллары. В этой связи он предлагал подумать о возможности найти валюту за рубежом, считая, что решением может стать международный фонд типа МВФ.

Позицию Гюркайнака поддержал знаменитый турецкий экономист с мировым именем - Дарон Аджемоглу, ныне представляющий Массачусетский институт технологий. Отмечая, что, прежде всего, Турции необходимо справиться с вирусом, он соглашался и с необходимостью мер для укрепления экономики. С этой точки зрения, отмечал он, Турция нуждается в международной координации: «Нужна надежность, обеспечиваемая МВФ или другой внешней системой. Ввиду ограниченности источников это единственная возможность» [9].

Выдвигались и альтернативные предложения, например, влиятельным в Турции и близким к элитам Фондом экономических и политических исследований (*TEPAV*). В специально подготовленном докладе Фонда ожидавшее Турцию снижение национального дохода оценивалось в 10%. Этой цифрой задавался и необходимой экономике объем поддержки. Для ее предоставления Казначейству и Министерству финансов предлагалось выпустить государственные долговые обязательства на сумму, равную 10% ВВП, и продать их ЦБТР после отмены законодательных ограничений на подобного рода операции. По существу, эксперты *TEPAV* предложили вернуться к использовавшейся в Турции длительное время практике дополнительной денежной эмиссии в интересах исполнительной власти. Авторы предложения признавали риски, которые возникнут в связи с вынужденным согласием ЦБТР на рост денежного предложения, но исходили из того, что «чрезвычайные времена требуют чрезвычайных решений» [10].

У изложенной выше позиции есть сторонники, например, известный турецкий экономист Махфи Эгильмез, занимавший в конце 1990-х гг. пост помощника главы Казначейства Турции и являвшийся в те же годы Управляющим от Турции во Всемирном банке. Точнее, его точка зрения состояла в признании существующих альтернатив: если не использовать поддержку МВФ, единственное доступное средство выживания - печатать деньги. «При условии изменения закона и ограничении сроков использования и объемов можно прибегнуть к краткосрочным авансам (кредитам. - *Н.У.*) Центрального банка Казначейству», - соглашался он [10].

По состоянию на начало июня 2020 г., рейтинговое агентства *Moody's* рассматривало следующие актуальные варианты экономического сценария для Турции на ближайшее будущее:

1. Не препятствовать обесценению турецкой лиры до момента достижения естественного дна, что чревато дальнейшим падением темпов роста экономики и увеличением государственного долга при пересчете по новому курсу;

2. Продолжая поддерживать курс лиры, перейти к незамедлительному осуществлению пакета структурных реформ;

3. Обратиться в целях поддержки реформ к МВФ, что представлялось маловероятным в силу политических ограничений (речь идет о нежелании президента Р.Т.Эрдогана возобновлять сотрудничество с Фондом, о чем подробнее будет сказано ниже);

4. Использование внешней помощи, которая может быть запрошена в рамках двусторонних отношений, но успешность подобных попыток расценивалась как сомнительная с учетом того обстоятельства, что Турция слишком крупное государство с весьма глубокими структурными дисбалансами в экономике.

5. Ограничение на валютные операции в целях экономии валюты, но подобный выбор с учетом импортозависимого характера турецкой экономики рассматривался как чреватый уроном для местных предприятий [7].

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ: АНТИКРИЗИСНЫЙ ВЫБОР ПРАВИТЕЛЬСТВА ТУРЦИИ

Что касается практических шагов, то речь шла, в первую очередь, о предпочтительных способах финансирования антикризисных мер, а уж затем о возможности, полноте и последствиях их применения.

При выборе этих способов правительство вынуждено считаться с ограничениями, связанными с необходимостью поддержки имиджа президента Турции Р.Т.Эрдогана, благо министр финансов и глава Казначейства Берат Албайрак - человек не случайный, а зять президента.

Эрдоган имеет имидж сильного лидера, который не сгибается перед внешними силами и международными финансовыми организациями. Важная часть его политической карьеры - принятое в 2010 г. решение о разрыве кредитного сотрудничества с МВФ, начавшегося еще до прихода к власти ПСР, а именно - в 1999 г.

«После долгих раундов переговоров, - писал по этому поводу З.Ониш, - правительство ПСР решило не подписывать [не пролонгировать] соглашение с МВФ. Этот шаг был преподнесен общественному мнению как проявление национальной силы и самостоятельности: отныне Турция располагала достаточной экономической мощью, чтобы не опираться на МВФ, что выглядело необычным и даже уникальным для всякого, кто хотя бы отчасти знаком с историей предыдущих турецких кризисов. Все это открыто взывало к национальным чувствам широких сегментов турецкого электората» [11].

Но имидж - не только репутационное достижение, но и бремя ограничений, которых необходимо придерживаться для его поддержания. Поэтому не приходится сомневаться в отрицательном отношении Эрдогана к новому «порабощению» Турции Международным валютным фондом. Усугубляется положение и тем обстоятельством, что поскольку Эрдоган остается популярным лидером в своей стране, вполне предсказуемо 70% опрошенных Стамбульским центром экономических исследований высказались против соглашения с МВФ³. Итак, Эрдоган - вынужденно ли, добровольно ли - не спешит стучаться в двери МВФ.

Существуют некоторые, правда, довольно ограниченные альтернативы в рамках стратегической нацеленности на привлечение внешних источников финансирования - использование двусторонних договоров, которые были упомянуты выше, но оценивались экспертами как малоперспективные. И действительно, турецкие власти попытались было начать переговоры с США об открытии своп-линии на \$10 млрд⁴. Однако они закончились безрезультатно ввиду неурегулированности проблемы дефицита внешней торговли Турции и связанных с этим сомнений регулятора США (как оказалось, справедливых) в устойчивости турецкой лиры.

Тем не менее, подобное соглашение удалось заключить в мае 2020 г. с ближневосточным союзником Турции - Катаром: турецкой стороне удалось получить краткосрочный заем в объеме \$10 млрд [12].

В качестве дополнительной меры улучшения валютного положения страны Б.Албайрак объявил о кредитной поддержке инвестиций экспортноориентированного и импортозамещающего свойства, общий объем предусмотренных кредитов - 400 млн лир (около \$60 млн) сроком на 10 лет. С другой стороны, было объявлено о планах правительства повысить сборы с импорта стиральных машин, сельскохозяйственной техники, некоторых видов оргтехники [13].

Однако ограниченный эффект от применения этих мер делает неизбежным обращение к эмиссии национальной валюты. В пользу готовности правительства решиться на такой выбор свидетельствовал один из тезисов выступления Б.Албайрака 6 июня перед представителями экономических изданий и экономистами. Он отметил, что в чрезвычайной ситуации сегодняшнего дня контроль над размерами

³ Financial Times: Türkiye koronavirüs krizini IMF'siz atlatmaya çalışıyor. <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-52820368> (accessed 27.05.2020)

⁴ Свop-линия (*Swap Line*) - договор между двумя центральными банками различных государств об обоюдном обмене валют согласно зафиксированному курсу. В данном случае ожидалось, что федеральная резервная система США приобретает для себя турецкую валюту, предоставляя ЦБТР американские доллары (*прим. авт.*).

дефицита бюджета не является приоритетом. Приоритет - экономическая стабильность и поддержка занятости.

По итогам июля 2020 г., дефицит бюджета достиг беспрецедентного размера в 30,7 млрд лир. [14]. Как следует из сказанного, правительство продолжало активную антикризисную политику в условиях остающегося ограниченным внешнего финансирования, т.е. полагаясь, главным образом, на ресурс эмиссии. По данным ЦБТР, денежное предложение (M1) выросло в годовом исчислении к сентябрю 2020 г. на 90%, а к октябрю - на 94% [15]. В этих условиях основной пострадавший - курс турецкой лиры, давление на который оказывает ее собственное растущее предложение. К тому же Центральный банк, по всей видимости, отказался от дальнейшей поддержки лиры, о чем свидетельствует замораживание объема валютных резервов - в октябре они оставались на уровне мая 2020 г. [16]. В итоге, к августу 2020 г. лира потеряла 20% стоимости. Согласно подсчетам английской *The Times*, за время пребывания Эрдогана на посту президента, т.е. с 2018 г., курс лиры понизился с 4,73 за доллар до 7,3 [17], что соответствует не самому низкому значению периода кризиса.

Что касается политики Центрального банка страны по защите лиры, на протяжении долгого времени он был весьма ограничен в своих возможностях, помимо валютных интервенций. Более того, на начальном этапе кризиса он действовал в направлении роста доступности кредитов в национальной валюте. Так, в начале года 2020 г. ЦБТР провел двукратное снижение ключевой процентной ставки, например, 17 марта - на 100 базисных пунктов. Кроме того, Банк также принял меры, направленные на рост предложения ликвидности в целях более эластичного обеспечения потребности национальных банков в средствах, а реального сектора - кредитами, а именно повысил объем скупки казначейских бонн.

Но в скором времени ввиду стремительной девальвации турецкой лиры актуальными стали меры противоположного характера. Однако их принятие было затруднено неизменно отрицательным отношением Эрдогана, ярого сторонника доступных кредитов, к повышению процентных ставок. В итоге, ЦБТР вынужден проводить тактику обходных маневров (так, в августе 2020 г. ЦБТР объявил об отказе от предоставления ликвидности банкам для совершения сделок на открытом рынке), действуя в условиях поддержания неизменной учетной или, как ее именуют в Турци, исходя из ее глубоко резонансного влияния на состояние денежного рынка, - «политической» ставки - 10,25%.

По состоянию на вторую половину августа 2020 г., специалисты банковского сектора говорили о необходимости значительного повышения учетной с подведением ее к уровню 11,25 - 12,25%, равно как и выражали убеждение, что этого не будет сделано. Они предрекали, что ЦБТР, так и не решившись на ее пересмотр, будет продолжать двигаться по пути повышения реальной рыночной цены денег - той, что устанавливается по итогам торгов на использование предлагаемого ЦБ объема ликвидности, вынуждая банки на практике к использованию более дорогого, а, следовательно, ограниченного фондирования [18]. Однако подобная тактика не позволяла эффективно защитить лиру. В то же время, по состоянию на конец сентября 2020 г., учетная ставка, как и предполагали эксперты, оставалась на прежнем уровне.

Таким образом, Турция, отказавшись от защиты лиры, попыталась вернуться к опасной, на наш взгляд, модели роста, поддерживаемого раздутым денежным предложением. Положительной стороной избранной тактики стало лишь то, что, по оценкам Албайрака, относящимся к концу сентября, общий объем антикризисной поддержки достиг 494 млрд лир, или 10% национального дохода страны [19].

Определенные оптимистичные ожидания стали оправдываться для Турции пусть с запоздалым, но началом туристического сезона. Оживление началось в конце лета: в течение августа в Турцию прибыло в два раза больше иностранных туристов, чем в июле, - 1,8 млн человек, в сентябре - 2,2 млн [20]. И хотя эти показатели в 2-3 раза уступали показателям предыдущего года, 13 экономистов, опрошенных *Forex* в конце августа, предсказывали сокращение экономики Турции по итогам 2020 г. всего лишь 1,5% [21]. Албайрк с уверенностью заявил, что кризис в экономике страны обрел V-образную траекторию, т.е. проявляется тренд к быстрому восстановлению, и рост по итогам 2021 г. составит 5% [22].

Согласно программе среднесрочного развития Турции на 2021-2023 гг., оглашенной Албайраком в конце сентября 2020 г., по итогам 2020 г. Турцию ожидает слабый положительный рост в 0,3%. Однако сам «родитель» прогноза, не выдержав чрезвычайного напряжения периода, в ноябре 2020 г. заявил о своей отставке, тем более, что начавшийся рост заболеваемости ковидом поставил под угрозу оптимизм теперь уже бывшего министра финансов.

Из относительно положительных моментов экономической динамики следует отметить решение Эрдогана об очередной отставке главы ЦБ по обвинению в проведении на деле политики «дорогих» денег и замене его на новую фигуру - Наджи Агбала, которому, очевидно, было позволено принять «революционно» смелое решение по защите курса обесцененной лиры - и повысить ключевую ставку (с 10,25 до 15%, а в самом конце 2020 г. - до 17%). «Чтобы наш народ мог с уверенностью смотреть в будущее, мы не будем избегать неотложного принятия необходимых мер. Мы понимаем, что на данном этапе необходимо принять горькие лекарства», - прокомментировал свое решение Р.Т.Эрдоган [23].

Можно с осторожностью предположить, что данная мера позволила увидеть «дно» в процессе падения лиры: ее курс, достигнув к середине декабря 7,8 за доллар США, в январе 2021 г. повысился до 7,4 [24].

Но прекратив падение, лира набирает вес довольно медленно. Экономике Турции придется следовать в весьма узких рамках альтернатив между поддержкой пораженной пандемией экономики и удержанием столь непросто завоеванной Турцией в последние годы финансовой стабильности.

«У Турции не остается выбора, - цитирует *The Times* высокопоставленного служащего турецкого банка. - Приход в экономику страны чистых денег с зарубежных рынков нуждается в прозрачности экономики, обеспечиваемой серьезными реформами и преобразованиями. Между тем, Эрдоган заявил о нежелании обращаться в МВФ. Рост процентных ставок и связанная с ним ограниченность кредитования означают начало рецессии и создают ясное представление о том пузыре, который был раздут (и вероятно, будет раздуваться в дальнейшем. - Н.У.) вокруг роста Турции. Кому, как не Эрдогану, пришедшему к власти на фоне валютного кризиса, известно о серьезных политических последствиях создавшегося положения»⁵.

Но, возможно, не все так безнадежно в турецкой экономике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дороговизна кредитов и валюты означают сокращение возможностей импорта и ограничение роста турецкой экономики, нуждающейся в ввозе сырья, оборудования и промежуточных изделий. Но параллельно открываются и некоторые перспективы. Обесценившаяся лира создает предпосылки для более успешного экспорта, а высокие процентные ставки способны привлечь в страну иностранных инвесторов. Тогда в отдаленном будущем на фоне роста валютных доходов можно ожидать укрепления лиры.

Привлекая иностранных инвесторов высокими процентами, Турция вернется к прежней модели роста, зависимость от доступности внешнего финансирования, а потому принципиально не устойчивой. Тем не менее, временное решение проблемы обретения драйверов экономического восстановления вновь может мешать началу структурной перестройки. Однако есть вероятность, что расстроенный пандемией международный финансовый рынок слабо отреагирует на высокую доходность Турции. Тогда простор для маневрирования в экономической сфере окажется совсем узким и, видимо, вынудит к крайним непопулярным мерам - развитию на собственной основе в условиях ограниченности средств и использования жестких методов повышения эффективности. Другими словами, Турция окажется вынужденной к структурным реформам в неблагоприятных условиях ограниченности финансовых ресурсов.

Оба выбора неоднозначны с точки зрения плюсов и минусов. Ясно лишь, что Турции, как и многим мировым экономикам, предстоит сложный путь к выходу из сегодняшних проблем и будущему росту.

REFERENCES

1. Berat Albayrak: Koronavirüs için alınan ekonomik önlemlerde 200 milyar TL'ye ulaştı. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/berat-albayrak-koronavirus-icin-alinan-ekonomik-onlemlerde-200-milyar-tlye-ulasti-1735083> (accessed 30.04.2020)
2. Öniş Z. Turkey under the challenge of stste capitalism: the political economy of the late AKP era, p. 8. <http://home.ku.edu.tr/~zonis/Onis-SEEBS-2019.pdf> (accessed 11 12.2020)
3. Ekonomik Rapor 2008, s. 170; Ekonomik Rapor 2010, s. 14; Ekonomik Rapor 2012, s. 207.
4. EKONOMİK GÖRÜNÜM. Ağustos 2020. Ankara, T.C.Ticaret Bakanlığı, 2020, s. 4. <https://ticaret.gov.tr/data/5e18288613b8761dcd355ce/Ekonomik%20Görünüm%20Ağustos%202020.pdf> (accessed 25.08.2020)
5. Türkiye Cumhuriyeti Merkez Bankası. Ödemeler Dengesi İstatistikleri. Eylül 2020. <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/609ef884-3b3c-4bc3-84fe-9254244c3490/odemelerdengesi.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-609ef884-3b3c-4bc3-84fe-9254244c3490-npgCnjs> (accessed 30.09.2020)
6. Türkiye'ye 3 yılda giren para 3 ayda buhar oldu. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiyeye-3-yilda-giren-para-3-ayda-buhar-oldu-1731154> (accessed 05.04.2020)
7. Moody's'ten kritik Türkiye açıklaması: Döviz rezervlerinin yarısını tüketti. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/moodysten-kritik-turkiye-aciklamasi-doviz-rezervlerinin-yarisini-tuketti-1743760> (accessed 08.06.2020)
8. Uluslararası Rezervler ve Döviz Likiditesi. <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/264ced94-946c-4bbf-a394-7333fa1ffe16/RT202011T.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-264ced94-946c-4bbf-a394-7333fa1ffe16-nqE9o-6> (accessed 25.05.2020)
9. Daron Acemoğlu'ndan korkutan uyarı: Yaşanan hafif bir resesyon değil. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/daron-acemoglundan-korkutan-uyari-yasanan-hafif-bir-resesyon-degil-1732112> (accessed 10.04.2020)
10. Koronavirüs: Türkiye ekonomisinin salgının yarattığı krizle başa çıkması için ne yapmalı? <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/koronavirus-turkiye-ekonomisinin-salginin-yarattigi-krizle-basa-cikmasi-icin-ne-yapilmali-1730578> (accessed 01.04.2020)

⁵ The Times: Türkiye'nin Lira'yı kurtarmak için seçenekleri azalıyor. <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-53806530> (accessed 17.08.2020)

11. Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. Ankara, Koç University, 2012, p. 12. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2003026 (accessed 07.03.2013)
12. Kısa vadeli dış borç Merkezle arttı. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/kisa-vadeli-dis-borc-merkezle-artti-1752809> (accessed 20.07.2020)
13. Albayrak: İthalatı azaltıp ihracatı artıracak yatırımları destekliyoruz. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/albayrak-ithalati-azaltip-ihracati-artiracak-yatirimlari-destekliyoruz-1743815> (accessed 08.06.2020)
14. Hazine ve Maliye Bakanlığı açıkladı: Temmuz ayında dev açık! <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/hazine-ve-maliye-bakanligi-acikladi-temmuz-ayinda-dev-acik-1757478#:~:text=Hazine%20ve%20Maliye%20Bakanligi%2C%20temmuz,milyar%20227%20milyon%20lira%20oldu.&text=AA%27nn%20servis%20ettiği%20habere,793%20milyon%20lira%20açık%20oluşturdu> (accessed 10.08.2020)
15. Türkiye Cumhuriyeti Merkez Bankası.Ekim Ayı Parasal Gelişmeleri. Ankara, 30 Kasım 2020. S. 1. <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fbd95ed0-30d3-4333-9b68-27d069b83e21/Parasal+Gelişmeler.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-fbd95ed0-30d3-4333-9b68-27d069b83e21-nooWGHP> (accessed 30.10.2020)
16. Uluslararası Rezervler ve Döviz Likiditesi. <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/264ced94-946c-4bbf-a394-7333fa1ffe16/RT202010T.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-264ced94-946c-4bbf-a394-7333fa1ffe16-no8w6vI> (accessed 30.10.2020)
17. The Times: Türkiye'nin Lira'yı kurtarmak için seçenekleri azalıyor. <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-53806530> (accessed 17.08.2020)
18. Örtülü faiz artışına rağmen dolardaki artış durdurulamıyor! TL/dolar 7.40'ı aştı. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/ortulu-faiz-artistina-ragmen-dolardaki-artist-durdurulamiyor-tldolar-740i-asti-1759196> (accessed 18.08.2020)
19. Bakan Albayrak Yeni Ekonomi Programı'nı açıkladı. <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/bakan-albayrak-yeni-ekonomi-programini-acikladi/1989095> (accessed 29.09.2020)
20. T.C.Kültür ve Turizm bakanlığı. <https://yigm.ktb.gov.tr/TR-9851/turizm-istatistikleri.html> (accessed 12.01.2021)
21. Ekonomistler Türkiye ekonomisi için yüzde 10.7 küçülme bekliyor. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/ekonomistler-turkiye-ekonomisi-icin-yuzde-107-kuculme-bekliyor-1761384> (accessed 27.08.2020)
22. Bakan Berat Albayrak: 2'nci yarıda 'V' şeklinde toparlanma bekliyoruz. <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/bakan-berat-albayrak--2nci-yarida-v-seklinde-toparlanma-bekliyoruz-1764586> (accessed 09.09.2020)
23. Merkez Bankası'nın faiz kararına Erdoğan'dan ilk yorum. https://www.sozcu.com.tr/2020/ekonomi/son-dakika-merkez-bankasinin-faiz-kararina-erdogandan-ilk-yorum-6133566/?utm_source=dahafazla_haber&utm_medium=free&utm_campaign=dahafazlahaber (accessed 27.11.2020)
24. Türkiye Cumhuriyeti Merkez Bankası. <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/TR/TCMB+TR/Main+Menu> (accessed 11.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ульченко Наталия Юрьевна, доктор экономических наук, зав. кафедрой ИСАА МГУ, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Natalia Yu. Ulchenko, Dr.Sc. (Economics), Head, Department of Economy and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.02.2021

Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества

© Алешин К.А.^a, Баринов А.К.^b, Сугаков Г.К.^c, 2021

^{a,b,c} Институт Африки РАН, Москва, Россия

^a ORCID ID: 0000-0002-2749-1044; kirill.aleshin@inafr.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-8388-9463; a.barinov@inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6270-209X; g.sugakov@inafr.ru

Резюме. В 2020 г. состоялась онлайн-конференция «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». Организаторами выступили Институт Африки РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ и Молодежный парламент Государственной Думы РФ. Мероприятие было проведено под эгидой Интеграционного клуба при Председателе Федерального Собрания Российской Федерации, а также при поддержке Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА).

Целью конференции, участие в которой приняли представители органов власти, ведущие африканисты и экономисты Российской Федерации, общественные деятели, стало уточнение экономических и социально-политических последствий COVID-19 в Африке и разработка предложений по смягчению последствий пандемии. На этом мероприятии были рассмотрены трудности, с которыми столкнулись страны Африканского континента в связи с распространением новой коронавирусной инфекции: спад экономического развития, падение производства и спроса на сырьевые товары, продовольственный кризис, рост безработицы и нищеты, угроза эскалации внутренних конфликтов и т.д. Участники конференции пришли к выводу, что пандемия COVID-19 обострила схожие экономические и социально-политические проблемы в России и в странах Африки. В целях борьбы с данными проблемами необходимо укреплять практическое сотрудничество Российской Федерации со странами Африки на основе комплексных договоренностей, достигнутых в ходе первого российско-африканского саммита и экономического форума в октябре 2019 г. Этого можно добиться только путем скоординированной работы органов государственной власти, деловых и научных кругов как с российской, так и с африканской стороны.

Ключевые слова: Российско-африканское сотрудничество, международные экономические отношения, гуманитарное сотрудничество, посткризисное мироустройство, глобализация, Саммит «Россия-Африка», Экономический форум «Россия-Африка», пандемия, COVID-19

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Алешин К.А., Баринов А.К., Сугаков Г.К. Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 3. С. 71-77. DOI: 10.31857/S032150750014284-4

Russia and Africa in modern world: new challenges and prospects for cooperation

© Kirill A. Aleshin^a, Andrey K. Barinov^b, Gleb K. Sugakov^c, 2021

^{a,b,c} Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

^a ORCID ID: 0000-0002-2749-1044; kirill.aleshin@inafr.ru

^b ORCID ID: 0000-0001-8388-9463; a.barinov@inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-6270-209X; g.sugakov@inafr.ru

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Abstract. In 2020 an online conference entitled "Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation" was held by the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, the Financial University under the Government of Russia and the Youth Parliament of the Russian Federation State Duma. The event was organized under the auspices of the Integration Club under the Chairman of the Russian Federation of the Federal Assembly, as well as with the support of the Russian Committee of Solidarity and Cooperation with the Peoples of Asia and Africa (RCSCAA).

The aim of the conference was a clarification of the economic and socio-political implications of COVID-19 in Africa and the development of proposals to mitigate the effects of the pandemic. The event examined the difficulties of the African continent that were

exposed by the coronavirus: the decline in economic development, the fall in production and demand for raw materials, the food crisis, the increase in unemployment and poverty, the growth of threat of internal conflicts, etc. The conference participants concluded that the countries of the continent in order to combat the problems raised by COVID-19 need to strengthen practical cooperation with the Russian Federation on the basis of comprehensive agreements that were reached during the first Russia-Africa Summit and Economic Forum in October 2019. This can only be achieved through coordinated work between the state authorities, business and academic circles.

Keywords: Russian-African cooperation, international economic relations, humanitarian cooperation, international competition, post-crisis world order, globalization, summit "Russia-Africa", economic forum "Russia-Africa", pandemic, COVID-19

For citation: Aleshin K.A., Barinov A.K., Sugakov G.K. Russia and Africa in modern world: new challenges and prospects for cooperation. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 3. Pp. 71-77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014284-4

В 2020 г. в Институте Африки РАН состоялась онлайн-конференция «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества» в партнерстве с рядом органов государственной власти России, ведущими образовательными и общественными организациями [1; 2]. В ней участвовали сенаторы РФ **Г.Б.Карасин**, **И.Н.Морозов**, депутаты Государственной Думы Федерального собрания РФ **М.Е.Бугера** и **И.А.Юмашева**.

Модератором пленарной сессии выступила директор Института Африки РАН **И.О.Абрамова**. Во вступительном слове она предложила участникам сосредоточиться на социально-экономических и политических последствиях пандемии новой коронавирусной инфекции - сегодня основным вызовом, одинаково актуальным и для России, и для стран Африки.

Конференция была открыта видеообращением **И.М.-С.Умаханова**, заместителя председателя Совета Федерации ФС РФ, президента Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА) [3]. По его словам, африканское направление сегодня является одним из приоритетов для нашей страны, важно продолжать диалог между нашими странами как на политическом, так и на общественном уровне с помощью «народной дипломатии» [4].

В своем видеообращении первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре **Г.Б.Карасин** отметил положительное влияние первого Саммита «Россия-Африка» и Экономического форума «Россия-Африка» на динамику взаимных отношений, которое можно назвать долгожданным разворотом в сторону Африки.

Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре **И.Н.Морозов** подчеркнул важность гуманитарной составляющей, без которой невозможно эффективно выстраивать торгово-экономическое и инвестиционное взаимодействие со странами континента. Важным фактором при этом должно являться образование, причем не только высшее, но и среднее профессиональное. По его словам, детальной проработки также требует вопрос финансовой поддержки российского бизнеса в Африке. Обсуждение таких инструментов и механизмов возможно в рамках отдельного мероприятия с участием Института Африки РАН и Финансового университета. При этом, как отметил в ходе дальнейшей дискуссии директор Департамента внешних связей и работы с деловыми советами ТПП РФ **А.В.Копков**, российские предприниматели демонстрируют готовность выходить на рынки стран Африки, и африканский бизнес, в свою очередь, также заинтересован в сотрудничестве [5].

Посол по особым поручениям МИД России, руководитель Секретариата «Форума партнерства Россия-Африка» **О.Б.Озеров** отметил, что сегодня мы находимся в новой реальности российско-африканских отношений благодаря успешному проведению первого Саммита «Россия-Африка», при этом долгосрочная политическая линия не должна претерпевать серьезных изменений в связи с пандемией коронавируса. Больше внимание должно уделяться информированию общественности о результатах деятельности на этом направлении, например, о гуманитарной помощи, оказанной нашей страной Джибути, ДР Конго, Маврикию, ЮАР, Танзании, Ботсване в период пандемии.

Член Комитета ГД по международным делам **И.А.Юмашева** согласилась, что российские СМИ уделяют недостаточно внимания Африканскому континенту, а представления минувших десятилетий об Африке, как о бесперспективном континенте, не соответствуют действительности. Но именно этот «синдромом прошлого» может препятствовать широкому освещению новостей континента в российском информационном пространстве.

Член Комитета ГД по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям **М.Е.Бугера** остановился на вопросах функционирования мировой экономики после пандемии коронавируса. По его словам, восстановление спроса на энергоресурсы, от снижения которого на мировом рынке пострадали, в том числе, африканские страны, может занять очень продолжительное время. Однако Африка находится в достаточно выигрышном положении, т.к. значительная часть ее ресурсов востребована в высокотехнологичных секторах экономики.

Д.Е.Сорокин, научный руководитель Финансового университета, обратил внимание на такое последствие пандемии, как разрыв технологических цепочек. При этом спрос на природные богатства Африки останется неизменным, в т.ч. по причине того, что сам набор традиционных ресурсов постоянно меняется, и на смену менее востребованным полезным ископаемым в любом случае придут более востребованные.

По мнению представителя Африканского континента, генерального директора Международного координационного совета выпускников учебных заведений ИНКОРВУЗ-XXI **А.Г.Кочофы**, баланс сил в посткоронавирусном мире изменится. Пандемия коснулась Африки в меньшей степени в связи с низкой включенностью в мировую транспортную систему, а также благодаря большому опыту борьбы с различными инфекционными заболеваниями. Он подчеркнул важность многогранного взаимодействия Африки с Россией. К числу наиболее перспективных сфер **А.Г.Кочофа** отнес горнодобывающую промышленность, энергетику, военно-техническое сотрудничество, медицину, кибербезопасность, но самым важным, на его взгляд, является образование.

Заместитель директора ИАФР РАН **Л.Л.Фитуни** отметил необходимость выработки такой системы мер поддержки российской экономики, благодаря которой было бы возможно продолжение наращивания внешнеэкономических связей с африканскими партнерами после пандемии. При этом в условиях будущих глобальных конфронтаций, являющихся неизбежными, важное значение приобретает диверсификация собственной экономики.

Рассмотрение гуманитарной составляющей в ходе дискуссии продолжил член дирекции, руководитель группы прикладных исследований ИАФР РАН **К.А.Алешин**, приведший значительное количество примеров гуманитарного сотрудничества России со многими странами Африки. Образование и медицина являются ключевыми направлениями этого сотрудничества. Заместитель первого проректора по работе с органами власти и региональному развитию Финансового университета **П.С.Селезнев** затронул вопрос онлайн-образования, которое стало особенно актуальным в период пандемии. Тем не менее, полностью заменить очный формат оно, по его мнению, не способно.

Дискуссия продолжилась в ходе Экспертной сессии, которую модерировали **К.А.Алешин** и **П.С.Селезнев** [6].

В первой секции - «Коронавирусная инфекция: общий вызов для России и государств Африканского континента? Влияние COVID-19 на темпы экономического развития России и государств Африканского континента» - выступили профессор НИУ ВШЭ **И.Н.Филатова** и ст.н.с. ИАФР РАН **О.С.Кулькова**, которые представили результаты своих исследований о развитии эпидемиологической ситуации в государствах Африки и взаимодействии стран континента и ЕС в преодолении COVID-19.

Профессор **И.Н.Филатова** в докладе «Южная Африка в эпоху COVID-19: старые и новые вызовы» отметила, что основной удар пандемии в ЮАР пришелся на Западный Кейп. В первую очередь, негативные экономические последствия COVID-19 проявились в туристической отрасли. Правительство страны приняло решительные меры по борьбе с пандемией и практически сразу ввело масштабные карантинные меры. Ключевая роль по борьбе с распространением заболевания была возложена на министра кооперативного управления и традиционных дел, бывшего кандидата в президенты ЮАР Нкосазану Дламини-Зуму. К борьбе с COVID-19 подключился Национальный Фонд Солидарности с планом сбора пожертвований в размере 4 млрд южноафриканских рандов (\$265 млн).

Однако принятые меры не позволили полностью сдержать распространение вируса. **И.И.Филатова** отметила, что в ЮАР могут возникнуть серьезные проблемы с восстановлением экономики в постковидный период, в первую очередь из-за того, что внутренние источники финансирования правительственных программ уже исчерпаны.

О.С.Кулькова охарактеризовала текущее состояние и планы развития европейско-африканского взаимодействия, в т.ч. с учетом сложившейся неблагоприятной эпидемиологической ситуации. Весной 2020 г. была принята стратегия сотрудничества Европейского Союза с Африканским континентом. Пандемия также подтолкнула страны Евросоюза к корректировке своей финансовой помощи развивающимся странам. Одна из ключевых гуманитарных программ ЕС - *Team Europe*, аккумулирует в своем бюджете €20 млрд, 15% из которых будут направлены для помощи африканским странам. В качестве основных направлений помощи ЕС выделяет здравоохранение в рамках Партнерства по клиническим испытаниям в Европе и развивающихся странах (*EDCTP*) и по линии глобальной инициативы ЕС по противодействию распространения COVID-19. Кроме того, ЕС, как один из крупнейших кредиторов Африки, поднимает вопрос по снижению международной долговой нагрузки для государств континента до окончания пандемии. По мнению докладчика, итоги данного процесса предугадать сложно, Европейский Союз в сотрудничестве с Африкой может либо закрепиться как глобальный лидер в борьбе с пандемией, либо новая стратегия ЕС на африканском направлении будет несостоятельна, что приведет к новым эмиграционным, политическим и экономическим кризисам в отношениях между ЕС и Африкой.

Спикерами второй секции «Роль России в решении гуманитарных проблем Африки (медицина, образование, стихийные бедствия). Сотрудничество в условиях пандемии COVID-19» стали представители ИАФР РАН - вед.н.с. **Т.Л.Дейч**, м.н.с. **Н.В.Гаврилова**, **О.В.Константинова** и заведующая лабораторией африканистики и востоковедения кафедры всеобщей истории ЯрГУ им. П.Г.Демидова профессор **Т.М.Гавристова**.

Гуманитарная составляющая традиционно занимает особое место в отношениях Российской Федерации с государствами Африки. В своем докладе **Т.Л.Дейч** отметила, что наша страна имеет большой исторический опыт в области гуманитарного сотрудничества со странами континента, в т.ч. в области медицины, в частности, в 2018 г. около 1 тыс. отечественных специалистов в области здравоохранения работали на континенте. При поддержке Роспотребнадзора компания РУСАЛ открыла в Гвинее современный многофункциональный медицинский центр (эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней), который активно работал при вспышке лихорадки Эбола и продолжает оказывать поддержку Республике в борьбе с другими вирусами и заболеваниями. Также было отмечено, что, по поручению президента России В.В.Путина, сотрудниками НИЦЭМ им. Н.Ф.Гамалеи были разработаны две первые вакцины для борьбы с лихорадкой Эбола.

Завершая выступление, **Т.Л.Дейч** отметила, что в условиях современной эпидемии COVID-19, Российской Федерации необходимо учитывать опыт Китая в области медицинского сотрудничества со странами континента. В частности, расширять присутствие российских гуманитарных миссий в Африке и увеличивать поставки лекарств, медоборудования, а главное - необходимых средств эпидемиологической защиты.

О.В.Константинова дала характеристику эпидемиологической ситуации в Африке в целом и отдельных странах, в частности, сложившейся в результате распространения пандемии COVID-19. Она отметила, что, несмотря на прогноз числа погибших (190 тыс. чел.), смертность на континенте в сравнении с другими регионами мира невысока. Прежде всего, это обусловлено возрастной структурой местного населения, в которой преобладает молодежь. По ее мнению, Нигерия, Камерун, ЮАР и Алжир формируют группу стран, в которой может быть зафиксировано наибольшее число погибших по окончании пандемии. С учетом этого совместная работа России и Африки по купированию распространения вируса и преодолению возможных негативных последствий пандемии стала в последнее время одним из основных направлений взаимодействия.

Особое внимание было уделено вопросам развития образования в России и государствах Африки. Серьезные трансформации в этой сфере проявились в связи с пандемией. **Т.М.Гавристова** акцентировала внимание участников встречи на следующих тенденциях: во-первых, дистанционное образование играет все большую роль. Во-вторых, на основных онлайн-площадках имеется недостаток как бесплатных, так и платных образовательных материалов по африканистике. Кроме того, наблюдается уменьшение числа авторских курсов в пользу универсальных программ. Вместе с тем, одной из немногих платформ, предлагающих программы изучения языков, литературы, политики, урбанистики Африки, является *Coursera*. В-третьих, сохранится интерес к уникальным онлайн-курсам со стороны обучающихся. По мнению **Т.М.Гавристовой**, подготовка, внедрение и тиражирование российских программ способствовали бы укреплению университетских связей между Россией и государствами Африканского континента.

Следующий докладчик **Н.В.Гаврилова** подняла острую проблему продовольственной безопасности в странах Африки. Было отмечено, что образовательные услуги - ключ к обеспечению продовольственной безопасности государств континента. Докладчик констатировал, что в современной Африке проживает значительное число молодых людей, нацеленных на получение знаний на уровне среднего и высшего образования, а Российская Федерация имеет значительный академический потенциал и может предложить африканским партнерам подготовку специалистов в области сельского хозяйства. Прежде всего, по мнению **Н.В.Гавриловой**, необходимо стимулировать интерес к этой отрасли экономики и проводить работу по популяризации аграрного образования среди африканского населения. Для этого, в частности, целесообразно обеспечить подготовку детей в аграрных школах, а далее - в университетах соответствующего профиля. Конкурентными преимуществами данного подхода является высокое качество образования и низкая стоимость обучения. Кроме того, у российских университетов уже имеется большой опыт подготовки студентов из стран Африки.

В заключительной, третьей секции «Мир после пандемии: российско-африканское сотрудничество и новый баланс сил в международных отношениях» с докладами выступили сотрудники ИАФР РАН, в частности гл.н.с., профессор **В.Г.Шубин**, вед.н.с., заведующий Центром социологических и политологических исследований **С.В.Костелянец**, ст.н.с., заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, доцент **С.Н.Волков**, заместители председателя Совета молодых ученых **А.К.Барин** и **Г.К.Сугаков**, а также профессор СПбГУ **К.А.Панцеров**, сотрудники Финансового университета: заместитель директора Научно-исследовательского центра денежно-кредитных отношений **А.Ю.Ми-**

хайлов, ст. преподаватель **И.В.Юшков**, директор коммуникационного агентства *AFRO-WAVE* **М.А.Гамандий-Егоров** (Марокко).

М.А.Гамандий-Егоров отметил, что если раньше в информационном поле доминировали страны, имеющие существенный опыт работы в Африке и осуществлявшие вещание на английском и французском языках, то сегодня интерес со стороны местных жителей к этим традиционным источникам информации снижается. Это, по мнению докладчика, в частности, обусловлено зачастую необоснованно критическими оценками происходящих в государствах Африки событий, которые предлагают западные журналисты. Так, на фоне ухудшения эпидемиологической ситуации в мире отдельные французские СМИ негативно оценили борьбу властей Марокко с распространением новой коронавирусной инфекции. Между тем, сегодня ситуация в Марокко лучше, чем во Франции: в частности, власти этой североафриканской страны ведут достаточно успешную работу по снижению прироста вновь заболевших и числа погибших.

Профессор **В.Г.Шубин** продолжил тему влияния деятельности СМИ на российско-африканские отношения. Приведя практические примеры из своего опыта, докладчик отметил некорректную интерпретацию некоторыми источниками информации происходящих в Африке событий, низкий уровень знаний сторон друг о друге, искаженное восприятие партнера. Докладчик убежден: развитию экономических связей России и государств континента может способствовать благоприятный информационный фон. Для этого, в частности, было предложено: отслеживать публикации, выпускаемые государственными СМИ, в т.ч. с привлечением академических кругов, в целях недопущения искажения истории российско-африканских отношений и реальной картины происходящих в государствах континента событий; африканцам - стремиться к более масштабному присутствию в информационном пространстве.

Тема влияния пандемии COVID-19 на конфликты в Африке была поднята **Г.К.Сугаковым**. Он отметил, что нынешняя эпидемия не способствовала остановке крупных военных конфликтов в Африке, в частности, в Ливии. В некоторых странах возросла социальная напряженность, которая была вызвана эпидемиологическими ограничительными мерами и последующими негативными последствиями в экономике. Тем не менее, в последние десятилетия уровень насилия на континенте планомерно сокращается, и Африка все дальше дистанцируется от образа региона постоянных, непрерывных конфликтов.

Российско-африканское сотрудничество в области безопасности стало еще одной значимой темой, поднятой в рамках экспертной сессии. **С.В.Костелянец** указал на то, что Россия может усилить свои позиции в Африке по ряду направлений. В частности, речь идет о том, что наша страна может выступать в качестве надежного партнера и поставщика «безопасности» в широком смысле этого слова, учитывая имеющийся значительный опыт сотрудничества со странами континента в данной сфере, а также то, что Россия выступает надежным посредником при решении конфликтов в разных точках мира (в т.ч. и в Африке), ведет активную борьбу с терроризмом и радикализмом, имеет развитую военную инфраструктуру в непосредственной близости от Африки (в Сирии). Кроме того, отметил **С.В.Костелянец**, Российской Федерации следует и дальше активно развивать взаимодействие в области продовольственной, био-, кибербезопасности.

Вопросы взаимодействия в сфере обеспечения кибербезопасности были озвучены и в докладе профессора СПбГУ **К.А.Панцерева**. Он констатировал, что за последние десятилетия континент достиг значительных успехов в развитии информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Однако правительства стран Африки южнее Сахары в своей информационной политике уделяют мало внимания вопросам обеспечения кибербезопасности. Одним из исключений является ЮАР. На территории Южно-Африканской Республики на этом направлении уже активно работают американские компании, такие как *Microsoft*, *IBM* и *Amazon*, свое место на этом рынке занимает и Российская Федерация. Так, в 2017 г. Москва и Претория подписали рамочное соглашение о сотрудничестве в области международной информационной безопасности. Начиная с 2009 г., на рынке ЮАР ведут свою деятельность отечественные компании *Digital Security* и «Лаборатория Касперского». Последняя ставит себе цель стать доверенным партнером в области обеспечения кибербезопасности для многих стран региона. О начале своей работы в ЮАР заявили также отечественные разработчики средств информационной безопасности *Falcongaze*, *SearchInform*. Интерес к выходу на перспективные африканские рынки проявляет и российская компания ООО «Новые Облачные Технологии». По мнению **К.А.Панцерева**, Российская Федерация имеет возможность стать ключевым поставщиком ИКТ-услуг странам континента, и многие африканские компании и правительственные структуры заинтересованы в таком сотрудничестве. Развитию подобной кооперации должна содействовать локализация технологий и максимальная адаптация российских программных продуктов к африканским реалиям и потребностям населения континента.

Тема российско-африканского экономического сотрудничества была отражена в докладе **С.Н.Волкова**. В ходе выступления было отмечено, что Египет является ведущим торговым партнером Российской Федерации среди стран континента, поскольку на него приходится более 40% отечественного экспорта в Африку. В качестве ключевых проектов сотрудничества было выделено создание Российской промышленной

зоны в районе Порт-Саид, строительство атомной электростанции в провинции Мерса-Матрух и контракт на поставку российско-венгерским консорциумом «Трансмашхолдинг Венгрия Кфт.» 1,3 тыс. пассажирских вагонов для нужд Египетских национальных железных дорог.

Экономическая повестка конференции имела свое продолжение в докладе «Нефтегазовые проекты в Африке», который был представлен **И.В.Юшковым**. В Африке находятся значительные запасы углеводородов: 7,2% нефти, 7,3% газа, 1,2% угля (от общемирового показателя). Также докладчик отметил, что в ключевых африканских странах - экспортерах нефти и газа - динамика производства данных природных ресурсов крайне неустойчива, что затрудняет привлечение инвестиций в этот сектор экономики. **И.В.Юшков** подчеркнул, что наиболее выгодное положение на рынке природного газа займут те африканские страны, которые для транспортировки ресурсов используют СПГ-терминалы, а не трубопроводы. Это должно позволить экспортерам диверсифицировать свои поставки в условиях кризиса, спада потребления и колебаний цен на энергоресурсы.

Тема развития африканского транспорта была поднята **А.К.Бариновым** в докладе «Системные проблемы развития транспортной инфраструктуры на Африканском континенте». Было отмечено, что в наши дни для преодоления инфраструктурных проблем региона Африканский Союз реализует масштабную программу инфраструктурного развития континента (*Programme for Infrastructure Development in Africa*). В отчетах Афросоюза указано, что для доведения качества африканской инфраструктуры до международных стандартов в 2017-2040 гг. потребуются инвестиции в размере от \$4 до \$6 трлн, и примерно 30% этих средств должны быть направлены именно на развитие транспортного сектора. **А.К.Баринов** подчеркнул, что в условиях нынешней пандемии как во всем мире, так и в Африке транспортные товаро- и пассажиропотоки сокращаются, границы во многих странах закрыты, эпидемиологические требования к транспорту усложняются. В такой обстановке рентабельность существующих и будущих транспортных проектов становится неопределенной, а привлечение столь значительных средств, о которых говорилось ранее, становится еще более сложной задачей.

Повестка геостратегической борьбы между США и КНР на Африканском континенте была раскрыта **А.Ю.Михайловым** в докладе «Сценарии развития Африки на фоне торговой войны США и Китая». Торговая война между КНР и США негативно повлияла на капитализацию и китайских, и американских компаний, которые работают на территории Африки, но в большей степени это затронуло предприятия Соединенных Штатов Америки. Было отмечено, что многие страны континента на протяжении долгого времени являлись крупными заемщиками, в первую очередь, китайской валюты, и Африка может иметь определенный положительный экономический эффект от девальвации юаня, которая произошла в ходе торговой войны.

Подводя итоги конференции, директор Института Африки РАН **И.О.Абрамова** подчеркнула, что Россия и Африка должны развивать новые и укреплять существующие области сотрудничества, в т.ч. и в условиях пандемии. Этому процессу будет способствовать практическая имплементация договоренностей, которые были достигнуты в рамках саммита «Россия-Африка» в Сочи в 2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конференция «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». Институт Африки РАН. <https://www.inafran.ru/node/2237> (accessed 16.12.2020)
2. Итоги конференции «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». Финансовый университет при Правительстве РФ. <http://www.fa.ru/science/smu/News/2020-06-09-africa.aspx> (accessed 10.12.2020)
3. Программа пленарной сессии «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». Институт Африки РАН. https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/plenarnaya_sessiya_konferenciya_rossiya-afrika.pdf (accessed 11.12.2020)
4. Умаханов И.М.-С. Заместитель Председателя Совета Федерации ФС РФ. Письмо участникам конференции «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». 29 мая 2020. № 2.5-12/195. https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/privetstvennoe_pismo_zamestitelya_predsedatelya_soveta_federacii_federalnogo_sobraniya_rossiyskoy_federacii.pdf (accessed 10.12.2020)
5. Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. <https://tpprf.ru/ru/vneshnie-svyazy/vneshnie-svyazy-news/365148/> (accessed 12.12.2020)
6. Программа экспертной сессии «Россия и Африка в современном мире: новые вызовы и перспективы сотрудничества». Институт Африки РАН. https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/ekspertnaya_sessiya_programma.pdf (accessed 17.12.2020)

REFERENCES

1. Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation. Institute for African Studies, RAS (In Russ.). <https://www.inafran.ru/node/2237> (accessed 16.12.2020)

2. Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation. Financial University under the Government of the Russian Federation (In Russ.). <http://www.fa.ru/science/smu/News/2020-06-09-africa.aspx> (accessed 10.12.2020)

3. Programme of the plenary session «Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation». Institute for African Studies, RAS (In Russ.). https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/plenarnaya_sessiya_konferenciya_rossiya-afrika.pdf (accessed 11.12.2020)

4. Umakhanov I. Deputy Speaker of the Federation Council (Russian Federation). Letter to the participants of the conference «Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation». 29 may 2020. № 2.5-12/195. (In Russ.). https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/privetstvennoe_pismo_zamestitelya_predsedatelya_soveta_federacii_federalnogo_sobraniya_rossiyskoy_federacii.pdf (accessed 10.12.2020)

5. Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation. Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (In Russ.). <https://tpprf.ru/ru/vneshnie-svyazy/vneshnie-svyazy-news/365148/> (accessed 12.12.2020)

6. Programme of the expert session «Russia and Africa in the Modern World: New Challenges and Prospects for Cooperation». Institute for African Studies, RAS (In Russ.). https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/ekspertnaya_sessiya_programma.pdf (accessed 17.12.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алешин Кирилл Андреевич, кандидат экономических наук, с.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Kirill A. Aleshin, PhD (Economics), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Баринов Андрей Константинович, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Andrey K. Barinov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сугаков Глеб Константинович, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Gleb K. Sugakov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.01.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
8.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
05.02.2021

Идеи афро-азиатской солидарности и реалии XXI века

Сегодня мир переживает полосу тяжелых испытаний - пандемия коронавируса угрожает здоровью и жизни миллионов людей. Уроки этого кризисного развития - весьма поучительны.

Стало очевидно, что опасности заражения подвержены и страны «золотого миллиарда», и 6 миллиардов более «отсталого» населения других государств мира. Победить пандемию можно только в том случае, если помощь придет населению всех стран мира, иначе вспышки вируса будут то здесь, то там, и их все новые разновидности будут «кочевать» по планете. В этих условиях не случайно растет интерес к идеям, соединяющим людей, призывающим к проявлению взаимного понимания, сочувствия и помощи, к выправлению дисбалансов, преодолению неравенства и несправедливости как внутри каждого государства, так и между различными странами и народами. К таким идеям относится призыв к проявлению солидарности со странами Азии и Африки.

Движение афро-азиатской солидарности возникло в 50-е годы XX века, когда под давлением национально-освободительного движения начала рушиться одиозная система колониализма. Прежде всего, начали объединяться сами народы этих континентов, которые все более осознавали тот факт, что совместными усилиями, объединившись, будет легче добиваться осуществления требования равенства всех стран и народов - в политике, экономике, торговле, финансах, в социальной сфере.

В апреле 1955 года в индонезийском городе Бандунг прошла конференция руководителей 29 стран Азии и Африки, на которой была разработана четкая программа действий по продвижению интересов освободившихся стран в мире.

В конце декабря 1957 года в Каире была создана Организация солидарности народов Азии и Африки, отделения которой были сформированы в более чем 80 странах мира, в том числе и в СССР.

В 1961 году на встрече в Белграде представители государств Азии, Африки и Латинской Америки заявили о создании Движения неприсоединения, которое на практике означало, что народы этих стран не хотят участвовать в военном противостоянии Восток - Запад и намерены сосредоточить все свои усилия на собственном развитии и укреплении дружбы и сотрудничества между народами. Надо сказать, что СССР, КНР, арабские страны, включая Йемен, страны Восточной Европы поддержали это движение.

Интересно и другое - наиболее дальновидные деятели государств Запада также выступили в поддержку курса на «выправление» дисбалансов и элементов неравноправия в международных отношениях, торгово-экономических, финансовых и инвестиционных связях.

Так, канцлер ФРГ Вилли Брандт в течение ряда лет возглавлял международную комиссию «Север-Юг», которая в 1980 году выработала рекомендации по преобразованию на более сбалансированной платформе торгово-экономических отношений между афро-азиатскими странами и странами Запада.

В.Брандт предупреждал, что сохранение неокOLONиальной, неравноправной в отношении стран Азии и Африки модели международных экономических отношений неизбежно будет порождать конфликты, торговые войны. Он предложил создать новый, более справедливый, учитывающий интересы всех групп стран, политический и экономический миропорядок. К сожалению, переговорный процесс, начало которому положил В.Брандт, был в дальнейшем приостановлен и не дал желаемых результатов.

В 1987 была предпринята новая попытка выработать концепцию «общего будущего» на путях признания необходимости оказания масштабной помощи странам Азии и Африки.

Комиссия ООН, которую возглавляла Гру Харлем Брундтланд, разработала концепцию «устойчивого развития». Эта концепция получила название «Наше общее будущее». Однако и на этот раз результаты были очень далеки от тех, на которые рассчитывали авторы доклада.

Вместе с тем, идеи солидарности с народами Азии и Африки сыграли большую роль в вопросах деколонизации, оказания содействия национально-освободительным движениям, в том числе на юге Африки.

Представители афро-азиатских стран вошли в качестве непостоянных членов в расширенный состав Совета Безопасности ООН. Однако следует признать, что движение афро-азиатской солидарности, как и Движение неприсоединения, по своему составу и основным направлениям деятельности были сориентированы на реалии того времени.

После крушения СССР, распада системы социализма, структуры этих движений пережили период резкого снижения активности, они в течение ряда лет не могли найти адекватные варианты адаптации к новым условиям. Сегодня мы ощущаем необходимость вдохнуть новое дыхание в движение солидарности.

Роль Африки и Азии в мире, в международной экономике растет. Экономика африканских стран развивается темпами, в два раза превышающими общемировые показатели. Индия, ряд других азиатских стран осуществляют подлинный прорыв в сфере передовых технологий. И Азия, и Африка сделали всё возможное для решения проблем окружающей среды.

Фото. Встреча президента Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки И.М.-С. Умаханова и вице-президента РКССАА А.Г. Бакланова с членом президиума Йеменского комитета солидарности с народами Азии и Африки, посла Йеменской Республики в Российской Федерации А. аль-Вахейши (второй справа). Москва, 19 февраля 2021 г. *Источник:* council.gov.ru

Однако пока все еще широкое распространение имеют идеи превосходства стран Запада, примата западных ценностей, западного образа жизни. Афро-азиатские страны воспринимаются как «ученики», которым следует еще только учиться азам демократии и ведения государственных дел. Этот подход в ряде случаев подкрепляется силовыми действиями, свержением законных правительств, вмешательством во внутренние дела других стран, созданием незаконных военизированных формирований.

Трагические события в Йемене, Ираке и Ливии - наглядные примеры такой политики. В этих условиях нужна солидарная защита народами афро-азиатских государств своих историко-культурных и этно-конфессиональных ценностей и традиций. Важно обеспечить поддержку стремления афро-азиатских народов к самостоятельному развитию со стороны как можно большего числа других стран, здравомыслящих людей, живущих на разных континентах, столкнувшихся с глобальными угрозами, такими как изменение климата.

Восстановление динамики и укрепление влияния идей солидарности нужно начать, по-видимому, с разработки реалистичной платформы самого движения, определения ценностей и целей, вокруг которых могло бы формироваться содружество единомышленников. Определенные шаги в этом направлении были сделаны в ходе работы Конгрессов Организации солидарности народов Азии и Африки, которые были проведены в последние годы в Марокко (2016 и 2018 гг.) и в Египте (2019 г.). Работа здесь пока не завершена, однако уже имеется общее понимание тех положений, которые должны быть положены в основу платформы действий.

Так, большинство участников движения афро-азиатской солидарности высказываются за то, чтобы в будущем объединяющем позиционном документе было подтверждено историческое значение героической борьбы народов Азии и Африки за свою независимость.

Победу над колониализмом необходимо признать достижением всего человечества, которое должно получить свое дальнейшее развитие в виде обеспечения права афро-азиатских стран на более сбалансированный международный экономический, финансовый порядок и устойчивое развитие.

Сегодня людям нужно указать не только пути гармонизации и перевода на более честные, справедливые принципы взаимодействия государств и народов, но и поднять на авторитетную высоту жизненные кредо политических и общественных деятелей - символов борьбы за свободу, достижение согласия между людьми, отказа от ненависти и воинственной риторики. Такими символами солидарности народов могли бы, в частности, быть Нельсон Мандела, Хосе де Сан Мартин, Ясир Арафат, Махатма Ганди.

Было бы очень важно восстановить крупные, авторитетные площадки общения сторонников афро-азиатской солидарности, в том числе деятелей культуры. В свое время одной из таких площадок был Ташкентский кинофестиваль, проводившийся под эгидой движения афро-азиатской солидарности. Подобного рода встречи деятелей кинематографии двух континентов нужно было бы возобновить. Должны быть приняты согласованные меры по снижению уровня зависимости афро-азиатских стран от информационных агентств и сетей транснациональных компаний.

Большие возможности для авторитетного, в том числе и на самом высоком уровне, продвижения идей солидарности открываются в связи с планируемым проведением по инициативе российской стороны крупных международных форумов. Это относится, в частности, к планируемой в мае 2022 года в Санкт-Петербурге Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу.

Это - самый масштабный такого рода форум. Он проводится по инициативе Межпарламентского союза под эгидой Организации Объединенных Наций. На него будут приглашены руководители всех стран мира, крупные общественные, политические деятели, представители всех важнейших конфессий мира.

Идеи солидарности займут, как планируется, одно из центральных мест в ходе разнообразных по своему формату мероприятий в рамках Всемирной конференции. Мнение представителей движения афро-азиатской солидарности будет, без сомнения, учтено в ходе подготовки и проведения Конференции.

В этом контексте важно отметить, что практическую координацию работы по подготовке Конференции будет осуществлять вице-президент Организации солидарности народов Азии и Африки, президент Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА) Ильяс Магомед-Саламович Умаханов.

В марте 2021 года он был назначен Специальным представителем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по взаимодействию с международными организациями по вопросам подготовки и проведения Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу.

Также большие возможности для продвижения идей солидарности предоставляет проведение в 2022 году Второго саммита «Россия - Африка» и российско-африканского делового форума, который на этот раз пройдет в одной из стран Африканского континента. И в этом случае у движения солидарности имеются представители в структурах, непосредственно готовящих эти мероприятия.

В ходе подготовки и проведения указанных мероприятий и на других площадках будут продвигаться идеи солидарности в увязке с отстаиванием принципов Организации Объединенных Наций, традиционных моральных ценностей - общественных, семейных, этно-конфессиональных.

Планируется, что в результате всей этой работы могут сложиться предпосылки для формирования нового по своим масштабам и задачам движения солидарности. Движение включится в борьбу за новый международный экономический, информационный и политический порядок, создание климата доверия, взаимного уважения и сотрудничества представителей всех стран и народов, этно-конфессиональных групп.

По-видимому, нужно разработать новый, объединительный программный документ, который даст четкие ориентиры движению солидарности. Это мог бы быть, скажем, «Манифест солидарности и справедливости XXI века» - современный аналог «Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству», которая была принята в Бандунге в 1955 году.

Конечно, особую роль здесь может сыграть Россия, ее общественные и экспертные сообщества в поддержке развивающихся обществ, включая государства Азии и Африки. России во все времена была свойственна моральная, дружественная линия в отношении других народов, в том числе Востока. Россия не имела колоний, она инициировала принятие в 1960 году Генеральной Ассамблеей ООН исторической Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам и создании Комитета ООН по деколонизации («Комитет 24»).

Сегодня Россия вновь протягивает руку народам Африки, Азии, арабских государств. В работе по продвижению идей солидарности и формированию новых, более современных структур для поддержания диалога и сотрудничества на этом направлении Россия может рассчитывать на поддержку многих афро-азиатских стран. Это в полной мере относится и к Йемену.

Йемен, который переживает непростой период своей истории в достижении мира и возвращении к гражданскому государству, знает цену дружбы, сотрудничества, взаимной помощи.

Йеменский комитет солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки готов сегодня совместно с Российским комитетом солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки способствовать формированию инициативной группы для подготовки конкретных предложений по продвижению идей солидарности во имя создания более справедливой, устойчивой системы мироустройства XXI века.

Ахмед Салем аль-Вахейши, Чрезвычайный и Полномочный Посол Йеменской Республики в Российской Федерации, член Президиума Йеменского комитета солидарности с народами Азии и Африки

Бакланов Андрей Глебович, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, вице-президент Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки, проф., руководитель секции изучения стран Ближнего Востока и Северной Африки НИУ «Высшая школа экономики»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).